ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

21

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ВТОРОЙ (ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 90890.
Гиз. № 20470. Тир. 2500 экз.

Заказ № 2397.

Февральская революция 1917 года.

(Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта.)

Документы, публикуемые ниже, извлечены: из 1) дела управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем «Переписка, связанная с переходом к новому строю» от 25 февраля — 13 марта 1917 г., в семи частях (Московский Центральный Военно-Исторический Архив, ч. I, №№ 256-992—256-998) и 2) дела штаба главнокомандующего армиями северного фронта «Об изменении государственного строя России» от 27 февраля — 20 мая 1917 г. (Московский Центральный Военно-Исторический Архив, ч. I, № 222—116). В основу настоящей публикации положены, главным образом, материалы первого дела, а из дела штаба армий северного фронта взяты лишь некоторые документы, которые дополняют картину событий февральско-мартовских дней революции 1917 г., как они рисуются по документам управления генерал-квартирмейстера при ставке верховного главнокомандующего.

Содержание дела ставки верховного главнокомандующего определило как объем, так и план настоящей публикации: печатаемые документы восходят от 25 февраля к 11 марта (ст.ст.) 1917 г. и размещены здесь в порядке расположения их в деле, из которого они извлечены (дополнения из дела штаба северного фронта расположены в порядке хронологической связи).

Настоящая публикация не ставит своей целью полного воспроизведения всего документального содержания обоих вышепоименованных дел: этому, с одной стороны, препятствует ограниченность места в журнале, — с другой же стороны, перепечатка имеющихся в обоих делах многочисленных агентских телеграмм, которые в те дни публиковались в повременной прессе, а также мелкой переписки, связанной с осуществлением контр-революционных мероприятий ставки и штабов, достаточно освещенных в выбранных для публикации материалах, — представлялась редакции нецелесообразной.

Являясь первоисточником исключительной ценности, печатаемые документы день за днем, час за часом, освещают: отношение ставки верховного главнокомандующего, т.-е. царя и его приближенных, к только что начавшейся в Петрограде революции; организацию посылки войск с фронтов для подавления революции, о размерах которой в ставке еще не имели правильного представления, и отправку Ивановской экспедиции; затем быстрое нарастание тревоги высших чинов армии за судьбу династии и успешный конец войны; переговоры верховного командования о спасении положения с Родзянко, официально возглавлявшим тогда революцию; отъезд царя на север и безуспешные попытки его прорваться в Царское Село; разложение флота; попытки ставки, в лице генерала Алексеева, к компромиссному соглашению монархии с Временным Комитетом

Государственной Думы на почве «дарования» царем ответственного министерства; все усиливающийся подъем революционной стихии в Петрограде под лозунгом свержения династии Романовых и провозглашения республики; фактическое признание штабом верховного главнокомандующего — еще до отречения царя — новой власти в Петрограде и попытки его спасти монархический принцип; назначение Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа; роль Алексеева в подготовке отречения Николая II; самое отречение и возвращение Николая Романова в Могилев; задержку опубликования манифеста Николая об отречении; появление первых агитаторов на фронтах; историю смещения нового главковерха Николая Николаевича; уговоры генерала Алексеева Временным Правительством принять пост верховного главнокомандующего, назначение его на эту должность и т. д.

Отметим, что некоторое количество публикуемых здесь документов уже появлялось в газетно-журнальной прессе, а также было напечатано в работах Лукомского, Мартынова, Перетца и др., но систематической публикации важнейших документов ставки за этот период мы до сих пор не имеем. Кроме того, необходимо указать, что появившиеся до сих пор публикации некоторых из печатаемых ниже документов, за небольшими исключениями, отличаются значительными неточностями, будучи воспроизведены с непроверенных копий, а также пропусками, сокращениями, отсутствием точной датировки и т. п.

Документы печатаются нами по новой орфографии, но с соблюдением некоторых особенностей подлинника; даты заголовков обозначены по старому стилю; пунктуация большей частью выправлена; заголовки принадлежат редакции, за исключением особо оговоренных в подстрочных примечаниях.

Текст подготовил к печати А. А. Сергеев. *Ред.*

Телеграмма гл. начальника Петроградского военн. округа ген. Хабалова начальнику штаба верх. главноком. ген. Алексееву 25 февраля 1917 г. № 486 [1]).

Подана 25. II. 17 ч. 40 м.

Принята 25. II. 18 ч. 8 м.

Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В средине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспо-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 26. II. 917 г.».

рядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска, и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486/сек. *Хабалов.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 26 февраля 1917 г. № 3703 [1]).

Подана 26. II. 13 ч. 5 м.
Принята 26. II. 13 ч. 40 м.

К № 486. Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: «Долой войну!» На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9 запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно. № 3703. *Хабалов.*

Телеграмма председателя Госуд. Думы Родзянко ген. Алексееву 26 февраля 1917 г. [2]).

Подана 26. II. 21 ч. 53 м.
Принята 26. II. 22 ч. 22 м.

Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону, в Петрограде останавливаются за недостатком топлива и сырого мате-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II. 917 г.».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II».

риала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28, в виду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозят унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю вас о том от всей души. Председатель Государственной Думы *Родзянко*.

Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г.

Подана 27. II. 12 ч. 40 м.

Принята 27. II. 13 ч. 5 м.

Занятия Государственной Думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей Рос-

сии прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной Думы *Родзянко*.

Телеграмма главнокомандующего юго-западным фронтом ген. Брусилова ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. [1]).

Принята 27. II. 1 ч.

Представляю телеграмму, полученную мною в 23 часа двадцать шестого февраля. Прошу ваше высокопревосходительство всеподданнейше доложить ее его императорскому величеству. По верноподданнейшему долгу и моей присяге государю императору считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу. «Главнокомандующему южного фронта генерал-адъютанту Брусилову...» [2]) *Брусилов*.

Телеграмма вр. и. д. начальника гв. зап. частей в Петрограде полковника Павленкова царю 27 февраля 1917 г. № 4374 [3]).

Подана 27. II. 1 ч. 40 м.

Принята 27. II. 2 ч. 55 м.

Вашему императорокому величеству всеподданнейше доношу, что 27 сего февраля [неизвестным?] из толпы тяжело ранен командир запасного баталиона л.-гв. Павловского полка полковник Экстен и ранен того же полка прапорщик Ридигер. 4374. Временно исправл. должность начальника гвардейских запасных частей полковник *Павленков*.

Телеграмма председателя Совета Министров кн. Голицына царю 27 февраля 1917 г. [4]).

Подана 27. II. 1 ч. 58 м.

Принята 27. II. 2 ч. 5 м.

Долгом поставляю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, в силу высочайше предоставленных вашим величеством мне полномочий и согласно состоявшемуся сего числа заключению Совета Министров, занятия Государственного Совета и Государственной Думы прерваны с сего числа, и срок возобновления

---

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II. 917».

[2]) Далее приводится текст телеграммы Родзянко на имя Алексеева от 26 февраля, начинающейся словами: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер».

[3]) На подлиннике помета: «Копия его величеству передана 27. II. 1917 г. Подполковник *Лебедев*».

[4]) На подлиннике помета: «Копия его величеству доставлена 27. II. 1917 г. Подполковник *Лебедев*».

таковых занятий предуказан не позднее апреля текущего года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Соответственные указы, помеченные 25 февраля в царской ставке, будут распубликованы завтра 27 февраля. Председатель Совета Министров *князь Голицын*.

Телеграмма ген. Хабалова царю 27 февраля 1917 г. № 56.

Подана 27. II. 12 ч. 10 м. пополудни.
Принята 27. II. 12 ч. 20 м. пополудни.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 26 февраля рота эвакуированных запасного баталиона лейб-гвардии Павловского полка объявила командиру роты, что она не будет стрелять в народ. Рота обезоружена и арестована. Дознание производится. Командир баталиона полковник Экстен ранен неизвестным из толпы. Сегодня 27 февраля учебная команда запасного баталиона лейб-гвардии Волынского полка отказалась выходить против бунтующих, вследствие чего начальник ее застрелился, затем вместе с ротой эвакуированных того же баталиона направилась частью к расположению лейб-гвардии Литовского и частью лейб-гвардии Преображенского баталионов, где к ним присоединилась рота эвакуированных последнего баталиона. Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта. Генерал-лейтенант *Хабалов*.

Телеграмма военного министра ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 196.

Подана 27. II. 13 ч. 15 м.
Принята 27. II. 13 ч. 20 м.

Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и баталионами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие. 196. *Беляев*.

Телеграмма главнокомандующего западным фронтом ген.-ад. Эверта ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 6081.

Принята 27. II. 13 ч. 59 м.

Минск. 26 февраля в 24 часа мною получена следующая нешифрованная телеграмма: «Главнокомандующему западного фронта генерал-адъютанту Эверту. Действующая армия. Из Петрограда. Волнения . . . » [1]). По долгу верноподданного считаю себя обязанным сообщить

[1]) Далее следует текст приведенной выше телеграммы Родзянко Алексееву от 26 февраля.

вам изложенную выше телеграмму и просить доложить ее его императорскому величеству. Я — солдат, в политику не мешался и не мешаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграмме по отношению внутреннего положения страны, судить не могу, но не могу не видеть крайнего расстройства транспорта и, как результат сего, постоянного и значительного недовоза продуктов продовольствия. При отсутствии запасов в базисных, промежуточных и армейских магазинах, забастовка на железных дорогах и прекращение подвоза, хотя бы на непродолжительный срок, могут поставить армию в безвыходное положение, поэтому если сведения о возможности забастовок на железных дорогах справедливы, то я считал бы необходимым немедленное принятие надлежащих военных мер для обеспечения железнодорожного движения и подвоза продовольствия к армиям. 6081. *Эверт.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 197 [1]).

Копия главкосев.

Подана 27. II. 19 ч. 22 м.
Принята 27. II. 19 ч. 35 м.

Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. 197. *Беляев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 198.

Подана 27. II. 19 ч. 29 м.
Принята 27. II. 19 ч. 35 м.

Совет Министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. В виду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует. 198. *Беляев.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с начальником штаба северного фронта ген. Даниловым 27 февраля 1917 г.

— Ссылаюсь на телеграмму главкосеву военного министра от сегодняшнего числа № 197. Государь император повелел: генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградским воен-

[1]) Телеграммы ген. Беляева №№ 197 и 198 были представлены ген. Алексеевым 27 февраля при письменном докладе царю, который поставил на докладе синим карандашом знак рассмотрения (/.).

ным округом. В его распоряжение с возможной поспешностью отправить от войск северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для георгиевского баталиона, который едет из ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, повидимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправлять с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск. Поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала Иванова, от которого, быть может, последуют распоряжения, особенно для головных частей, прибывших к Петрограду ранее самого генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля с георгиевским баталионом. Такой же силы наряд последует от западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего. До свидания. *Алексеев.*

— Могу ли предложить один вопрос?

— Если непродолжительный, то слушаю.

— Сколько следует послать генералов в качестве помощников генерала Иванова? Так ли я понял, что во главе каждой бригады пехотной и кавалерийской нужно иметь по одному генералу или же генералы могли бы быть посланы от других частей, тогда был бы шире выбор и можно было бы отправить особо смелых и решительных? *Данилов.*

— Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имели под командою свои полки, хорошо им известные и на которые они могли бы иметь нравственное влияние, но решение этого вопроса я предоставляю вам в зависимости от того, кто командует теми бригадами, кои отправятся в Петроград. Ничего не имею, если поедут начальники дивизий, так как им придется подчинить те запасные части Петроградского гарнизона, которые останутся верными своему долгу. *Алексеев.*

— Слушаю, понял, и будет исполнено. Желаю всего хорошего. *Данилов.*

— До свидания. Будьте здоровы.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 27 февраля 1917 г. № 1789.

Передана 27. II. 22 ч. 25 м.

По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-

адъютантом Ивановым в Петроград высылаются из ставки три роты георгиевского баталиона. От северного фронта высылаются бригада 15-й кавалерийской дивизии и бригада пехоты. От западного фронта высылаются одна бригада Уральской казачьей или одна бригада второй кавалерийской дивизии и одна бригада пехоты. Прошу срочно сформировать для генерал-адъютанта Иванова штаб из чинов главного управления генерального штаба, главного штаба и штаба округа. От западного и северного фронтов, кроме того, будет назначено по одной кольтовской пулеметной команде. Срочно телеграфируйте, вызвана ли вами из Павловска гвардейская запасная батарея. 27 февраля 1917 года. 1789. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с вел. князем Михаилом Александровичем 27 февраля 1917 г. около 22½ часов [1]).

— У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу вас доложить от моего имени государю императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета Министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета, необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием вашего императорского величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета Министров, ответственного единственно перед вашим императорским величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. В виду чрезвычайно серьезного положения, не угодно ли будет вашему императорскому величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего вашего императорского величества имени, причем, с своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов. Генерал-адъютант *Михаил*.

— Сейчас доложу его императорскому величеству телеграмму вашего императорского высочества. Завтра государь император выезжает в Царское Село. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление государя императора, то я немедленно телеграфирую его вашему императорскому высочеству. Генерал *Алексеев*.

— Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить его императорскому величеству, что, по моему убеждению, приезд государя императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Генерал-адъютант *Михаил*.

---

[1]) Заголовок подлинника.

— У аппарата его императорское высочество великий князь Михаил Александрович? Государь император повелел мне от его имени благодарить ваше императорское высочество и доложить вам следующее. Первое. В виду чрезвычайных обстоятельств государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, его императорское величество откладывает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собою надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с северного и западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личною просьбою о том, чтобы высказанные вашим императорским высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах его императорскому величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета и да поможет вашему императорскому высочеству господь бог в этом важном деле. Генерал *Алексеев*.

Со своей стороны сообщаю лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения его величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час.

— Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю вам полного успеха. Генерал-адъютант *Михаил*.

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу его императорскому величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградимо. Желаю здоровья вашему императорскому высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны и жизни государства. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу кап. Брагина с подполк. Гаугер 27 февраля 1917 г.

— Пригласите дежурного офицера для срочных переговоров. Капитан *Брагин*.

— У аппарата дежурный офицер подп. Гаугер.

— Связь по городу [1]) прекращена. Идет стрельба на улицах. Доставка телеграмм посыльными невозможна. Все принятые телеграммы с двух часов лежат. Говорят о скором возможном прекращении телефонного сообщения. Сообщаю для сведения.

---

[1]) Т.-е. Петрограду.

Копия телеграммы царя председателю Совета Министров кн. Голицыну 27 февраля 1917 г.

Передана 27. II. 23 ч. 25 м.

Председателю Совета Министров. Птгр.

О главном военном начальнике для Петрограда мною дано поведение начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. *Николай.*

Телеграмма главнокомандующего северным фронтом ген. Рузского царю 27 февраля 1917 г. № 1147/Б [1]).

Подана 27. II. 21 ч. 15 м.

Принята 27. II. 21 ч. 35 м.

Почитаю долгом представить на благовоззрение вашего величества полученную мной от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу родины. Армия остается проникнутой сознанием долга и желанием довести войну до победного конца. Тем не менее, на ней непосредственно начинают уже отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядиц, а доходящие на фронт сведения о тяжелом кризисе и о волнениях Петрограда, переживаемых населением, могут в будущем создать условия весьма неблагоприятные. Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроений страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить вашему величеству соображение о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольют новые силы в армию и народ для продлёния дальнейшего упорства в борьбе с врагом. Позволяю себе думать, что при существующих условиях меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное умиротворение. 27 февраля. № 1147/Б. Генерал-адъютант *Рузский.*

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 2 ч.». На копии этой телеграммы в том же деле (л. 68) помета: «Представлена его величеству 27.II. 917 г.».

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 1161/Б.

Подана 28. II. 0 ч 15 м.

Принята 28. II. 0 ч. 33 м.

Назначены 67 и 68 пехотные полки во главе с командиром бригады генералом Листовским. 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий с начальником дивизии генералом Мартыновым, кроме того пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. В голове пойдет 67 полк, 1-й эшелон которого будет отправлен из Двинска около двух часов 28 февраля. Прибытие в Петроград примерно через 18 часов после отправления. Псков. 27 февраля. 23 часа 45 мин. 1161/Б. *Данилов.*

Копия телеграммы ком. 42 корп. ген. Гулевича командующему войсками Петроградского округа 27 февраля 1917 г.

Высылаю из Выборга роту с пулеметным взводом для восстановления нарушенного у Финляндского вокзала в Петрограде движения по железной дороге. *Гулевич.*

Телеграмма ген. Рузского командующим I, V и XII армий и ком. 42 корп. 28 февраля 1917 г. 1169/Б.

Беспорядки в Петрограде принимают большие размеры. Подробная ориентировка высылается сегодня нарочным для личного вашего сведения. Необходимо принять меры, чтобы беспорядки не перекинулись в другие пункты войсковых районов армий, а также в район общего тыла. В случае перерыва движения на железных дорогах необходимо оказывать всяческое содействие восстановлению нормального движения, требуя помощи, где нет войск, от ополченских и запасных частей. Кроме того необходимо в каждой армии иметь наготове отряд для поезда, в составе двух рот с 4 пулеметами и соответствующей железнодорожной командой, для немедленного направления к угрожаемым пунктам и необходимых быстрых исправлений в случае порчи пути, мостов и станций. Псков. 28 февраля. 16 часов. № 1169/Б. *Рузский.*

Телеграмма графа Капниста начальнику морского штаба верх. главнокомандующего адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 2704.

Подана 28. II. 0 ч. 35 мин.

Положение к вечеру таково: мятежные войска овладели Выборгской стороной, всей частью города от Литейного до Смольного и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчас сообщают о стрельбе на Петроградской стороне. Сеньорен-конвент Государственной Думы, по просьбе делегатов от мятежников, избрал комитет водворения порядка в столице и для сношения с учреждениями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходят

легко на сторону мятежников. На улицах офицеров обезоруживают. Автомобили толпа отбирает. У нас отобрано три автомобиля, в том числе вашего высокопревосходительства, который вооруженные солдаты заставили выехать со двора моей квартиры, держат с Хижняком, которого заставили править машиной. Командование принял Беляев, но, судя по тому, что происходит, едва ли он справится. В городе отсутствие охраны, и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поезда не ходят. Морской министр болен инфлюенцией, большая температура — 38°, лежит, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархия. Есть признаки, что у мятежников плана нет, но заметна некоторая организация, — например, кварталы от Литейного по Сергиевской и Таврической обставлены их часовыми. Я живу в штабе, считаю, что выезжать в ставку до нового вашего распоряжения не могу. 2704. *Капнист.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову и пом. главнокоманд. румынским фронтом ген. Сахарову 27 февраля 1917 г. № 1801 [1]).

Беспорядки, ныне происходящие в Петрограде, могут перебросится в большие центры и на железные дороги. Необходимо немедленно подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог. 27 февраля 1917 года. 1801. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 199 [2]).

Подана 27. II. 23 ч. 53 м.

Принята 27. II. 23 ч. 59 м.

1789. Из Царского Села вызваны небольшие части двух гвардейских запасных полков и, по просьбе свиты генерала Гротена, более войск из Царского Села вызывать не предположено. Батарея была вызвана из Петергофа, но грузиться в поезд для следования в Петроград отказалась. Так как батареи обоих училищ не имеют снарядов, артиллерийский огонь сегодня не применялся. 199. *Беляев.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. [3]).

Подана 27. II. 20 ч. 10 м.

Принята 28. II. 0 ч. 55 м.

Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкосев — 27. II. 23 ч. 20 м. Главкозап — 28. II. 0 ч. 10 м. Главкоюз — 27. II. 23 ч. 45 м. Поглавкорум — 28. II. 0 ч. 52 м.». Кроме того, на подлиннике имеется след. помета: «Копия передана ген. Тихменеву. Полк. *Базаров.* 27. II. 1917».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 1 ч.».

[3]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 1 ч.».

против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большею частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерал-майора Занкевича, с коими буду продолжать борьбу. Генерал-лейтенант *Хабалов*.

Запрос в ставку верх. главнокомандующего телеграфных чиновников из Петрограда 28 февраля 1917 г. [1]).

— Если у вас много депеш, то мы фактически больше никуда не можем доставлять, так как окружены со всех сторон мятежниками. Пулеметы не дают [пройти] никому даже на площадь, так что депеши могут только попасть в руки мятежников, если не успеем уничтожить их. Скажите, что это видно из депеши ген. Хабалова. Высочайшей депеши председателю Совета Министров не могли доставить, так как проезда по городу нет, а передали по телефону министру иностранных дел, который в заседании Совета Министров. Иначе никак не могли, так что передача депеш, повидимому, излишня.

Телеграмма ген. Беляева дворцовому коменданту ген.-ад. Воейкову 28 февраля 1917 г. № 200 [2]).

Подана 28. II. 1 ч. 55 м.

Принята 28. II. 1 ч. 59 м.

Мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайно услышанному по телефону разговору, там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Войновского-Кригера, заблаговременно ушли из дворца. Относительно этих двух сведений не имею. 200. *Беляев*.

Телеграмма ген. Алексеева председателю Совета Министров кн. Голицыну 27 февраля 1917 г. № 1802.

Передана 28. II. 1 ч. 19 м.

По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-адъютантом Ивановым в Петроград высылается из ставки георгиевский баталион. С северного и западного фронтов высылаются четыре полка конницы и четыре полка пехоты. 27 февраля 1917 года. 1802. Ген.-адъютант *Алексеев*.

---

[1]) На подлиннике пометы: «28. II. 1917 г. 1 час. 05 мин. — Депеши будут передаваться — пока будет действовать провод. Г.-л. *Лукомский*».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 2 ч.».

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому и ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1805 [1]).

Государь император повелел назначить сверх войск, высылаемых в Петроград согласно предшествовавшей моей телеграммы, еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта, имея на орудие по одному зарядному ящику и сделав распоряжение о дополнительной присылке снарядов в хвосте всего движения назначенных войск. Краткий обзор событий в столице сообщу вам двадцать восьмого февраля. 28 февраля 1917 года. 1805. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева командующему войсками Московского военного округа ген. Мрозовскому 28 февраля 1917 г. № 1806.

Передана 28. II. 3 ч. 45 м.

Прошу вас сообщить мне, каково настроение в Москве, и не отражаются ли на ней события в Петрограде? Государь император предоставляет вам полномочие объявить Москву в осадном положении в ту минуту, когда в этом окажется надобность, донеся о принятой мере государю императору в Царское Село и сообщив мне. Нужно принять все возможные меры, дабы обеспечить работу железных дорог московского железнодорожного узла и прилив продовольствия, дабы не было недостатка хлеба, так как первые беспорядки в Петрограде возникли из-за недостатка хлеба для наиболее бедной части населения. 28 февраля 1917 года. 1806. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Эверта ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 6114.

Принята 28. II. 4 ч. 55 м.

Минск. 28 февраля. 2 ч. 12 м. Во исполнение высочайшего повеления, в Петроград командируются: 34 Севский и 36 Орловский пех. полки, под начальством начдива 9-й пехотной генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки под командой комбрига генерала Юрьева и начальника дивизии генерала князя Трубецкого. Одновременно и вместе с пехотными полками для георгиевского батальона командируется пулеметная команда Кольта от 10-го корпуса. Посадка начнется с полудня 28 февраля и окончится 2 марта. 6114. *Эверт.*

Служебная записка нач. военных сообщений театра военных действий ген.-м. Тихменева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 42.

1917 г. 28 февраля. 9 ч. 10 м.

Представляю депешу, полученную около 2 ч., после отъезда государя императора на вокзал, и посланную вслед на вокзал его величеству. Императорский поезд отошел в 5 ч. (утра) в моем присутствии. Ген. *Тихменев.*

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи этой телеграммы: «Главкосев — 28. II. 2 ч. 12 м. Главкозап — 28. II. 2 ч. 27 м.».

Телеграмма выборных членов Госуд. Совета 28 февраля 1917 г. [1]).

Ваше императорское величество. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственного Совета по выборам, в сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину, обращаемся к вам, чтобы выполнить долг совести перед вами и перед Россиею. Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до отчаяния. Это чувство еще обострилось тою ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением. Государь! Дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение вашим императорским величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета Министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страною в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами. Вашего императорского величества верноподданные члены Государственного Совета: *барон Меллер-Закомельский, Гримм, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский, Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург, Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев, Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин.*

Докладная записка главноком. войсками Петроградского военного округа ген.-ад. Иванова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № I [2]).

Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

При представлении моем сего числа, около 3 часов утра, государю императору, его императорскому величеству было благоугодно повелеть доложить вам, для поставления в известность председателя Со-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917».

[2]) Вся записка написана собственноручно ген. Ивановым. На записке помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917».

вета Министров, следующее повеление его императорского величества: «Все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно».

Генерал-адъютант *Иванов*.

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 415.

Подана 28. II. 8 ч. 21 м.

Принята 28. II. 8 ч. 25 м.

Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях, с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное. 415. *Хабалов*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому 28 февраля 1917 г. № 1807.

Передана 28. II. 11 ч. 13 м.

Государь император повелел в случае требования генерал-адъютанта Иванова назначить в его распоряжение один наиболее прочный баталион Выборгской крепостной артиллерии. 28 февраля 1917 г. 1807. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева морскому министру адм. Григоровичу 28 февраля 1917 г. № 1809.

Передана 28. II. 11 ч. 5 м.

Государь император повелел в случае требования генерал-адъютанта Иванова назначить в его распоряжение два наиболее прочных баталиона Кронштадтской крепостной артиллерии. 28 февраля 1917 г. 1809. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1808.

Передана 28. II. 11 ч. 10 м.

Передаю вам высочайшее повеление, отданное словесно через генерал-адъютанта Иванова около трех часов. Прошу вас изыскать все способы вручить это повеление председателю Совета Министров и прочим министрам. Повеление следующее: «все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно». 28 февраля 1917 года. 1808. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 201 [1].

Копия: Орша, вслед, дворцовому коменданту.

Подана 28. II. 11 ч. 32 м.

Положение попрежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления, а равно пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас даже трудно указать, какое количество рот является действительно надежными. На улицах все время идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов разоружают. При таких условиях сколько-нибудь нормальное течение жизни государственных установлений и министерств прекратилось. Министры Покровский и Войновский-Кригер вчера в ночь выбрались из Мариинского дворца и сейчас находятся у себя. Скорейшее прибытие войск крайне желательно, ибо, до прибытия надежной вооруженной силы, мятеж и беспорядки будут только увеличиваться. Великий князь Михаил Александрович выехал из дома военного министра в 3 часа ночи, не мог проехать на вокзал и вернулся в Зимний дворец. 201. *Беляев.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. [2].

Принята 28. II. 1917 г. 11 ч. 30 м.

1) В моем распоряжении в здании главного адмиралтейства четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними, нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя в прохожих, обезоруживая офицеров. 2) Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. 3) Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет. 4) Ответить не могу. 5) Министры арестованы революционерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имею. 8) Продовольствия

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 11 ч. 45 м.».

[2]) Эта телеграмма ген. Хабалова, повидимому, представляет собой копию ответа его на след. вопросы, заданные ему ген. Ивановым в разговоре по прямому проводу из Могилева: «1) Какие части в порядке и какие безобразят? 2) Какие вокзалы охраняются? 3) В каких частях города поддерживается порядок? 4) Какие власти правят этими частями города? 5) Все ли министерства правильно функционируют? 6) Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении? 7) Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении? 8) Какое количество продовольствия в вашем распоряжении? 9) Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих? 10) Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении?» (См. Е. И. Мартынов. «Царская армия в февральском перевороте», 1927, стр. 117—119.)

в моем распоряжении нет. В городе к 25 февраля было 5.600.000 [1]) пудов запаса муки. 9) Все артиллерийские заведения во власти революционеров. 10) В моем распоряжении лично начальник штаба округа. С прочими окружными управлениями связи не имею. Генерал *Хабалов.*

Телеграмма ген. Иванова ген. Рузскому 28 февраля 1917 г. № 2.

Передана 28. II. 11 ч. 24 м.

Части, назначенные в мое распоряжение: 67 и 68 пехотные полки, под начальством генерала Листовского, и 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий полки, под начальством генерала Мартынова, и пулеметная команда Кольта, с целью сосредоточения, должны высадиться на ст. Александровская, вблизи Царского Села, где и получат от меня дальнейшие указания. Выезжаю из Могилева сегодня, 28 февраля, в 13 часов и предполагаю быть на ст. Царское Село около 8 часов 1 марта, где и остановлюсь на вокзале до выяснения обстановки. Об отданных по сему распоряжениях прошу мне телеграфировать на ст. Дно и Царское Село и приказать этим частям по прибытии в Царское Село установить со мною связь. 28 февраля 1917 г. № 2. Генерал-адъютант *Иванов.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Иванову 28 февраля 1917 г. № 1168/Б.

Дно—Царское Село-вокзал, вагон.

Подана 28. II. 16 ч. 25 м.

Все распоряжения сделаны, копия таковых послана вам депешей в Царское Село. 1168/Б. 28. II. 16 ч. *Рузский.*

Телеграмма ген. Иванова ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1.

Передана 28. II. 11 ч. 26 м.

Части, назначенные в мое распоряжение: 34 и 36 пехотные полки, под начальством генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки, под начальством генерала князя Трубецкого, и пулеметная команда Кольта и две батареи, с целью сосредоточения, должны высадиться на ст. Царское Село, где и получат от меня дальнейшие указания. Выезжаю из Могилева сегодня, 28 февраля, в 13 часов и предполагаю быть на ст. Царское Село около 8 часов 1 марта, где и остановлюсь на вокзале до выяснения обстановки. Об отданных по сему распоряжениях прошу мне телеграфировать на ст. Дно и Царское Село и приказать этим частям по прибытии в Царское Село установить со мною связь. 28 февраля 1917 г. № 1. Генерал-адъютант *Иванов.*

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 28 февраля 1917 г. № 1813 [1]).

Двадцать шестого, в тринадцать часов сорок минут, получена телеграмма генерала Хабалова о том, что двадцать пятого февраля толпы рабочих, собиравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около семнадцати часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов и был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. Двадцать пятого февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Генералом Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. По донесению генерала Хабалова, с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого, в двадцать два часа, получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщающего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику.

Двадцать седьмого военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и баталионами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Председатель Государственной Думы двадцать седьмого около полудня сообщает, что начался военный бунт, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров. Генерал Хабалов двадцать седьмого, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного батальона Павловского полка двадцать шестого февраля заявила что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы.

Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков, и начальник ее застрелился. Затем эта команда с ротой этого же полка направились в расположение других запасных баталионов, и к ним начали присоединяться люди этих частей. Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей

---

[1]) На подлиннике пометы об отправлении: «Главкосев — 28. II. 13 ч. 10 м. Главкозап — 28. II. 14 ч. Главкоюз — 28. II. 14 ч. Поглавкорум — 28. II. 14 ч. 58 м. Августейшему главнокомандующему Кавказской армии пер. 28. II. 19 ч. 25 м.».

с фронта. Военный министр к вечеру двадцать седьмого февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. Двадцать седьмого февраля, между двадцатью одним часом и двадцатью двумя, дано указание главнокомандующим северного и западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка, с энергичными генералами во главе бригад, и по одной пулеметной команде Кольта для георгиевского баталиона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из ставки. По высочайшему повелению, главнокомандующим Петроградским военным округом, с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров, назначен генерал-адъютант Иванов.

Двадцать седьмого, около двадцати четырех часов, мною сообщено главкосев, главкозап, главкоюз и поглавкорум о необходимости немедленно подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог. Двадцать седьмого, после девятнадцати часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить не удается, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары.

Петроград объявлен в осадном положении. Двадцать восьмого, в два часа, посланы телеграммы от меня главкосев и главкозап о направлении в Петроград, сверх уже назначенных войск, еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта.

Двадцать восьмого февраля, в три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского округа о принятии необходимых предупредительных мер на случай, если беспорядки перекинутся в Москву, и об обеспечении работы железнодорожного узла и прилива продовольствия. Двадцать восьмого февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на высочайшее имя, что он восстановить порядок в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу, и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжение всего дня понесли большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы, и оставшиеся верными присяге небольшие части разных полков стянуты у Зимнего дворца.

Двадцать восьмого февраля, в два часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Мариинский дворец и там находятся члены революционного правительства. Двадцать восьмого февраля, в восемь часов двадцать пять минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верных долгу уменьшилось до шестисот человек пехоты и до пятисот всадников, при пятнадцати пулеметах и двенадцати орудиях, имеющих всего восемьдесят патронов, и что положение до чрезвычайности трудное. Головной эшелон пехотного полка, отправляемый

с северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру первого марта [1]). Государь император в ночь с 27 на 28 февраля изволил отбыть в Царское Село. По частным сведениям, революционное правительство вступило в управление Петроградом, объявив в своем манифесте о переходе на его сторону четырех гвардейских запасных полков, о занятии арсенала Петропавловской крепости, главного артиллерийского управления. Только что получена телеграмма военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления и пропаганды, бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Все время на улицах идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоружают. Министры все целы, но работа министерств, повидимому, прекратилась. По частным сведениям, председатель Государственного Совета Щегловитов арестован. В Государственной Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы от рабочих и мятежных войск. Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически влиять на события он более не может. Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов. 28 февраля 1917 года. 1813. Ген. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 28 февраля 1917 г. № 1812.

Передана 28. II. 12 ч. 15 м.

В дополнение моего сообщения о положении дел в Петрограде уведомляю, что государь император изволил выразить желание назначить в распоряжение генерала Иванова гвардейские полки: Преображенский, третий и четвертый стрелковые, отправя их, как только представится возможность по условиям железнодорожных перевозок. Прошу ваших распоряжений о подготовке этих полков, выводе их в резерв. Не откажите уведомить, когда обстоятельства позволят отправить эти войска. Думаю, что полезно придать им одну батарею. Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления в Петрограде вооруженной силы, то придется отправить одну из гвардейских кавалерийских дивизий. Войска, отправляемые северным и западным фронтами, будут снабжаться хлебом попечением фронтов. Если это вашему фронту будет затруднительно, просил бы просить генерала Рузского принять довольствие ваших войск на попечение северного фронта. 1812. *Алексеев*.

---

[1]) Зачеркнуто в подлиннике: «двадцати часам сегодняшнего числа».

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 2707 [1]).

Весь город в руках мятежников и войск, перешедших на их сторону. Правительственные войска — несколько рот. Хабалов засел в адмиралтействе, организует оборону, как последнего редута. Опасаюсь, что это послужит только бесполезному истреблению драгоценных документов штаба и кораблестроения. Телефоны прерваны. Мятежники появились со стороны Гороховой. 2707. *Капнист.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1811.

Передана 28. II. 11 ч. 15 м.

Благоволите срочно сообщить судьбу Кригер-Войновского, а равно, может ли при настоящем положении министерство путей сообщения управлять железными дорогами, ибо при отсутствии этой возможности власть над всей сетью должна безотлагательно перейти к товарищу министра путей сообщения на театре военных действий. 1811. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 202 [2]).

Подана 28. II. 12 ч. 25 м.

1811. Министр путей вчера был застигнут в Мариинском дворце при занятии его мятежниками. Ему удалось скрыться в подвалах, откуда в 4 часа ночи он незаметно скрылся и, по имеющимся у меня данным, перешел на квартиру сенатора Гарина, Миллионная, 11. При таких условиях ни он, ни министерство путей не могут правильно и безостановочно выполнять своих функций, почему управление всей сетью, казалось бы, должно без замедления перейти к товарищу министра на театре военных действий. Высочайшее повеление, сообщенное вашим высокопревосходительством телеграммою 1808, мною передано четырем министрам, с коими могу поддерживать связь по дворцовому телефону. Городской телефон не действует, и потому с остальными министрами, в том числе и председателем, сегодня связи не имею. 202. *Беляев.*

Отношение ген.-квартирмейстера при верх. главнокоманд. ген. Лукомского на имя тов. министра путей сообщения на театре военных действий ген.-м. Кислякова 28 февраля 1917 г. № 1818.

На обороте сего сообщаю вам копию телеграммы военного министра по вопросу об управлении сетью железных дорог, на каковой телеграмме начальник штаба верховного главнокомандующего поло-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917.».

[2]) На подлиннике резолюция ген. Алексеева: «Копию передать ген. Кислякову. Управление всеми жел. дор. временно принимаю на себя через товарища м[инистра] п[утей] с[ообщения] на театре военных действий. Ген. *Алексеев.* 28. II.917. 12 ч. 35 м.».

жил следующую резолюцию: «Копию передать ген. Кислякову. Управление всеми железными дорогами временно принимаю на себя через товарища мин. путей сообщ. на театре военных действий. Ген. А л е к с е е в». Генерал-лейтенант *Лукомский*. Генер. штаба подполк. *Барановский*.

Отношение тов. министра путей сообщения на театре военных действий ген. Кислякова на имя ген.-квартирмейстера при верх. главнокомандующем ген. Лукомского 1 марта 1917 г. № 1.

Секретно. Срочно.

В виду личного доклада моего начальнику штаба верховного главнокомандующего, что до сего времени железные дороги фронта руководились нами лишь в техническом отношении и находились в полном подчинении управлению ж. д. в отношении хозяйственном, почему перенесение управления ими в ставку может вызвать затруднения в смысле дальнейшей планомерной работы всей сети дорог, его высокопревосходительство приказал сообщенную в отношении вашем меру отложить впредь до нарушения действий центрального управления железных дорог.

Генерал-майор *Кисляков*. Секретарь *Н. Кочетков*.

Копия телеграммы ген. Эверта начдиву 9-й пехотной ген. Лошунову, начдиву 2-й кавалерийской ген. кн. Трубецкому 28 февраля 1917 г. № 6121.

Принята 28. II. 13 ч. 9 м.

Минск. 28 февраля. 11 ч. 50 м. В то время как жестокий враг стоит упорной стеной на нашей родной земле, когда наши братья, томимые вражеской неволей, ждут не дождутся, когда эта стена рухнет под мощным усилием всей России, когда все мы чуем, что час победы близок, что враг напрягает последние силы перед надвигающимся грозным призраком печального для него конца, у нас за спиной, в столице, начались беспорядки. Спокойная работа заводов, которая обеспечивала наши армии снарядами, патронами, снаряжением и вооружением, необходимыми, чтобы окончательно сразить надменного врага, нарушена, и с каждым новым днем беспорядков уменьшается материальная мощь храбрых наших войск, стоящих лицом к лицу с коварным врагом. Каждый такой день приносит нам вред, а противнику идет на пользу. В твердом непоколебимом решении довести в тесном единении с союзниками навязанную нам войну до победного конца, государь император повелел призвать к восстановлению порядка и правильной работы в тылу полки из действующей армии. Передайте командируемым под вашим начальством полкам и батареям, что, исполняя высочайшее повеление и останавливая свой выбор на доблестных севцах, орловцах, павлоградцах и донских казаках 2-го наследника цесаревича полка с их батареями, я ни минуты не сомневаюсь, что проникнутые, как и всегда, непоколебимой верностью

царю и преданностью родине, они с честью выполнят возложенное на них, в трудную для государства минуту, ответственное дело, твердо памятуя, что порядок внутри России, который они призваны государем восстановить, нужен для победы над нашим упорным врагом. Без этой победы невозможен мир, тот славный мир, который обеспечит свободное, спокойное и широкое процветание нашей родины. К этой победе до сих пор неуклонно шли их доблестные товарищи, смертью своею запечатлевшие верность престолу и России, к ней же всеми силами и помышлениями стремится вся армия и теперь. Напутствуя назначенные на государево дело полки, прошу вас напомнить им, что залог успешного выполнения возложенной на них задачи лежит в строжайшем внутреннем порядке и полной дисциплине их самих, дабы прежде всего они всегда и везде служили для всех живым примером верных слуг своего царя и родины. 6121. Генерал-адъютант *Эверт*.

Копия телеграммы ген. Эверта командующим II, III и X армиями 28 февраля 1917 г. № 6126.

Принята 28. II. 14 ч. 20 м.

Минск. 28 февраля. 11 ч. 30 м. В Петрограде — восстание. Ни в каком случае никакое брожение среди войск фронта не может быть допущено. Войска должны помнить, что мы стоим перед злейшим врагом России и что наша святая обязанность — отстоять родину от врага. Примите к этому все необходимые меры. 6126. *Эверт*.

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 9157 [1]).

Подана 28. II. 13 ч. 30 м.
Принята 28. II. 14 ч. 25 м.

Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию морского министра были выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным, в виду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем, во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы морскому министерству. 9157. *Беляев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1816.

Передана 28. II. 18 ч. 30 м.

В Петроград командируются с севфронта 67 и 68 пехотные полки во главе с командиром бригады генералом Листовским, 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий полки с начдив генералом Марты-

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «28. II. 917. Главнокомандующим. В Царское Село для представления гос. имп. и г.-а. Иванову».

новым; кроме того, пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. Первый эшелон 67 полка отправлен из Двинска около восьми часов 28 февраля и прибудет в Петроград не ранее рассвета 1 марта. С запфронта командируются 34 и 36 полки под начальством начдива 9 пехотной генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки под командой командира бригады генерала Юрьева и начдива генерала князя Трубецкого; кроме того, пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. С северного и западного фронтов, кроме того, направляются в Петроград по одной пешей и по одной конной батарее с каждого фронта. Сделаны распоряжения об отправлении с юго-западного фронта, как только представится возможность, лейб-гвардии Преображенского, третьего и четвертого гвардейских стрелковых полков. Если представится необходимость, то в Петроград будет отправлена одна из гвардейских кавалерийских дивизий, каковую приказано подготовить к посадке. 28 февраля 1917 года. 1816. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Лукомского ген.-квартирмейстеру западного фронта ген. Лебедеву 28 февраля 1917 г. № 1817.

Передана 28. II. 15 ч. 55 м.

Наштаверх приказал немедленно направить по маршруту Орша — Царское Село одну полевую радиостанцию с офицером в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, выехавшего из ставки 28 сего февраля эшелоном номер 8. Офицер должен явиться к генерал-адъютанту Иванову на любом пункте линии железной дороги, где он встретит названного генерала, и поступить в его распоряжение. Кроме того, одну полевую радиостанцию следует направить в Невель и открыть там действия, поддерживая непрерывную радиосвязь с тремя радиостанциями: находящейся в распоряжении генерала Иванова, в ставке и во Пскове. Радиостанции могут выступить не в штатном составе, а лишь в необходимом для обеспечения поддержания непрерывной радиосвязи между указанными пунктами. О последующем прошу уведомить с указанием порядковых номеров означенных станций. 28 февраля 1917 года. 1817. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 6143/99 [1]).

Копия генералу Тихменеву.

Минск. 1 марта. 1 ч. 20 м. 1817. Одна радиостанция, под командой капитана Козякина, порядковый номер 217, назначенная в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, погружена 28 февраля и срочно отправляется по указанному маршруту. Вторая радиостанция, по-

[1]) На подлиннике резолюция ген. Алексеева: «1. III. 917. Сообщить ген.-ад. Иванову».

рядковый номер 218, под командой прапорщика Гурьянова, грузится 1 марта, утром, после чего срочно отправляется на станцию Невель. 6143/99. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому и ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1819.

Послана главкосев — 28. II. 19 ч. 21 м.
Главкозап — 28. II. 18 ч.

Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления войск, направленных в Петроградский округ, то подлежат отправлению остальные полки и батареи 2 и 15 кавалерийских дивизий. От юзфронта предназначена часть гвардейских полков, которые отправятся, когда позволят условия железнодорожного движения. 1819. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Занкевича ген. Лукомскому 28 февраля 1917 г. № 9158 [1]).

Подана 28. II. 17 ч. 25 м.
Принята 28. II. 17 ч. 30 м.

Благоволите уведомить, когда прибудет назначенный главнокомандующим генерал-адъютант Иванов. 9158. *Занкевич.*

Разговор по прямому проводу морского штаба верх. главнокомандующего с главным морским штабом 28 февраля 1917 г. в 18 ч.

— Наморштаверх просит узнать, где каперанг Альтфатер.

— Каперанг Альтфатер в Петрограде, уехать не может никуда, так как вокзалы заняты мятежниками. Обстановка теперь такова: Дума делает попытки собрать войска в казармы и подчинить их офицерам, но для этого ей необходимо опереться на какой-либо правительственный акт, который послужил бы началом успокоения. Таким актом должно быть прежде всего назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства, коему предоставить составить кабинет. Всякое промедление крайне опасно, потому что, с одной стороны, войска перепьются и исхулиганются, а, во-вторых, может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранит Думу. Правительственных войск больше нет, и гарнизоны пригородных мест почти все примкнули к мятежникам. Про гарнизон Царского Села я не знаю. Едва ли, впрочем, какие-либо войска удержатся на стороне теперешнего правительства. Принял старлейт *Арнаутов.*

Верно: Генерального штаба подполковник *Барановский.*
28 февраля 1917 года. 18 часов.

---

[1]) На подлиннике помета синим карандашом: «1-е дел. Срочно исполнить. *Л.* 28. II.».

Телеграмма майора Тонелли из Петрограда ген. Ромеи, состоявшему при ставке, 28 февраля 1917 г.

Принята 28. II. 16 ч. 28 м. Перевод.

Революционное движение распространилось на весь город. Народ открыл камеры заключенных, преимущественно политических, занял крепость и почту. Офицеры арестованы и разоружены. Бронированные автомобили ездят по городу с красными флагами. Временное Правительство составлено с Родзянко и Милюковым. Borghesi soldati armati percorrand vie ove echeggiano frosi late e mitragliotrici [1]). Толпа аплодирует проезжающим революционерам и держится спокойно. Кабинет смещен, и Протопопов, говорят, бежал. «Астория» сожжена. Мы все находимся в главном штабе. Я просил капитана Руджиери предложить полковнику Ориго и капитану Борсарелли прибыть ко мне. Он сказал, что они хорошо устроены в посольстве. Телефон занят революционерами. Никакая (nessuna) власть не действует. Майор *Тонелли*.

Телеграмма подполковника Ловернь ген. Жанен, состоявшему при ставке, 28 февраля 1917 г.

Принята 28. II. 16 ч. 32 м. Перевод.

Все петроградские войска перешли на сторону мятежников. До сих пор войска производят мало эксцессов, собственность уважается, убивают или разрушают только в виде репрессий или по ошибке. Некоторые заводы работают. Тюрьмы открыты. Окружной суд и дом генерала Фредерикса сожжены. Комитет из членов Думы непрерывно заседает и взял на себя управление делами.

Перевел и верно генерал-майор (подпись).

28 февраля 1917 г.

Телеграмма команд. Балтийским флотом адм. Непенина адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 229/оп [2]).

Подана 28. II. 12 ч.

Мною объявлены Свеаборг, Моонзундская и Абоская позиции на осадном положении. В подчиненных мне частях все в полном порядке. *Непенин*.

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 28 февраля 1917 г. [2]).

Последние войска ушли из адмиралтейства. Все пока спокойно, но вокруг мятежники. В городе довольно спокойно. Кое-где полиция постреливает из пулеметов без толка. *Капнист*.

---

[1]) На полях рукой ген. Лукомского написан перевод этой фразы: «Горожане и солдаты, вооруженные, проходят по улицам».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. Гл[авнокомандую]щим».

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим и ген. Сахарову 28 февраля 1917 г. № 1815 [1]).

События в Петрограде, сделавшие революционеров временно хозяевами положения, конечно, известны нашему противнику, быть может, принявшему довольно деятельное участие в подготовке мятежа. Надо допускать, что противник попытается использовать наши внутренние затруднения и проявить активную деятельность на фронте в предположении, что события в Петрограде отразятся на настроении и боевой готовности наших войск. Необходимо иметь это в виду и ожидать в полной готовности возможные частные атаки противника. 1815. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева в Царское Село ген. Иванову 28 февраля 1917 г. № 1833 [2]).

Передана в Царское Село (дворец) 1. III. 1 ч. 15 м.

Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство, под председательством Родзянки, заседая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. *Алексеев.*

28 февраля 1917 г. № 1833.

---

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Минск — 28. II. 22 ч. 15 м. Южн. фр. — 28. II. 20 ч. 22 м. Псков — 1. III. 1 ч. 8 м.»

[2]) Эта телеграмма была сообщена ген. Клембовским под № 1846 — ген. Рузскому 1. III. 13 ч. 55 м., ген. Эверту — 1 . III. 13 ч. 35 м., ген. Брусилову — 1. III. 14 ч. 59 м., ген. Сахарову — 1. III . 14 ч. 20 м., ген. Янушкевичу — 1. III. 15 ч. 47 м.

Копия телеграммы ген. Алексеева командующим войсками Петроградского, Псковского, Минского, Киевского, Казанского, Одесского, Омского, Иркутского военных округов 28 февраля 1917 г. № 1810 [1]).

Передана 28. II. 13 ч. 16 м. в Петроград.

Благоволите обратить чрезвычайное внимание на ограждение железнодорожных служащих узловых станций, мастерских и депо от посягновений внести к ним смуту извне в пределах вверенного вам округа и примите меры к тому, чтобы все эти служащие были обеспечены продовольствием. Последнее условие приобрело чрезвычайное значение. 1810. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ставки с заведующим передвижением войск московского узла 28 февраля 1917 г. в 13 ч. 10 м.

— Я — полковник Люби. В настоящее время объявлено второе положение охраны. Патрулирование конных частей идет беспрерывно. Все войска на местах. С 10 час. утра сегодня не работает трамвай. По слухам, полученным мною, на окраинах прекратились все фабрики: говорят, закрываются магазины. Находясь все время на вокзале, другого сообщить не могу.

Вопрос из ставки:

— Как движение поездов в узле? Были ли эксцессы со стороны публики?

— Нет. Все протекает нормально. Из Петрограда покуда приходят. 5-й Ростовский прошел уже.

Вопрос:

— В случае отклонения от нормального течения жизни столицы, усердная просьба сообщить по аппарату, держа по возможности в курсе дела нас.

— Хорошо. Так и будет. Полковник *Ахшарумов*.

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с нач. штаба западного фронта ген. Квецинским 1 марта 1917 г.

Квецинский. Сейчас нам доставлены телеграммы, разосланные — первая по всем станциям железных дорог — следующего содержания: «Из Петрограда. 6932, 28/II, 13, 50. Военная. По всей сети, всем начальствующим. По поручению Комитета Государственной Думы, я сего числа занял министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной Думы: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей госу-

[1]) На подлиннике помета: «Справка: подлинная отправлена г.-м. Кислякову».

дарственного управления, оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества, от вас зависит теперь спасение родины — она ждет от вас больше, чем исполнение долга, — она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной Думы Родзянко». Член вашей семьи, я твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежду на вас нашей родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Член Государственной Думы Бубликов».

И вторая, доставленная комендантом станции Полоцк Николаевской железной дороги заведывающему передвижением войск минского района: «28/II. 1917. Из Петрограда. Ник. № 10465. Экстренно по всей линии начальствующим лицам службы движения, пути, тяги и телеграфа. По приказанию Временного Правительства, приказываю всем начальникам станций и почтово-телеграфных отделений Николаевской линии немедленно сообщать мне на имя военного коменданта Николаевского вокзала о всех без изъятия воинских поездах, составе и количестве людей и роде оружия, имеющих своим назначением Петроград. То же касается и всех поездов, груженых военными припасами, и не выпуская [sic!] со своей станции данные поезда без соответствующего разрешения от имени Временного Правительства. Военный комендант Николаевского вокзала поручик Греков».

По первой телеграмме сделано распоряжение не допускать ее распространения, а по второй приняты меры к безостановочному движению эшелонов в пределах фронта. Вместе с тем главкозап интересуется знать, не признаете ли необходимым изолировать армии от проникновения туда таких телеграмм. Сделать это только в пределах фронта едва ли достигнет цели, так как оградить от проникновения сведений всяким другим путем нет возможности. Это — с одной стороны, а с другой — неполучение штазапом своевременно таких сведений лишит возможности своевременного принятия мер. Благоволите сообщить взгляд наштаверха по этому вопросу, а равно, каково положение в данное время в Петрограде, и имеете ли вы связь с военным министром, которому мы, согласно ваших указаний, адресуем копии телеграмм по отправке войск. *Квецинский.*

Лукомский. Здравствуйте, Михаил Федорович! Первая телеграмма нам известна, но она не страшна, ибо призывают к порядку; вторую же мы не имели, но надо было ее ожидать, ибо, конечно, будут приняты все меры, чтобы не допустить в Петроград войск. Конечно, нужно принять все меры к тому, чтобы эшелоны следовали безостановочно. Что касается вопроса изоляции от проникновения подобных сообщений, то это совершенно недопустимо, ибо нельзя прекратить телеграфное и почтовое сообщение и тем вызвать панику и общее

замешательство. Необходимо лишь преподать твердые и определенные указания, что долг службы и присяги обязывает всех нас исполнять лишь приказания законных властей, а с теми, кои этого не будут исполнять, поступать по всей строгости военных законов. Вероятно, завтра вы получите указания относительно подчинения железных дорог на театре военных действий наштаверху через товарища министра путей сообщения Кислякова. Так, по крайней мере, намечено. По частным сведениям, в Петрограде теперь спокойно, и в управление в столице вступило Временное Правительство, избранное из состава Думы. Повидимому, никто из настоящих министров ныне не находится у власти. С военным министром у нас связь все это время была, но он сидит на квартире и, повидимому, сам не ориентирован во всем происходящем. Завтра по вопросу железнодорожных перевозок, повторяю, будут вам даны определенные указания. *Лукомский.*

К в е ц и н с к и й. Очень вам благодарен за ваше сообщение. Оно дает надежду полного обеспечения дорог от постороннего влияния. Все доложу главнокомандующему.

Разговор закончен мной с генералом Квецинским 1 марта в 1 час 40 минут. Ген.-лейт. Лукомский. 1/III—17 г.

Разговор по прямому проводу полк. Бармина с полк. Карамышевым 1 марта 1917 г. [1]).

— У апп[арата] полковник Карамышев.

— Я — Бармин. Получили ли сведения из Петрограда от Шихеева?

— Да, получил. Сначала скажу о литерных, которые прошли до Вишеры, были повернуты обратно и через Бологое идут к нам [2]). Ожидаем между 16-ю и 17-ю часами.

Б. Куда к нам?

К. Ожидаем к нам сюда, ожидаем между 16-ю и 17-ю часами. За исключением Варшавского, Виндавского и Балтийского вокзалов, все остальные заняты Временным Правительством. К[оменданты?] сменены. Порядок не восстанавливается. Из Ораниенбаума, Стрельны, Петергофа прибыли в Петроград все гарнизоны. Начальники отдельных частей и военных училищ заседают в Думе. Протопопов, Питирим, градоначальник, генерал Забелин, Богашев [3]) арестованы в Таврическом дворце. Военный Комитет Думы назначил комендантом города генерального штаба полковника Энгельгардта. Шихеев держит с нами связь, но заявил в конце разговора, что, может быть, к вечеру и его

---

[1]) На подлиннике помета: «1. III. 12 ч. 30 м. Из Пскова». Полк. Бармин — начальник отдела военного движения в ставке.

[2]) После слова «нам» над строкой написано карандашом: «в Псков. *Г.-м. Тихменев*».

[3]) После слова «Богашев» над строкой написано тем же почерком карандашом: «Начальник управления железных дорог. *Г.-м. Тихменев*».

уберут. По Петрограду шляется масса бродячих нижних чинов, много разбитых магазинов. Много высокопоставленных лиц арестовано, много офицеров убито на улице, где их останавливают, отбирают оружие и даже срывают погоны. Положение совершенно безнадежное в виду отсутствия связи с Петроградом. Сейчас у нас прошел конец депеши от Родзянки к Григоровичу, еще не видал ее. Вот какая обстановка.

Б. Скажите, где сейчас литерные поезда?

К. Литерный А в 11.45 вышел из Старой Руссы, и в то же время литера Б из Полы.

Б. Они следуют в Псков?

К. Да, да, в Псков.

Б. Имеете наряд? и от кого?

К. Официального наряда не имеем. Г [?] поезд идет, мы ему обеспечиваем благополучное следование. Приказание, наверно, получено из поезда.

Б. Это все, что вам говорил Шихеев?

К. Все.

Полк. *Бармин.*

Копия телеграммы ген. Рузского ген. Гулевичу 28 февраля 1917 г. № 1183/Б.

Подана 28. II. 22 ч. 50 м.

Принята 28. II. 23 ч. 13 м.

525. Ваши права определены мною в телеграмме номер 1181/Б. В обстоятельствах чрезвычайных вам надлежит руководствоваться статьей 418 полевого управления и, в случае полного перерыва сообщения, частью второй статьи 600 того же положения. Непосредственное обращение ваше в ставку признаю неправильным. Псков. 1183/Б. 28 февраля. *Рузский.*

Телеграмма ген. Гулевича ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 525.

Копия главкосев [1]).

Подана 28. II. 21 ч. 50 м.

Принята по радио из Выборга только для наштаверх.

По сообщению командующего флотом в Петрограде сформировано Временное Правительство во главе с Родзянко. Моя связь и сообщение прерваны. Прошу указания о моей подчиненности, дабы правильно войска могли исполнить и я свой долг в Финляндии. 525. *Гулевич.*

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Спросить г.-а. Рузского, какое он дал указание, дабы не вышло противоречивых разъяснений». Ниже помета рукой ген. Лукомского: «Уже есть сообщ[ение] от г.-а. Рузского».

Телеграмма ген. Лукомского ген.-кварт. Петроградского военного округа ген. Занкевичу 28 февраля 1917 г. № 1825.

Передана 28. II. 19 ч. 45 м.

9158. Генерал-адъютант Иванов прибудет в Царское Село в пять часов первого марта. 28 февраля 1917 г. 1825. *Лукомский.*

Телеграмма Родзянко ген. Алексееву 1 марта 1917 г.

Подана 1. III. 5 ч. 51 м.

Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что в виду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы. Председатель Государственной Думы *Родзянко.*

Копия телеграммы комиссара Испол. Комитета Госуд. Думы Бубликова управляющему и начальнику движения Виндавской жел. дороги 1 марта 1917 г.

Принята 1. III. 11 ч.

По распоряжению Исполнительного Комитета Государственной Думы благоволите немедленно отправить со ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда, следом друг за другом, и занять ими какой-либо разъезд возможно восточнее ст. Дно и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену пред отечеством.

Комиссар Исполнит. Комитета Госуд. Думы член Госуд. Думы *Бубликов.*

Разговор по прямому проводу ген. Эверта с ген. Лукомским 1 марта 1917 г. в 11 часов.

— Попросите к аппарату генерала Лукомского, просит главнокомандующий. У аппарата генерал Лукомский?

— Что прикажете, ваше высокопревосходительство? Очень извиняюсь, что вас задержал, занят срочным делом.

— Я — Квецинский. Здравствуйте, Александр Сергеевич. Главкозап сейчас подойдет к аппарату.

— У аппарата главнокомандующий. Сегодня получил две телеграммы за подписью Родзянки, номера 1360 и 1660, вероятно, и вы получили дословно такие же. Сначала я предполагал ничего не отвечать, но это может иметь вид принятия их к сведению или, еще хуже, к исполнению, поэтому, думаю, лучше ответить так: армия присягала своему государю и родине, ее обязанность исполнять повеления верховного вождя и защищать родину. Хотел бы знать мнение Михаила Васи-

льевича. В трудные минуты нужна полная наша общая солидарность. *Эверт.*

— Генерал-адъютант Алексеев получил сегодня одну телеграмму от Родзянки, в которой он призывает к спокойствию в армии и смысл которой тот, чтобы армия не впутывалась пока в дело. Генерал Алексеев хотел ответить, что подобными телеграммами вносится совершенно недопустимое отношение к армии и что необходимо посылку таких телеграмм прекратить. Но эту телеграмму пока генерал Алексеев не послал, так как прежде всего хотел выяснить, прибыли ли в Царское Село государь и генерал-адъютант Иванов, так как до настоящего времени мы этих сведений получить не можем, ибо, по распоряжению Думы, нам не дают прямого провода с Царским Селом. Генерал Алексеев вчера послал телеграмму генерал-адъютанту Иванову, в которой сообщает об успокоении, наступившем в данный момент в Петрограде, и просит доложить государю, что было бы желательно избежать применения открытой силы. Докладываю вам, что, по полученным сообщениям, беспорядки начинаются в Москве и Кронштадте. Генерал Алексеев подписал телеграмму его величеству, в которой, излагая всю обстановку и указывая, что нельзя вести войну в то время, когда в России наступит революция, просит об издании акта, который мог бы успокоить население. Но пока, за отсутствием связи, эта телеграмма не послана. Ваше предположение об ответе Родзянке я сейчас доложу генералу Алексееву, который, к несчастью, чувствует себя плохо, и о его ответе передам генералу Квецинскому для доклада вашему высокопревосходительству. *Лукомский.*

— Александр Сергеевич, телеграмма, вами полученная, очевидно, та же самая, что получена и мною. В другой телеграмме Родзянко кратко сообщает, что бывший Совет Министров устранен и власть перешла к Временному Комитету Государственной Думы. Полагаю, мой ответ именно имеет в виду необходимость скорейшего успокоения. Передайте сердечный привет Михаилу Васильевичу. Дай бог, чтобы нездоровье было легкое, временное и чтоб господь сохранил нам его, когда полное его здоровье особенно необходимо. До свидания. Всего хорошего. *Эверт.*

Из разговора с Ново-Сокольническим отделом Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороги 1 марта 1917 г. [1]).

10 00 ч. утра. 1. III.

Сообщили из Ново-Сокольнического отдела [2]): известно ли вам, что литерные поезда в Бологое повернули на Дно и дальн[ейшее] направление их из Дно пока неизвестно? В данное время литерные находятся между Валдаем и Руссой на Псков[ском] участке. Полковник [подпись].

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Слова «Сообщили из Ново-Сокольнического отдела» вписаны над строкой красным карандашом.

Телеграмма пом. нач. штаба верх. главнокоманд. ген. Клембовского ген. Иванову 1 марта 1917 г. № 1844 [1]).

Одна радиостанция, под командой капитана Козякина, порядковый номер 217, назначенная в ваше распоряжение, погружена 28 февраля и срочно отправляется по указанному маршруту. Вторая радиостанция, порядковый номер 218, под командой прапорщика Гурьянова, грузится 1 марта утром, после чего срочно отправляется на станцию Невель. 1 марта 1917 г. 1844. *Клембовский.*

Копия телеграммы начальника штаба западного фронта ген. Квецинского командующим II, III и X армиями 28 февраля 1917 г. № 6133.

Подана 28. II. 13 ч. 35 м.

Принята 28. II. 15 ч. 45 м.

Минск. 28 февраля. 13 ч. 35 м. Необходимо быть в полной готовности, если бы понадобилось, в виду возникших в Петрограде беспорядков, обеспечить во что бы то ни стало непрерывную работу железных дорог. Главкозап приказал в каждой армии немедленно подготовить подвижные резервы в необходимом размере с пулеметами под начальством энергичных, твердых командиров, обеспечив быструю посадку этих резервов на поезда. 6133. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 1 марта 1917 г. № 1193/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 45 м.

Принята 1. III. 16 ч. 5 м.

1846. В виду ожидающегося через 2 часа проследования через Псков поезда лит. А, главкосев просит ориентировать его срочно, для возможности соответствующего доклада, откуда у наштаверх сведения, заключенные в телеграмме 1833. 1 193/Б. 15 ч. 45 м. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 1 марта 1917 г. № 1195/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 30 м.

Принята 1. III. 16 ч. 24 м.

К № 1189/Б. Железнодорожное сообщение по Финляндской дороге на участке, ближайшем к Петрограду, прервано, и поезда из Выборга следуют только до Белоострова. В соответствии с сим комкор 42 опасается, что баталион Выборгской крепостной артиллерии, в случае потребности в таковом, едва ли представится возможность доставить по назначению. Псков. 1 марта. 15 ч. 30 м. 1195/Б. *Данилов.*

[1]) На подлиннике помета: «Не послана за отсутствием связи».

Разговор по прямому проводу подполк. Барановского (ставка) с подполк. Медиокритским (Псков) 1 марта 1917 г.

— У аппарата подполковник Барановский. Я сейчас вам передам телеграмму от наштаверха на имя государя императора. Начальник штаба просит эту телеграмму передать главнокомандующему и просит его вручить эту телеграмму государю императору, когда его величество будет проезжать через Псков. Предполагается, что его величество проедет по направлению от станции Дно — Псков около шестнадцати часов; быть может, раньше или позже. Эта телеграмма была передана в Петроград для передачи в Царское Село, но его величество до Царского Села не доехал и едет через Псков. Передаю телеграмму:

«Государю императору. Всеподданнейше доношу телеграмму командующего войсками Московского военного округа, отправленную из Москвы первого сего марта: «Наштаверх, 1806. Сообщаю, что население Москвы, вследствие петроградских событий и отсутствия сведений, крайне возбуждено, газеты сегодня не вышли. 27 февраля порядок не был нарушен. К 12 часам дня 28 февраля почти все заводы забастовали. Рабочие прекращали работу и обезоруживали одиночных городовых, собирались толпы с красными флагами, но рассеивались полицией и казаками. Толпа в несколько тысяч собралась у городской думы, но без активных действий. Одна толпа ворвалась в Спасские казармы, но была вытеснена. Гражданская власть на некоторых площадях передала охранение порядка военным властям. Считаю необходимым немедленное правительственное сообщение о петроградских событиях. Получаю просьбы о сведениях. Дальнейшее умолчание угрожает эксцессами. № 8128. М р о з о в с к и й». Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибельно, в ней начнется голод и возможны беспорядки. Революция в России,— а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, — знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно. Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России. Мой верноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить вашему императорскому величеству. Пока не поздно, необходимо немедленно

принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков силою при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение. Медлить невозможно, и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие вашему величеству противное бессознательно и преступно ведут Россию к погибели и позору и создают опасность для династии вашего императорского величества. 1847. Генерал-адъютант *Алексеев*».

Передан 15 ч. 55 м. 1. III. 17 г.

— Высочайшую телеграмму принял. Подполк. *Медиокритский*.

— Не откажите мне сообщить, нет ли у вас сведений о нахождении литерных поездов?

— Полковник Карамышев имел сведения, кажется, от вас, что его величество проследует между 14 и 16 часами. Во всяком случае, если угодно, то наведу справки.

— Будьте любезны доложить главнокомандующему, не будет ли признано возможным, если литерные поезда будут находиться недалеко от Пскова, послать навстречу офицера генерального штаба, который мог бы доставить эту депешу.

— Необходимо навести справки, где именно находятся литерные поезда.

— Прошу вас сообщить мне по аппарату результат вашего доклада и справки о поездах. Подполковник *Барановский*.

— Сейчас доложу. Подполковник *Медиокритский*.

15 ч. 58 м. 1. III. 17 г.

Телеграмма ген. Клембовского главнокомандующим армиями I марта 1917 г. № 1854/718 [1]).

В Москве полное восстание, и войска переходят на сторону сторонников Временного Комитета Государственной Думы, сформированного с Родзянко во главе для замены упраздненного правительства. В Кронштадте восстание, и Балтийский флот, с согласия командующего флотом, перешел на сторону Временного Комитета. Решение адмирала Непенина вызвано стремлением спасти флот. Генерал-адъютант Алексеев телеграфировал государю, прося издать акт, способный успокоить население и прекратить революцию. Генерал Але-

[1]) На подлиннике пометы: «Передана — Тифлис. 1. III. 21 ч. 15 м. Главкозап. — 1. III. Главкоюзу — 1. III. 18 ч. 9 м. Поглавкоруму — 1. III. 20 ч. 20 м. Главкосеву не передается, так как он ориентирован. Подполковник *Барановский*».

ксеев докладывает, что спасение России и возможность продолжать войну будет достигнуто только тогда, когда во главе правительства будет стоять человек, который будет пользоваться доверием населения и который образует соответствующий кабинет. Его величество еще не прибыл в Царское Село, и поезд находится близ станции Дно. 1 марта 1917 года. 1854/718. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 6157.

Принята 1. III. 14 ч. 50 м.

Минск. 1 марта. 13 ч. До сего времени отправлено два эшелона 34 Севского полка, четыре эшелона 2 казачьего и один эшелон 4-й конной батареи. В течение настоящих суток намечено отправить 3 эшелона павлоградцев, 1 эшелон легкой батареи и 4 эшелона 36 Орловского полка. 6157. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 1185/Б [1]).

Принята 28. II. 23 ч. 23 м.

Комкор 42 доносит о перерыве железнодорожного сообщения, а также телеграфной и телефонной связи с Петроградом. В виду изложенного и возможности дальнейшего изолирования Финляндии, я впредь до распоряжения подчинил комкору 42 все войска, находящиеся в Финляндии, кроме состоящих в подчинении комфлоту, и предоставил ему право давать указания финляндскому генерал-губернатору в отношении гражданского управления. О таковой мере, принятой мною, прошу доложить государю императору применительно ст. 12 правил о местностях на военном положении. Псков. 1185/Б. 28 февраля. *Рузский.*

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген.-кварт. северного фронта Болдыревым 1 марта 1917 г.

— Не откажите переключить аппарат на кабинет главнокомандующего. С ним желает говорить генерал Клембовский.

— Главнокомандующий и начальник штаба уже уехали на вокзал для встречи литерного поезда. Может быть, пригласить к этому аппарату ген. Болдырева? *Полковник Ступин.*

— Сейчас узнаю. Не откажите послать немедленно переданные телеграммы на вокзал с офицером. Передали ли вы наштасеву первую из трех телеграмм?

— Сейчас все повезет офицер на вокзал; туда передано, что есть депеши.

— Полковник Ступин?

— Полковник пошел справиться, там ли?

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «1. III. 917. Телеграмму государю императору».

— Здесь полковник Ступин? Генерал Клембовский просит к аппарату генерала Болдырева.

— Сейчас придут.

— У аппарата помощник начальника штаба. Здравствуйте.—Наштаверх и великий князь Сергей Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить его величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева его величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения. Так как главнокомандующий, повидимому, держится тех же взглядов, как и наштаверх, то исполнение просьбы их не представит затруднений для него и, быть может, закончится успешно. Великий князь Сергей Михайлович, со своей стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием. Передайте, пожалуйста, все это на вокзал главнокомандующему, по возможности безотлагательно, до прихода поезда. *Клембовский.*

— Здравия желаю вашему высокопревосходительству. Приказание будет точно и беззамедлительно исполнено. Поезд его величества пока еще не прибыл. Не будут ли еще какие-либо указания с вашей стороны? *Болдырев.*

— Могу лишь прибавить одно — время не терпит. Есть много вопросов, которые надлежит разрешить, между тем обращаться не к кому. До свиданья. *Клембовский.*

— Честь имею кланяться. *Болдырев.*

Разговор окончен 1. III. 17 ч. 40 м. Подп. Сергеевский.

Телеграмма главного морского штаба адм. Русину 1 марта 1917 г.

Послана 29-го [1]) *февраля 1917 г.*

Общее положение в Петрограде:

Думе удалось собрать под свою власть довольно большое число войск, количество коих растет. По городу ставятся караулы и патрули, порядок понемногу восстанавливается. Необходимы, однако, решительные акты власти для удовлетворения требований общественного мнения, иначе все может рушиться, так как растет пропаганда социал-революционеров.

Телеграмма главного морского штаба адм. Русину 1 марта 1917 г.

Подана 1. III. 17 ч. 35 м.

Граф Капнист просит доложить наморштаверху, что за сегодняшний день изменений в общем положении после вчерашней телеграммы не последовало. Порядок налаживается с большим трудом. Есть опас-

[1]) Так в подлиннике. На поле рукой ген. Алексеева сделана помета: «1. III. 917»

ность возможности раскола в самом Комитете Государственной Думы и выделение в особую группу крайних левых революционных партий и Совета Рабочих Депутатов.

Копия телеграммы морского министра адм. Григоровича адм. Русину и ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 2719 [1]).

Мною получена телеграмма коменданта Кронштадта: «Вечером начались беспорядки в некоторых сухопутных частях и береговых командах флота. Части ходят по улицам с музыкой. Принимать меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, не нахожу возможным, так как не могу ручаться ни за одну часть. 220. Комендант крепости вице-адмирал Курош». Прошу вас передать эту телеграмму в Царское его величеству, ибо прямого сообщения генмора с Царским — нет. 2719. *Григорович.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 1 марта 1917 г. [2]).

Передаются прилагаемые телеграммы для доклада его величеству. Необходимо принять все меры для доставления их по назначению. Ген.-л. *Лукомский.*

I.

Государю императору.

Всеподданнейше доношу полученную мною телеграмму от командующего флотом Балтийского моря: «С 4-х часов утра 1-го марта прервано сообщение с Кронштадтом каким-либо путем. Главный командир порта убит, офицеры арестованы. В Кронштадте — анархия, и станция службы связи занята мятежниками». Адмирал *Русин.*

II.

Государю императору.

Доношу вашему императорскому величеству телеграмму, полученную от командующего флотом Балтийского моря: «Сообщаю для доклада государю императору, что мною получены следующие телеграммы председателя Государственной Думы Родзянко [3]). Эту переписку сообщил для сведения соседям по фронту, генералам Гулевичу и Рузскому, это же мною объявлено начальникам отдельных частей и приказано прочесть командам. Считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновении и боевой готовности

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «1. III. 917. Телеграфировать его величеству». Телеграмма была передана на имя царя в Царское Село 1. III. 1917 г. в 17 ч. 19 м. за № 1849.

[2]) На подлинниках телеграмм имеются пометы об отправлении из ставки — первой: «1. III. 1917 г. 17 ч. 53 м.», второй: «1. III. 1917 г. 18 ч. 13 м.».

[3]) Текст телеграмм Родзянко в настоящей телеграмме отсутствует.

вверенные мне части. Считаю себя обязанным доложить его величеству мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной Думе, без чего немыслимо сохранить в дальнейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей. О размере беспорядков в Кронштадте не имею донесений с четырех часов утра. В Ревеле забастовали без предъявления каких-либо требований судостроительные мастерские Северо-Западного общества. В Гельсингфорсе была прекращена выпечка хлеба торговцами — заставил печь. В остальном пока нормальное течение жизни и полный порядок. Все на своих местах. 236/оп. 10 час. 1 марта сего года. Непенин». Адмирал *Русин*.

Телеграмма ген. Лукомского начальнику штаба главноком. кавказской армии ген. Янушкевичу 1 марта 1917 г. № 1864/717.

Передана 1. III. 22 ч. 1 м.

1319. Наштаверх просит пока не посылать ответов на такие телеграммы до пропуска царского поезда в Царское Село и до последующего указания от государя. Пока литерные поезда стоят в Пскове. Новых событий нет. Наштаверх нездоров и просит вас получаемые телеграммы от генерала Клембовского и меня докладывать великому князю. 1 марта 1917 г. 1864/717. *Лукомский*.

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 1 марта 1917 г. № 1845 [1]).

Высшие военные чины и армия в массе свято исполняют долг перед царем и родиной согласно присяге и будут продолжать борьбу с врагом до полной победы. Но для этого необходимо оградить армию от вмешательства постороннего влияния чуждого и недопустимого по нашей военной организации и принесенной присяге. Между тем ваши телеграммы ко мне и к главнокомандующим, а также распоряжения, отдаваемые по железным дорогам театра военных действий, показывают, что Временный Комитет Государственной Думы не считается с тем, что является азбучным в управлении военными силами, и своими распоряжениями не способствует внесению успокоения, а скорей может привести к непоправимым последствиям и нарушениям дисциплины, без поддержания которой победа немыслима. Перерыв связи между ставкой и Царским Селом и центральными органами военного управления вносит полное расстройство в военное управление и довольствие армии и грозит страшными бедами. По полученным сведениям, литерные поезда не пропускаются на Дно и дальше. Последняя мера, если действительно хотят успокоения и продолжения борьбы с врагом, совершенно недо-

[1]) На подлиннике имеются следующие пометы о времени рассылки этой телеграммы «для сведения»: «Главкосеву — 1. III. 20 ч. 45 м. Главкозапу — 1. III. 21 ч. 18 м. Главкоюзу — 1. III. 21 ч. 59 м. Поглавкорум — 1. III. 23 ч. 31 м. Тифлис. Ген. Янушкевичу — 2. III. 4 ч. 40 м.».

пустима. Прошу срочного распоряжения о безотлагательном пропуске литерных поездов, о восстановлении непосредственной связи ставки с центральными органами военного министерства и о том, чтобы никто и никаких сношений с чинами действующей армии и управлениями, подведомственными верховному главнокомандованию на театре военных действий, помимо ставки не делал и сношение ставки с центральными управлениями не контролировалось вашими агентами, сплошь и рядом назначенными из младших чинов, мало понимающих сущность военной дисциплины. При наличии такого контроля я вынужден буду прекратить все сношения с центральными управлениями, но это может повести к нарушению и без того плохо налаженного продовольствия армии. Предоставляю вам судить о последствиях голодания армии. 1 марта 1917 года. 1845. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма команд. войсками Московского военного округа ген. Мрозовского ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 8196.

Подана 1. III. 13 ч. 20 м.
Получена 1. III. 15 ч. 15 м.

Несколько тысяч артиллеристов 1-й запасной бригады на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением для формирований, часть коего передана революционерам. Громадное число учреждений, требующих охраны, большие толпы забастовщиков, большие расстояния и недостаток надежных войск препятствуют обезоружить бунтующих. Число воинских чинов, переходящих к революционерам, все увеличивается. Благоволите уведомить о получении этой телеграммы. 8196. *Мрозовский*.

Телеграмма ген. Мрозовского ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 8197.

Подана 1. III. 14 ч. 30 м.
Получена 1. III. 16 ч. 10 м.

В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров. 8197. *Мрозовский*.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 1 марта 1917 г. № 1848.

Передана 1. III. 16 ч. 59 м.

По приказанию наштаверха передаю для доклада главкосеву с просьбою генерал-адъютанта Алексеева доложить государю. Первое. В Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ручаться ни за одну часть. Второе. Генерал Мрозовский сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников. Третье. Адмирал Непенин доносит,

что он не признал возможным протестовать против призыва Временного Комитета Государственной Думы, и, таким образом, Балтийский флот признал Временный Комитет. Сведения, заключенные в телеграмме 1833, получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными. Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы экстренным поездом с надежным офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место. Генерал Алексеев нездоров и прилег отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 г. 1848. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 1 марта 1917 г. № 1850.

Передана 1. III. 17 ч. 14 м.

Царское Село. Государю императору.

Генерал-адъютант Рузский сообщает о перерыве железнодорожного сообщения, а также телеграфной и телефонной связи между Финляндией и Петроградом. Генерал-адъютант Рузский сообщает, что, вследствие изложенного и возможности дальнейшего изолирования Финляндии, он, впредь до распоряжения, подчинил комкору 42 все войска, находящиеся в Финляндии, кроме состоящих в подчинении комфлоту, и предоставил ему право давать указания финляндскому генерал-губернатору в отношении гражданского управления. О таковой мере, принятой генерал-адъютантом Рузским, применительно статьи 12 правил о местностях на военном положении, всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. 1 марта 1917 г. 1850. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Рузского Родзянко 1 марта 1917 г. № 1201/Б.

Послана 1. III. 17 ч. 37 м.

По имеющимся у меня сведениям, на улицах Петрограда продолжается стрельба, делающая сообщение в городе не безопасным. Разрушены некоторые вокзалы, что грозит правильности срочных железнодорожных сообщений. По улицам бродит масса нижних чинов. Обращаюсь к вам как лицу, ставшему во главе Комитета, принявшего на себя заботы по восстановлению порядка и спокойствия в столице, с просьбой принять меры к устранению отмеченных непорядков, могущих отразиться на подвозе продовольствия к Петрограду и еще более обострить положение в городе, особенно в отношении развития бродяжного элемента. Скорейшее водворение порядка в столице в связи с обеспечением населения продовольствием дадут залог спокойного исполнения долга перед родиной в борьбе с неприятелем на фронте. 1201/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Рузскому 1 марта 1917 г. № 1857.

Послана 1. III. 18 ч. 30 м.

Вследствие перерыва железнодорожного движения между Белоостровом и Петроградом, в случае, если потребуется двинуть в Петроград баталион Выборгской крепостной артиллерии, необходимо будет таковой от Белоострова направить походным порядком. Желательно вместе с этим баталионом подготовить к отправлению часть 106 пех. дивизии, дабы получился более серьезный отряд. О том, возможно ли это, прошу телеграфировать, а время отправления, если таковое будет иметь место, должно определиться требованием генерал-адъютанта Иванова. 1 марта 1917 г. 1857. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Брусилова министру двора гр. Фредериксу 1 марта 1917 г. № 744.

Станция Дно, вслед, генерал-адъютанту графу Фредериксу.

Принята 1. III. 19 ч. 36 м.

По долгу чести и любви к царю и отечеству обращаюсь к вашему сиятельству с горячей просьбою доложить государю императору мой всеподданнейший доклад и прошение признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела. Россия ведет грозную войну, от решения которой зависит участь и всего нашего отечества и царского дома. Во время такой войны вести междоусобную брань совершенно немыслимо, и она означала бы безусловный проигрыш войны к тому времени, когда вся обстановка складывается для нас благоприятно. Это угрожает безусловной катастрофой и во внутренних делах, и после стольких жертв вся Россия ввержена будет в страшное горе, и вероятны события, которые будут неисчислимы по своим печальным последствиям. Армия от преждевременного мира придет в отчаяние, и нужно очень подумать и о результатах демобилизации при таких условиях. Каждая минута промедления повлечет за собой новые напрасные жертвы и затруднит благоприятное разрешение кризиса. 744. 1 марта. 19 часов. Генерал-адъютант *Брусилов.*

Разговор по прямому проводу подполк. Барановского с полк. Ступиным 1 марта 1917 г.

— Пригласите офицера ген. штаба.

— Сейчас доложу. Здесь полковник Ступин.

— У аппарата полковник Барановский. Доложите начальнику штаба, что понаштаверх признает необходимым после отхода литерных поездов на Петроград послать вслед поезд с рабочей командой, которая, в случае необходимости, могла бы исправить путь. О резуль-

тате доклада прошу мне сообщить. Есть ли у вас сведения о подходе к Пскову литерных поездов?

— Должны были бы прибыть в 19 часов. Немного подождите, сейчас спрошу по телефону. По нашим сведениям, они придут в 8.40 и в 9 с минутами. Первый поезд — литерный поезд — прибыл. Сейчас доложу то, что вы просили.

Конец переговоров 1. III. 19 ч. 20 м.

— Пригласите полковника Барановского. Здесь полковник Ступин для переговоров.

— У аппарата подполковник Барановский.

— Все, что вы просили, доложено, и генерал-квартирмейстер приказал передать, что будет исполнено. Полковник *Ступин*.

— Спасибо.

19 ч. 40 м. 1. III. 1917 г.

Телеграмма ген. Янушкевича ген. Клембовскому 1 марта 1917 г.

Принята 1. III. 19 ч. 50 м.

1846 [1]). Получил, доложил. Великий князь на нее частно ответил наштаверху и просит доложить генерал-адъютанту Алексееву, что уполномочивает, в случае признания желательным, доложить эту депешу государю или сообщить, кому признает нужным. *Янушкевич*.

Телеграмма вел. князя Николая Николаевича ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 1317.

Подана 1. III. 18 ч. 30 м.

Принята 1. III. 18 ч. 54 м.

1846. Ознакомившись с содержанием твоей телеграммы № 1833 генерал-адъютанту Иванову, вполне и всецело присоединяюсь к твоему мнению. 1317. *Николай*.

Телеграмма вел. князя Николая Николаевича ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 320.

Подана 1. III. 12 ч. 32 м.

Получена 1. III. 12 ч. 55 м.

1833. На Кавказе гарнизоны и в армии пока, слава богу, спокойны. Лишь 22 и 23 февраля были на почве недовольства пищей брожения в 27 и 28 Кавказских стрелковых полках. Ныне спокойно. Прошу держать меня в курсе всего происходящего в столице и в войсках. 320. Генерал-адъютант *Николай*.

---

[1]) См. на стр. 31 телеграмму ген. Алексеева № 1833.

Копия телеграммы ген. Рузского командующим I, V и XII армиями и командиру 42 корпуса 1 марта 1917 г. № 1194/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 30 м.

Принята 1. III. 18 ч. 28 м.

Волнения в Петрограде приняли настолько серьезный характер, что для установления порядка в столице образовался Временный Комитет Государственной Думы под председательством председателя Государственной Думы Родзянко. Петроградские события, очевидно, не скроются от наших противников, которые, вполне возможно допустить, попытаются использовать наши внутренние затруднения, чтобы нанести нам где-либо внезапный удар. В это тяжелое время необходимо, чтобы каждый воин исполнил свой долг защиты родной земли от возможного натиска неприятеля. Призываю всех удвоить бдительность и мужество, дабы армия оставалась вполне боеспособною и готовою отразить всякую активную попытку противника. Усилия начальников всех степеней должны быть, сверх того, направлены к обеспечению армии должного подвоза всего необходимого и полного порядка и спокойствия в тылу армий и фронта. Командующим армиями надлежит иметь в виду, что в настоящее время нельзя ждать детальных указаний, а необходимо, по силе ст. 418 пол. упр., руководствоваться местной обстановкой и настоящей директивой, требующей поддержания боеспособности войск, обеспечения железнодорожного движения и общего спокойствия в тылу. Необходимо принять все меры к сохранению всеми наибольшего спокойствия и продуманности принимаемых мер. 1194/Б. 1 марта. 15 ч. 30 м. *Рузский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 1206.

Подана 1. III. 19 ч. 55 м.

Принята 1. III. 20 ч. 5 м.

Весьма вероятно, что литерные поезда из Пскова не пойдут, так как задержка в Луге. Во всяком случае, вопрос этот выясняется. Псков. 1 марта. 20 ч. 1206. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 730.

Копия начвосоверх и начвосоюз.

Подана 1. III. 1 ч. 40 м.

Принята 1. III. 2 ч.

1812. Посадка может быть начата в Луцке: гвардейских полков, Преображенского и 4-го Стрелкового, начиная с утра 2 марта, 3 Стрелкового и батарей гвардейской стрелковой артиллерийской

бригады с утра 3 марта. Благоволите уведомить, подлежат ли эти части отправке теперь же или по получении особого уведомления. 730. 1 ч. 10 м. 1 марта 1917 г. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Брусилову 1 марта 1917 г. № 1843.

Передана 1. III. 13 ч. 17 м.

730. Отправление войск должно быть произведено лишь по получении от наштаверха особого уведомления. 1 марта 1917 г. 1843. *Клембовский.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Квецинским 1 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Лукомский.

— У аппарата Квецинский. Еще раз здравствуйте, Александр Сергеевич. Побеспокоил вас, чтобы узнать ответ по предложенным вам главкозапом вопросам, а также сообщить, что фронт наводняется агентскими телеграммами, сведениями, слухами и очевидцами, прибывающими со всех концов, причем все это создает такую обстановку, в которой каждый становится втупик: что правда, а где простая сплетня. Ваша телеграмма № 1854, конечно, для нас освещает положение вопроса, но не решает его. Вследствие этого главкозап, опасаясь за возможную передачу беспорядков на фронт, особенно в запасные войска, полагал бы необходимым получить возможно скорее определенное решение, так как всякое промедление в этом отношении при той обстановке, которую рисует телеграмма № 1854, может быть роковым. Благоволите также сообщить, где находятся в данную минуту государь император, генерал-адъютант Иванов и ушедшие от нас войсковые эшелоны. *Квецинский.*

— Здравствуйте, Михаил Федорович. Очень извиняюсь, что в суголоке вам не передали телеграмму генерала Алексеева на имя председателя Государственной Думы — штаб-офицер напутал. Эта телеграмма будет сегодня же передана и осветит отношение наштаверха к получаемым из Петрограда телеграммам. Генерал Алексеев просит, ради спокойствия в армии, обращаться исключительно в ставку, так как является совершенно недопустимым вмешательство в порядок военного управления посторонних лиц. В общем, проектированный ответ главкозапа не противоречит взгляду наштаверха. Государь в данную минуту в Пскове, а генерал-адъютант Иванов в трех перегонах от Царского Села. Повидимому, эшелоны проходят свободно. Больше я ничего не имею сказать. *Лукомский.*

— Покорнейше благодарю. Доложу все главкозапу, и будем ожидать указанной вами телеграммы и, в особенности, определенного решения. До свидания. *Квецинский.*

— До свидания. *Лукомский.*

Разговор окончен 1 марта в 19 ч. 43 м.

Телеграмма ген. Клембовского ген. Мрозовскому 1 марта 1917 г. № 1858.

Передана 1. III. 20 ч. 35 м.

Из ряда донесений генерала Хабалова и сообщений председателя Государственной Думы события, происшедшие в Петрограде с 25 февраля, представляются в таком виде:

25 февраля начались волнения, выразившиеся в демонстрациях и вооруженных столкновениях населения в различных пунктах города с полицией и войсками. В этот день забастовало двести сорок тысяч рабочих. 26 февраля прошло спокойно. 27 февраля с утра начались серьезные волнения в войсковых частях гарнизона; войска отказались подчиняться начальникам и перешли на сторону населения. Петроград объявлен на осадном положении. 28 февраля ген. Хабалов донес, что подавить беспорядки нельзя, столица в руках мятежников. В Мариинском дворце заседает временное революционное правительство. Арсенал и все важнейшие учреждения в руках мятежных войск. В Кронштадте полное восстание. Балтийский флот перешел на сторону Временного Комитета, образованного под председательством Родзянко. Генерал Алексеев послал телеграмму государю, прося согласиться на перемену правительства и издать акт, который может внести успокоение в население. Наштаверх просит держать его в курсе того, что происходит в Москве. Надо употребить все силы для внесения успокоения. 1 марта 1917 года. 1858. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 1213/Б.

Подана 1. III. 22 ч. 45 м.

Принята 1. III. 22 ч. 53 м.

Для сведения докладываю: оба литерные поезда —в Пскове. Дальнейший маршрут еще не выяснен. 1 марта. 22 ч. 30 м. 1213/Б. *Данилов.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокомандующего со ставкой главнокомандующего северного фронта 1 марта 1917 г.

— У аппарата подполковник Щербаков.

— У аппарата подполковник Сергеевский. Только что вам передана телеграмма государю императору особой важности. Приняты ли меры к ее немедленному доставлению, лучше всего через главнокомандующего? Прошу сообщить, читал ли ее главнокомандующий и когда доложена его величеству?

— Телеграммы таковой как офицер генерального штаба я не принимал. Принял дежурный офицер и отдал генкварсеву. Сейчас узнаю. Сейчас узнал, что принял телеграмму генкварсев и взял ее с собой. Сейчас узнаю. Сейчас генкварсев сказал, что телеграмма передана наштасеву для доклада главкосеву.

— Не откажите сообщить, когда будет доложено его величеству, для доклада наштаверху.

22 ч. 30 м. 1. III. 17.

— С вами желает говорить подполковник Барановский. Не откажите сообщить, для доклада генкварверху, был ли с докладом у его величества главкосев, доложены ли его величеству телеграммы, переданные из ставки, и не последует ли каких-либо указаний его величества или сообщений главкосева для наштаверха.

— Главкосев с докладом был; телеграммы все переданы, распоряжений пока никаких нет.

— Больше ничего?

— Больше ничего. Сейчас соединяем прямым проводом главкосева с Петроградом-полителестаном, по которому будет говорить председатель Государственной Думы.

22 ч. 50 м. 1. III. 17 г.

— Попросите к аппарату подполковника Сергеевского, просит генерального штаба подполковник Щербаков.

— У аппарата подполковник Сергеевский.

— У аппарата подполковник Щербаков. Наштасев приказал доложить, что телеграмма минут 10 тому назад отправлена главкосеву, который находится в поезде его величества. Главкосев телеграмму доложит лично.

— Благодарю.

1. III. 23 ч. 3 м.

— Сейчас возвратился из поезда наштасев, но никаких распоряжений не получено. Сейчас наштасев говорит по прямому проводу с Родзянко.

— Пожалуйста, ориентируйте нас как можно чаще. *Сергеевский.*

— Если что-нибудь будет интересное, то сообщу немедленно.

— Здесь подполковник Вишневский. Пригласите к аппарату офицера генерального штаба.

— У аппарата подполковник Сергеевский.

— Генкварсев приказал сообщить для доклада генкварверху, что телеграмма последняя генерал-адъютанта Алексеева вручена генералу Рузскому в 23 часа, во время доклада государю, и что доклад до сих пор еще продолжается.

— Благодарю. *Сергеевский.*

23 ч. 25 м. 1. III.

Телеграмма Родзянко ген. Рузскому 1 марта 1917 г.

Все меры по охранению порядка в столице приняты. Сообщение по железным дорогам поддерживается тщательно и непрерывно. Опасений за подвоз продовольствия нет, распоряжения даны, возникающие беспорядки ликвидируются. Спокойствие, хотя с большим трудом, но восстанавливается. Председатель Государственной Думы *Родзянко.*

Копия телеграммы царя ген. Иванову 2 марта 1917 г.

Царское Село.

Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. *Николай.*

2. III. 1917 г. 0 ч. 20 м.

Телеграмма ген. Алексеева царю 1 марта 1917 г. № 1865 [1]).

Передана 1. III. 22 ч. 20 м.

Его императорскому величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространения анархии повсей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. В виду этого усердно умоляю ваше императорское величество соизволить на немедленное опубликование из ставки нижеследующего манифеста: «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц [2]), пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной [3]) нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины, призываю всех русских людей к исполнению

---

[1]) Отпуск телеграммы напечатан на машинке и подписан ген. Алексеевым. Описки исправлены рукой ген. Лукомского; им же внесены исправления некоторых слов, оговоренные ниже. Вверху сделана помета карандашом: «22. 20. Псков» и подпись (неразборчивая). В левом верхнем углу наклеена 10-копеечная марка с портретом Николая II, замазанным красными чернилами.

[2]) Первоначально было «людей» и рукой ген. Лукомского заменено «лиц».

[3]) Первоначально было «геройской» и рукой ген. Лукомского заменено «доблестной».

своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам господь бог». 1865. Генерал-адъютант *Алексеев*.

1 марта 1917 года.

Копия телеграммы ген. Данилова командиру 42 корпуса 2 марта 1917 г. № 1221/Б.

Принята 2. III. 3 ч. 30 м.

Последовало высочайшее повеление об отмене назначения батальона Выборгской крепостной артиллерии, предназначавшегося для отправки в направлении на Петроград. 1221/Б. 2 марта. 2 ч. 30 м. *Данилов*.

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген. Болдыревым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал-квартирмейстер.

— У аппарата помощник начальника штаба. Здравствуйте. Где находится начальник штаба фронта?

— Генерал Данилов в настоящее время занят выполнением поручения, связанного с высочайшими указаниями. Может освободиться часа через полтора-два.

— Известно ли вам о прибытии сегодня конвоя его величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, кои отказались принять участие в восстании? Известно ли также о желании государыни императрицы переговорить с председателем Исполнительного Комитета Государственной Думы и, наконец, о желании великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом? *Клембовский*.

— Никак нет, эти известия нам неизвестны.

— В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному Правительству. В Петрограде арестованы Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович. Исполнительный Комитет Государственной Думы обратился с воззванием к населению возить хлеб, все продукты на станции железных дорог для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства. Все изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада.

Прошу сообщать о всех переговорах, которые ведутся между вами и Государственной Думой, хотя бы вкратце, суть дела. *Клембовский.*

2 марта. 0 ч. 25 м.

— В точности будет исполнено. *Болдырев.*

— До свидания. Я кончил.

Копия телеграммы ген. Квецинского начальнику военных сообщений западного фронта и ком. II армией 2 марта 1917 г. № 6176.

Принята 2. III. 3 ч. 45 м.

Минск. 2 марта. 3 ч. 12 м. Государь император повелел отправленные в Петроград части 9 пехотной и 2 кавалерийской дивизии задержать на больших станциях; те части, которые еще не отправлены, не грузить. Дальнейшие указания последуют дополнительно. 6176. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1222/Б.

Принята 2. III. 3 ч. 48 м.

Главкосев в настоящее время ведет разговор с председателем Государственной Думы Родзянко. Псков. 2 марта. 3 ч. 20 м. 1222/Б. *Болдырев.*

Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко 1 марта 1917 г.

— Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату председатель Госуд. Думы Родзянко.

— У аппарата генерал-адъютант Рузский.

— Могу ли я начать разговор?

— Можно. Здравствуйте, Михаил Владимирович. Сегодня, около 7 часов вечера, прибыл в Псков государь император. Его величество при встрече мне высказал, что ожидает вашего приезда. К сожалению, затем выяснилось, что ваш приезд не состоится, чем я был глубоко опечален. Прошу разрешения говорить с вами с полною откровенностью: этого требует серьезность переживаемого времени. Прежде всего я просил бы вас меня осведомить, для личного моего сведения, истинную причину отмены вашего прибытия в Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей нашей беседы. *Рузский.*

— Здравствуйте, Николай Владимирович. Очень сожалею, что не могу приехать. С откровенностью скажу, причин моего неприезда две: во-первых, эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Государственной Думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Мною немедленно приняты были меры, чтобы путь для проезда его величества был свободен; не знаю, удастся ли это;

вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия, и невозможность остановить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания. *Родзянко.*

— Из бесед, которые его величество вел со мной сегодня, выяснилось, что государь император предполагал предложить вам составить министерство, ответственное перед его величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, его величество выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом — дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением вам образовать кабинет. Если желание его величества найдет в вас отклик, то спроектирован манифест, который я мог бы сейчас же передать вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня, второго марта, с пометкой «Псков». Не откажите в ваших соображениях по всему вышеизложенному. *Рузский.*

— Я прошу вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что его величество и вы не отдаете отчета в том, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко, — в течение двух с половиной лет я неуклонно при каждом моем всеподданнейшем докладе предупреждал государя императора о надвигающейся грозе, — если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен вам сообщить, что в самом начале движения власти в лице министров стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам, и им толпа кричала «ура!» Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-по-малу наступила такая анархия, что Госуд. Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии при таком расслоении, которое грозило гибелью государства. К сожалению, это мне далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы возможно было с этим справиться. *Родзянко.*

— Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь на фронте;

если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей родине грозит анархия надолго, и это прежде всего отразится на исходе войны; между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге, и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой родине; надо найти средство для умиротворения страны. Прежде передачи вам текста манифеста, не можете ли вы мне сказать, в каком виде намечается разрешение династического вопроса? *Рузский*.

— С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович. Еще раз повторяю, ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться. К Государственной Думе примкнул весь петроградский и царскосельский гарнизон, то же самое повторяется во всех городах, нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием. Повторяю, с страшною болью передаю я вам об этом, но что же делать? В то время, когда народ в лице доблестной своей армии проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы, правительство положительно издевалось над нами, — вспомните освобождение Сухомлинова, Распутина и всю его клику, вспомните — Маклаков, Штюрмер, Протопопов, все стеснения горячего порыва народа помогать по мере сил войне, назначение князя Голицына, расстройство транспорта, денежного обращения и непринятие никаких мер к смягчению условий жизни; постоянные аресты, погоня и розыски несуществующей тогда еще революции; изменения состава законодательной палаты в нежелательном смысле. Вот те причины, которые привели к этому печальному концу; тяжкий ответ перед богом взяла на себя государыня императрица, отвращая его величество от народа. Его присылка генерала Иванова с георгиевским баталионом только подлила масла в огонь и приведет только к междуусобному сражению, так как сдержать войска, неслушающиеся своих офицеров и начальников, решительно никакой возможности нет. Кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы. *Родзянко*.

— Все то, что вы, Михаил Владимирович, сказали, тем печальнее, что предполагавшийся приезд ваш как бы предвещал возможность соглашения и быстрого умиротворения родины. Ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь это ошибки прошлого, которые в будущем повториться не могут; при предлагаемом способе разрешения переживаемого тяжелого кризиса, подумайте, Михаил Владимирович, о будущем. Необходимо найти такой выход, который дал бы немедленно умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее распоряжение;

переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорее, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля; войска в направлении к Петрограду с фронтов были направлены по общей директиве из ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется. Иванову несколько часов тому назад государь император дал указания не предпринимать ничего до личного свидания. Эта телеграмма послана через Петроград, и остается только пожелать, чтоб она скорее дошла до генерала Иванова. Равным образом, государь император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма два часа тому назад вернуть на фронт все то, что было в пути. Вы видите, что со стороны его величества принимаются, какие только возможно, меры, и было бы в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар. *Рузский*.

Сообщаю проект манифеста: «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам господь бог». Конец проекта манифеста. Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, благоволите меня уведомить, равно и об общей схеме такового. В заключение скажу вам, Михаил Владимирович, я сегодня сделал все, что подсказывало мне сердце и что мог, для того, чтобы найти выход в деле обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также для того, чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы. Этого необходимо достигнуть в кратчайший срок: приближается весна, и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласовании их с действиями наших союзников; мы обязаны думать также о них; каждый день, скажу больше, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог. *Рузский*.

— Вы, Николай Владимирович, истерзали в конец мое и так растерзанное сердце. По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает

у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное Правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я горячо просил государя императора; время упущено, и возврата нет. Повторяю вам еще раз, народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования. Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единение всех партий, и железнодорожное сообщение не будет затруднено. Надеемся также, что после воззвания Временного Правительства крестьяне и все жители повезут и другие станции [1]) снаряды и других предметов снаряжения. Запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и особое совещание. Молю бога, чтобы он дал сил удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройства умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже. Больше ничего не смогу вам сказать. Помогай вам бог, нашему славному вождю, в битве уничтожать проклятого немца, о чем в обращении, посланном армии от Комитета Госуд. Думы, говорится определенно в виде пожелания успехов и побед. Желаю вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спать спокойно. Глубоко уважающий вас и душевно преданный *Родзянко*.

— Михаил Владимирович, еще несколько слов. Дай, конечно, бог, чтобы ваши мысли в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что — если анархия, о которой говорите вы, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти, — подумайте, что будет тогда с родиной нашей? В сущности, конечная цель одна: ответственное министерство перед народом и есть для сего нормальный путь для достижения цели перемены порядка управления государством. Дай бог вам здоровья и сил для вашей ответственной работы. Глубоко уважающий вас *Рузский*.

— Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу. Желаю вам всего лучшего. *Родзянко*.

— Дай бог, чтобы все было так, как вы говорите. Последнее слово, скажите ваше мнение, нужно ли выпускать манифест? *Рузский*.

— Я право, не знаю, как вам ответить. Все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. *Родзянко*.

— Я получил указания передать в ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем пусть что будет. Разговор наш доложу, если вы против этого ничего не имеете. *Рузский*.

— Ничего против этого не имею и даже прошу об этом. *Родзянко*.

— До свидания, да поможет вам бог!

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Квецинскому и ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1869.

Передана: Наштазап — 2. III. 2 ч. 2 м.
Наштасев — 2. III. 3 ч. 55м.

Вследствие невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далее Луги и разрешения государя императора вступить главкосеву в сношения с председателем Государственной Думы и высочайшего соизволения вернуть войска обратно в Двинский район из числа направляемых с северного фронта, наштаверх просит срочно распорядиться — те части, кои еще не отправлены, не грузить, а те, кои находятся в пути, задержать на больших станциях. Относительно дальнейшего направления или возвращения перевозимых частей последует дополнительное указание. 2 марта 1917 г. 1869. *Лукомский.*

Служебная записка ген. Тихменева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г.

Согласно полученных донесений, из числа войск, отправленных 1) с северного фронта — Лугу прошли 3 эшелона, 4 эшелона находятся между Лугой и Псковом, остальные между Псковом и Двинском; 2) с западного фронта — прошли Полоцк 4 эшелона 2-го Донского казачьего п., прочие эшелоны этого полка и 2-й Павлоградский гусарский полк — между Полоцком и Минском. Посадка в Минске закончена. Из Сенявки отправлено 5 эшелонов, осталось отправить — 2 эшелона. Генерал-майор *Тихменев.*

Телеграмма адм. Непенина адм. Русину 1 марта 1917 г. № 246/оп. [1]).

Получил известие, что Белоостров занят вооруженной толпой. Войска и жандармы обезоружены. Полковник Тюфяев и его штаб арестованы. Восстановление порядка в Кронштадте налаживается при содействии Комитета Государственной Думы, внимание коего обратил также и на положение в Белоострове и на необходимость прекратить дальнейшее движение. 246/оп. 23 часа 1 марта. *Непенин.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1868.

Передана 2. III. 1 ч. 58 м.

Наштаверх просит испросить высочайшее указание относительно частей, направляемых к Петрограду из района западного фронта. Не признано ли будет возможным их вернуть на фронт, а относительно частей, намеченных к отправлению с юго-западного фронта, указать главкоюзу, что отправка их отменяется. 2 марта 1917 г. 1868. *Лукомский.*

[1]) На телеграмме помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917».

Телеграмма ген. Клембовского [?] ген. Иванову 2 марта 1917 г. [1]).

Сообщаю для сведения краткую ориентировку. События в Петрограде: 1 марта наступает успокоение, порядок налаживается с трудом. Стрельба на улицах не прекращается. По городу расставлены караулы и патрули. Имеются сведения, что со 2 марта начнут правильно функционировать все центральные управления. События в Кронштадте: 28 февраля вечером начались беспорядки в некоторых сухопутных частях и береговых командах флота. 1 марта сообщение с Кронштадтом было прервано, в крепости началась анархия. Главный командир порта был убит, офицеры арестованы. Начавшееся брожение в Балтийском флоте вызвало решение командующего флотом перейти на сторону Временного Комитета. События в Москве: до 28 февраля порядок нарушен не был. 28 февраля на улицах начали собираться толпы с красными флагами, но активных действий не принимали. 1 марта несколько тысяч артиллеристов на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением, часть коего передали революционерам. Воинские части начали переходить на сторону революционеров. После полудня в городе полная революция. 1 марта генерал Алексеев послал телеграмму государю императору, прося согласиться на перемену правительства и издать акт, который может внести успокоение в население, и указывая на то, что лица, доказывающие его величеству противное, бессознательно и преступно ведут к гибели Россию и династию. Вместе с сим, генерал Алексеев, в ответ на обращение председателя Государственной Думы Родзянко к нему и всем главнокомандующим, просил Родзянко, ради спокойствия в армии, обращаться исключительно в ставку, так как непосредственное обращение является совершенно недопустимым вмешательством посторонних лиц в порядок военного управления.

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1215/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 10 м.

Начальник штаба поручил мне сообщить для доклада понаштаверху. Первое, что в два с половиною часа сегодня, 2 марта, главкосев будет говорить по аппарату с председателем Государственной Думы Родзянко, по особому уполномочию его величества. Есть надежда на благоприятное разрешение. Второе. У нас имеются сведения, что гарнизон Луги перешел на сторону Комитета. Эшелоны с войсками, предназначенными в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, задержались царским поездом между Двинском и Псковом. В виду событий в Луге возникает вопрос об их обратном возвращении, о чем главкосев будет иметь всеподданнейший доклад у государя. Генерал Данилов уехал на вокзал доложить главкосеву о времени разговора его по аппарату с председателем Государственной Думы. Псков. 2 марта. 0 ч. 50 м. 1215/Б. *Болдырев.*

[1]) На подлиннике документа помета: «Не посылалась».

Телеграмма тов. председателя Временного Комитета Госуд. Думы Некрасова ген. Алексееву 2 марта 1917 г.

Подана 2. III. 1 ч. 6 м.

Принята 2. III. 1 ч. 33 м.

Поезд государя находится, по сведениям Временного Комитета, в Пскове. Вечером первого предполагалось отправление в Царское Село, однако, повидимому, не состоялось. Товарищ председателя Комитета *Некрасов*.

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 6180.

Принята 2. III. 4 ч. 45 м.

Минск. 2 марта. 1 ч. 30 м. До выяснения внутреннего положения в стране представляется крайне нежелательным проникновение в войска тех телеграмм, которые рассылаются членами Временного Правительства, равно как агентских телеграмм и газет, в которых названные телеграммы могут быть напечатаны. Главнокомандующий, признавая это проникновение в указанный период времени недопустимым, отдал соответствующее приказание в районе фронта, но, считая вместе с тем необходимым в данном отношении единство мер на всех фронтах, приказал просить соответственных указаний. 6180. *Квецинский*.

Телеграмма царя ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1223/Б.

Принята 2. III. 5 ч. 25 м.

1865. Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. 1223/Б. *Николай*.

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1224/Б.

Принята 2. III. 5 ч. 48 м.

По приказанию главкосева, сообщаю вкратце сущность разговора генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Отмену своего приезда в Псков председатель Государственной Думы объяснил, первое: эшелоны, высланные в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге, объявили себя присоединившимися к Государственной Думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Второе. Невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как верят пока только ему и только его приказания исполняют. Генерал-адъютант Рузский сообщил председателю Государственной Думы об окончательном решении государя, идущего навстречу желанию законодательных учреждений и народа, дать ответственное перед законодательными палатами министерство и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет и что если желание его величества найдет отклик, то спроск-

тирован манифест, который мог бы быть объявлен сегодня, 2 марта, с пометкой «Псков». Председатель Государственной Думы просил передать манифест теперь же и заявил, что, очевидно, его величество и вы [1]) не отдаете отчета в происходящем, что наступила одна из страшнейших революций и что, к сожалению, и ему, председателю Государственной Думы, далеко не удалось сдержать народные страсти. Войска окончательно деморализованы, ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов и что то, что теперь предлагается, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Генерал-адъютант Рузский ответил, что при создавшейся обстановке родине грозит анархия надолго и что она прежде всего отразится на исходе войны, и просил уточнить по этому вопросу. Председатель Государственной Думы ответил, что толпа и войска решили твердо войну довести до победоносного конца, но предъявляют требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Вместе с тем председатель Государственной Думы высказал о необходимости прекратить посылку войск в Петроград. Генерал Рузский ответил, что уже сделано распоряжение вернуть войска обратно на фронт и что, в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательно, чтобы почин государя нашел отзыв у тех, кто может остановить пожар. Затем был передан текст манифеста, сообщенного в вашем № 1865. Председатель Государственной Думы признал содержание манифеста запоздалым и высказал, что он был бы уместен, если бы был отдан после посылки им телеграммы его величеству от 27 февраля. Так как об изложенном разговоре главкосев может доложить государю только в 10 час., то он полагает, что было бы более осторожным не выпускать манифеста до дополнительного указания его величества. 2 марта. 5 ч. 30 м. 1224/Б. *Данилов.*

Отношение начальника военных сообщений на театре военных действий на имя ген. Лукомского от 2 марта 1917 г. № 217/2с.

Возвращая при сем депеши за №№ 1216/Б и 1217/Б, сообщаю вашему превосходительству, что копия депеши за № 1216/Б вручена генерал-адъютанту Иванову на станции Сусанино [2]) 2 марта сего года в 15 часов 5 минут.

Приложение: 2 депеши.

Начальник военных сообщений театра военных действий генерал-майор *Тихменев.*

И. д. начальника отдела воинского движения генерального штаба полковник *(подпись).*

И. д. начальника отделения связи генерального штаба подполковник *(подпись).*

---

[1]) Т.-е. ген. Алексеев. *(Прим. в подлиннике, написано от руки.)*

[2]) На поле помета карандашом рукой ген. Алексеева: «Примерно 25 в. от Ц. С.».

Копия телеграммы ген. Данилова командующему V армией 2 марта 1917 г. № 1216/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 20 м.

В виду невозможности продвигать эшелоны далее Луги, нежелательности скопления их на линии, особенно в Пскове, и разрешения государя императора вступить главкосеву в сношения с председателем Государственной Думы, последовало высочайшее соизволение вернуть войска, направлявшиеся на станцию Александровскую, обратно в Двинский район, где расположить их распоряжением командарма V. 1216/Б. 1 час. 2 марта. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1217/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 25 м.

Так как местопребывание генерал-адъютанта Иванова штасеву неизвестно, прошу содержание телеграммы № 1216/Б о возвращении эшелонов в Двинск сообщить г.-а. Иванову. 2. III. № 1217/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1227/Б [1].

Подана 2. III. 12 ч. 26 м.

Принята 2. III. 12 ч. 45 м.

Главкосев приказал мне доложить вам по принадлежности, для распоряжения, о высочайшем соизволении вернуть войска, направленные к Петрограду с западного фронта, и о состоявшейся отмене посылки войск с юго-западного фронта. 2 марта. 12 часов. 1227/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту и ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1877 [2].

Государь император приказал вернуть войска, направленные к Петрограду с запфронта, и отменить посылку войск с юго-западного фронта. 2 марта 1917 года. 1877. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 2 марта 1917 г. № 1870 [3].

Генерал-адъютант Рузский, учитывая настоящее положение и опасаясь, что воспрещение распубликовывать и пропускать в армию все заявления Комитета Государственной Думы может внести беспо-

[1]) На подлиннике помета: «Доложена и исполнена».

[2]) На телеграмме пометы о времени передачи телеграммы: «Минск — 2. III. 13 ч. 44 м.» и «Ю.-З. — 2. III. 13 ч. 48 м.».

[3]) На подлиннике помета о времени отправления телеграммы: «Главкозап — 2. III. 9 ч. 20 м. Главкоюз — 2. III. 8 ч. 52 м. Поглавкорум — 2. III. 12 ч. 15 м. Тифлис Генералу Янушкевичу — 2. III. 13 ч. 37 м.».

койство в армию, приказал пропускать и разрешать к печати все те из заявлений, кои клонятся к успокоению, к призыву порядка и к усилению подвоза продовольственных припасов. Признавая необходимым одинаковое решение по всем фронтам армий, прошу отдать распоряжения, аналогичные с отданными главкосевом. 2 марта 1917 года. 1870. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1871.

Передана 2. III. 10 ч. 3 м.

Прошу командировать офицеров вашего штаба, дабы убедиться в действительном настроении войск, командированных из армии в распоряжение генерала Иванова. Допуская при данных условиях все, я имею, однако, основания не вполне доверять сообщению Родзянки, ибо первого марта имел сведения, что Луга занята представителями Временного Правительства, имевшими определенные инструкции не пропускать через Лугу литерных поездов. Прошу также командировать через Дно офицера для установления связи с генералом Ивановым, о котором имеем сведения, что вечером первого прибыл в Царское Село. Сейчас веду переговор с главнокомандующими, содержание которого вслед засим передаю главкосеву. 2 марта 1917 г. 1871. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1229/Б.

Принята 2. III. 14 ч. 34 м.

1874. В виду повторного [1]) приказания командировать офицера генерального штаба для установления связи с г.-а. Ивановым, по приказанию наштасева, прошу указать, в чем собственно выразится поручение этого офицера: должен ли он лично видеть г.-а. Иванова? Кроме того, считаю необходимым доложить, что командирование офицера к лицу, имеющему определенное назначение, может затрудниться соответственным занятием ближайших Царскому станций. Псков. 2 марта. 13 ч. 15 м. 1229/Б. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Болдыреву 2 марта 1917 г. № 1881.

Передана 2. III. 15 ч. 50 м.

Наштаверх еще раз повторяет необходимость командирования офицера [2]). Нужно найти генерала Иванова или выяснить, что далее известной станции проникнуть нельзя. Если генерала Иванова можно увидеть, то словесно получить от него все сведения о его намерениях, положении и обстановке. 2 марта 1917 г. 1881. *Лукомский.*

[1]) Запросу ген. Болдырева предшествовала телеграмма ген. Данилова, выразившего сомнение в желательности посылки офицера для связи с г.-а. Ивановым. Лукомский ответил, что «наштаверх все же признает желательным».

[2]) Дальнейший текст этой телеграммы представляет собой воспроизведение резолюции ген. Алексеева на телеграмме Болдырева № 1229/Б.

Разговор по прямому проводу полк. Ступина с подполк. Сергеевским 2 марта 1917 г. в 23 часа.

— Пригласите офицера ген. штаба. Просит полковник Ступин.

— У аппарата подп. Сергеевский.

— Простите, что вас беспокою по частному делу. Дело в следующем. Я получил предписание отправиться на поиски генерала Иванова. Могу выехать для этого только в 1 ч. 30 м. 4-го. Приеду в Дно в 5 часов 4-го. О дальнейшем же маршруте никаких данных нет. Следовательно, когда я именно приеду в нужное место, неизвестно. Теперь же уже последовало распоряжение об отозвании ген. Иванова. Кроме того, с минуты на минуту ожидается решение всех вопросов. Является ли при таких условиях необходимой моя поездка? Спрашиваю об этом частным образом и вас прошу справиться у начальника оперативного отдела о необходимости моего выезда из Пскова, тем более, что при теперешней усиленной работе здесь нежелательно лишаться офицера генерального штаба. Буду ждать у аппарата. *Полк. Ступин.*

— Подполковник Тихобразов пошел спросить, какого мнения по этому поводу начальство. Быть может, вам именно прикажут отозвать ген. Иванова. Пока сообщу могущие быть полезными сведения. По линии Могилев — Витебск — Дно — Петроград ходят скорые поезда строго по расписанию; по крайней мере, так прибывают сюда и уходят отсюда. Генерал Иванов предполагается или в Царском, или между Царским и Вырицей. Сведений от него мы никаких не имеем. С ним находится штаб-офицер угенкварверха ген. штаба подп. Капустин. Пытаемся сообщить ему об отозвании его назад и через Петроград. Какие у вас сведения насчет поезда Гучкова?

— Поезд Гучкова уже пришел, и сейчас идет заседание. Относительно местонахождения генерала Иванова я не думаю, чтобы он был в Царском Селе, так как там, по частным сведениям, поддерживается порядок распоряжением Госуд. Думы. Вчера ночью у нас проскочило какое-то сведение, будто поезд ген. Иванова в 22 часа 1 марта прибыл на вокзал в Царское и что он остается там же на вокзале, но это был только слух, документально не подтвержденный.

— Благодарю вас. Я жду у аппарата.

— Ответа нет. Тихобразов еще не пришел.

— Полковник Ступин у аппарата?

— Да, он здесь.

— Могу вам сообщить, что, по имеющимся сегодня утром последним сведениям, ген. Иванов якобы действительно приехал в Царское Село. Затем был на ст. Александровской, а оттуда переехал на ст. Вырица, где, как будто бы, и находится.

— Благодарю вас. До свидания.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1902.

Передана 2. III. 22 ч. 53 м.

Дополнение 1874. Наштаверх разрешил офицера для связи с генерал-адъютантом Ивановым не посылать в виду отозвания генерал-адъютанта Иванова к месту своей службы. 2 марта 1917 г. № 1902. *Лукомский.*

Разговор по прямому проводу ген. Эверта с ген. Клембовским 2 марта 1917 г.

— Здравствуйте, Владислав Наполеонович. У аппарата главнокомандующий. Что скажете?

— Здравия желаю, Алексей Ермолаевич. Наштаверх поручил мне передать вам следующее. «Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщении этого решения главкосевом председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату, в два с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно; что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценою дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству через главкосева, известив наштаверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при

решении сверху. 2 марта 1917 года. 10 часов 15 минут. № 1872». Вот и все, если имеете задать вопрос, то я в вашем распоряжении. *Клембовский.*

— Этот вопрос может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху. В противном случае, несомненно, найдутся элементы, враждебные тому или другому решению, а может быть, и желающие ловить рыбу в мутной воде. Есть ли время сговориться с командующими армиями? Запрошены ли остальные главнокомандующие? *Эверт.*

— Всем главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорога каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии. При задержке в решении вопроса Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все может кончиться гибельной анархией. Надо иметь в виду также, что царскосельский дворец и августейшая семья охраняются восставшими войсками. *Клембовский.*

— Больше ничего не имею. *Эверт.*

— Имею честь кланяться. *Клембовский.*

Разговор окончен 2 марта в 11 часов.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с ген. Брусиловым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал-адъютант Алексеев.

— Имею честь кланяться, что прикажете? *Брусилов.*

— Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед народными представителями министерство, поручив председателю Государственной Думы Родзянко образовать кабинет.

По сообщении этого решения председателю Государственной Думы главкосевом Родзянко в разговоре по аппарату ответил, в два с половиной часа 2 марта, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, а в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, что сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых вновь требований относительно отречения от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Передавая вам это, сообщаю, что туманная обстановка, повидимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что продовольственное существование армии и работа всех железных дорог находятся фактически в руках

петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала и продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии, поставив все это на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою соответствующую верноподданническую просьбу его величеству через главкосева? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а определенные скорые решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно может совершиться при решении сверху. Повидимому, из Пскова посланы были повеления генералу Иванову возвратиться как ему самому, так и вернуть все войска, направленные из армии в Царское Село. Сейчас мне сообщили, что генерал Иванов через полчаса вернется в Могилев, чему, однако, я не вполне доверяю. *Алексеев.*

2 марта. 11 ч.

— Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою государю императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может. Кончил. *Брусилов.*

— Будем действовать согласно — только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия, и не дать заразе прикоснуться к армии. До свидания. Всего хорошего. *Алексеев.*

— Очевидно, должна быть между нами полная солидарность. Я считаю вас по закону верховным главнокомандующим, пока не будет другого распоряжения. Да поможет нам господь. *Брусилов.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Сахаровым 2 марта 1917 г.

— Попросите к аппарату главнокомандующего. У аппарата генкварверх. Для передачи очень срочной и важной депеши и для личных объяснений, если таковые потребуются. Вопрос крайне спешный, поэтому прошу помощника главнокомандующего не отказать подойти к аппарату возможно скорее.

— Сию секунду доложу.

— У аппарата генерал-лейтенант Лукомский. Честь имею кланяться, ваше высокопревосходительство. Генерал Алексеев поручил мне передать вам нижеследующую телеграмму: «Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом...» [1])

[1]) Далее идет текст телеграммы ген. Алексеева главнокомандующим № 1872, приведенный в разговоре Клембовского с Эвертом, но без указания номера телеграммы.

Л у к о м с к и й. Нет ли каких-нибудь вопросов, так как я кончил?

— У аппарата генерал Сахаров. Здравствуйте, Александр Сергеевич. Скажите пожалуйста, то, что вы сказали, то составляет мнение Михаила Васильевича?

— Да, мнение Михаила Васильевича начинается после слов Михаила Александровича — со слова «обстановка».

— А от других главнокомандующих есть ответ или нет?

— Эта телеграмма одновременно передается всем главнокомандующим. Генерал Алексеев говорит с генералом Брусиловым, генерал Клембовский говорит с генералом Эвертом, мне поручено доложить вам и передать в Тифлис [1]).

— Повидимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом. Телеграмму составлю, но не было ли бы лучше отправить ее после получения от вас окончательного решения, основанного на мнении всех остальных? Но было бы крайне желательно и даже более всего необходимо знать ответ с Кавказа.

— Должен доложить, что генерал-адъютант Рузский, повидимому, с этим согласен. Генерал Клембовский сейчас мне передает, что генерал Эверт, повидимому, не находит другого выхода. Лучше всего приготовьте ваш ответ как Алексееву, так и телеграмму государю, а я вам сейчас же доложу, как только будет получен ответ с Кавказа, после чего вы и пошлете свои телеграммы.

— Отлично. Так и сделаю. До свидания, Александр Сергеевич.

— До свидания, ваше высокопревосходительство. *Лукомский.*

Разговор окончен 2 марта в 11 ч. 7 м.

Служебная записка ген. Тихменева ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 45.

Генералу Клембовскому (через генкварверх).

1917 г. 2 марта 11 час. № 45.

1) Ген.-ад. Иванов в Вырице с 4 час. ночи. В связь еще не вошли, ибо есть несколько переприемов по пути. Через них и посылаем депешу.

2) Ген.-ад. Иванов увез с собой в Вырицу начальника ст. Царское Село по неизвестным причинам.

3) Положение эшелонов.

Северный фронт. Те, которые южнее Луги, наштасев приказал вернуть в Двинск и Креславку.

Западный фронт. Два эшелона (головные) задержаны в Режице, три эшелона задержаны в Двинске, три эшелона задержаны в Полоцке, один — в Молодечно, три — в Минске, два — на участке Минск — Заречье будут задержаны в Минске, и два останутся в Сенявке.

Ген.-м. *Тихменев.*

---

[1]) Как видно из пометы в деле, телеграмма № 1872 была передана в Тифлисе ген. Янушкевичу 2/III в 10 ч. 50 м.

Разговор по прямому проводу полк. Ахшарумова с комендантом ст. Москва-Александровская 2 марта 1917 г. в 11 часов [1]).

О т в. Сегодня предложено думой всем войсковым начальникам собраться на Красной площади, для чего — не знаю. Для передвижения офицеров по городу требуется иметь пропуски, выдаваемые в городской думе. Мы же, все офицеры управления заведывающего передвижением войск, живем на вокзале, в город не выходим. Газеты вышли. Обещают сегодня пустить трамваи. Подробностей никаких не знаю. В некоторых местах бывают одиночные выстрелы.

В о п р. Как движение поездов в узле?

О т в. Пока в порядке, и, думаю, это не расстроится.

В о п р. Заводы и мастерские ж.-д. работают?

О т в. Заводы работают, но не все. Слухов много, но пока не убедимся, не можем ничего сказать.

В о п р. Большие беспорядки и столкновения с войсками были?

О т в. По слухам, на Мясницкой столкновение с полицией и только.

В о п р. В чьем распоряжении войска гарнизона?

О т в. В распоряжении полковника Грузинова. По газетным данным, Мрозовский арестован вчера.

В о п р. А комендант города?

О т в. Комендант города Горковенко заболел.

В о п р. А кто вместо него?

О т в. Не знаю.

В о п р. В общем, каково настроение Москвы: жителей и войска?

О т в. Настроение прекрасное, все ликуют.

В о п р. Государственные и общественные учреждения работают?

О т в. Вчера работали до 2 часов. Государственный банк охраняется войсками.

В о п р. Трамвай, водопровод, электричество работают? Магазины открыты?

О т в. Магазины открыты; электричество, водопровод работают. Трамвай еще не пошел.

Полк. *Ахшарумов.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Сахарову 2 марта 1917 г. № 1875.

Передана 2. III. 13 ч. 39 м.

Дополнение № 1872. Великим князем Николаем Николаевичем составляется ответ в духе пожеланий генерал-адъютанта Алексеева. Благоволите сообщить ваше решение. Присовокупляю, что генерал Брусилов и ген. Эверт телеграмму уже послали в том же духе. 2 марта 1917 года. 1875. *Клембовский.*

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «2. III. 917. Чит. Ген. *Алексеев*».

Телеграмма ген.-кварт. румынского фронта Черемисинова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 03316 [1]).

Принята 2. III. 14 ч. 33 м.

1875. Телеграмма № 1872 не поступала. Не есть ли это телеграмма, переданная вашим превосходительством в разговоре сегодня 2 марта с генералом Сахаровым? В противном случае прошу немедленно повторить телеграмму № 1872. Ожидаю безотлагательного ответа. Яссы. 2 марта. 14 час. 10 мин. № 03316. *Черемисинов.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Янушкевичу 2 марта 1917 г.

Передана 12 ч. 14 м.

Генерал Алексеев, вследствие срочности дела, просит сообщить ответ великого князя. Ген.-л. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Янушкевича ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. [2]).

Принята 2. III. 12 ч. 28 м.

Скоро по окончании редакции ответ будет сообщен. Составляется в духе пожеланий генерала Алексеева. *Янушкевич.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 2 марта 1917 г. № 1878.

Передана 2. III. 14 ч. 30 м.

Всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству полученные мною на имя вашего императорского величества телеграммы. От великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо

---

[1]) На подлиннике помета: «№ 1872 передан ген.-кваруму. Наклеенная лента представляется. Дежурный шт.-офицер капитан *Кожезников*».

[2]) На подлиннике помета: «Доложено ген. Клембовскому 12 ч. 40 м. 2. III. 917».

горячею молитвою молю бога подкрепить и направить вас. Генерал-адъютант *Николай*». От генерал-адъютанта Брусилова: «Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к родине и царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. Генерал-адъютант *Брусилов*». От генерал-адъютанта Эверта: «Ваше императорское величество. Начальник штаба вашего величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Ваше величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт».

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы вашему императорскому величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое господь бог внушит вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше императорское величество горячо любите родину и, ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений. 2 марта 1917 г. 1878. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Копия телеграммы ген. Сахарова ген. Рузскому 2 марта 1917 г. № 03317 [1]).

Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы вам на высокомилостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить его величеству через вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армий. Таковы движения сердца и души.

Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности продолжать биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших и еще гнуснейших притязаний. Яссы. 1 [2]) марта. № 03317. Генерал *Сахаров.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Даниловым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Данилов.

— Здравствуй, Юрий Никифорович. У аппарата Лукомский. Генерал Алексеев просит сейчас же доложить главкосеву, что необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного государя, а всего царствующего

---

[1]) На подлиннике документа следующие пометы: «15 ч. 5 м. 2 марта 1917 г.» (повидимому, дата получения в ставке копии телеграммы, адресованной главкосев для передачи царю). В левом верхнем углу первого листа телеграммы: «Пер[едана в] Псков 2. III. 15 ч. 45 м. [подпись]». На первом же листе помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917».

[2]) Так в подлиннике.

дома в России. Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута, и всякие этикеты должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально, и со стороны высших военных властей, сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии. Это официально, а теперь я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. *Лукомский.*

— Генерал Рузский через час будет с докладом у государя, и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующего, который только что сию минуту заснул и через полчаса встанет. Выигрыша во времени не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжка, но грозна. Однако и ты и генерал Алексеев отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно, — как это, в сущности, и предвидел главнокомандующий, — явилось запоздалым. Очень осложнила дело посылка войск генерал-адъютанта Иванова. Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь. Между тем Исполнительный Комитет Государственной Думы шлет ряд извещений и заявлений, остановить поток которых нет никакой возможности. Два часа тому назад главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовать распространению таких заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств. Другого исхода не было. Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе государя с ответственным перед народом министерством, но, видимо, время упущено, и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение. Вот пока все, что я могу сказать. Повторяю, от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений. *Данилов.*

— Дай бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи. *Лукомский.*

Телеграмма гл. нач. Одесского воен. округа ген. Эбелова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 0735.

Подана 2. III. 12 ч. 15 м.
Принята 2. III. 12 ч. 41 м.

В виду неполучения высочайшего акта, задержки телеграмм из Петрограда и распространения в обществе разного рода тревожных слухов, прошу указаний, когда можно ожидать соответствующих распоряжений свыше. Тревога населения будет расти с каждым днем. Пока порядок поддерживаю. Запасные полки переполнены прибывшими новобранцами, до двадцати тысяч каждый полк; внутренний порядок поддерживать трудно. При настоящих обстоятельствах настоятельно необходимо новобранцев этих, до шести тысяч в каждом полку, немедленно отправить на полевые работы. Просил об этом генерала Сахарова, ответа не получил. Прошу указаний. 0735. Генерал *Эбелов*.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1883.

Передана 2. III. 15 ч. 55 м.

Прошу срочно телеграфировать, находятся ли в Пскове литерные поезда или куда-либо отправились. 2 марта 1917 года. 1883. *Лукомский*.

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1231/Б.

Принята 2. III. 17 ч. 30 м.

1883. По приказанию наштасева сообщаю: литерные поезда находятся в Пскове. О времени их отправления и направлении движения будет донесено беззамедлительно. Псков. 2 марта. 17 ч. 1231/Б. *Болдырев*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Алексееву из Семрино 2 марта 1917 г. № 5.

Подана 2. III. 5 ч. 5 м.
Принята 2. III. 12 ч. 10 м.

Ночь на 2 марта ночую в Вырице. 1 марта 1917 г. № 5. Генерал-адъютант *Иванов*.

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов 2 марта 1917 г. № 1884 [1].

Ожидается разрешение на опубликование высочайшего акта, который должен успокоить население, предотвратить ужасы революции. Поэтому наштаверх, прося принять все меры для предупреждения возможных эксцессов, находит необходимым, чтобы главные начальники военных округов, входящие в состав фронтов, были ориентированы во всем происходящем. 2 марта 1917 г. 1884. *Лукомский*.

[1]) На подлиннике пометы о времени посылки телеграммы: «Наштасев — 2. III 16 ч. 43 м. Наштазап — 2. III. 16 ч. 53 м. Наштаюз — 2. III. 17 ч. 9 м. Наштарум — 2. III. 18 ч. 40 м.».

Телеграмма ген. Клембовского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1886.

Передана 2. III. 16 ч. 50 м.

Телеграмма № 1223 об объявлении манифеста не приводится в исполнение в ожидании дальнейших указаний после доклада главкосева. Очень прошу ориентировать наштаверха, в каком положении находится вопрос. Из вашего штаба сообщили, что литерные поезда стоят в Пскове и нет никаких распоряжений относительно их отправления. Между тем получены известия, что начальник эксплоатационного отдела Северо-Западных дорог инженер Гавалов отдал распоряжение по линии об отправлении литерных поездов к Двинску. Прошу сообщить, что известно. 2 марта 1917 г. 1886. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1887.

Передана 2. III. 17 ч. 34 м.

Прошу вас через генерала Ходоровича ориентировать в обстановке императрицу Марию Федоровну и сообщать ее величеству о всем, что будет происходить. 2 марта 1917 года. 1887. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1230/Б.

Подана 2. III. 16 ч. 30 м.
Принята 2. III. 16 ч. 50 м.

Около 19 часов сегодня его величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выехавших экстренным поездом из Петрограда. Государь император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Савича, выразил, что нет той жертвы, которой его величество не принес бы для истинного блага родины. Телеграммы ваши и главнокомандующих были все доложены. 2 марта. 16 ч. 30 м. № 1230/Б. *Данилов* [1]).

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 2 марта 1917 г. № 2740.

Положение прежнее. Большая опасность со стороны социалистов. Москва, Харьков и Симферополь, повидимому, подчиняются Думскому Комитету. Минмор считает необходимым действовать в согласии с Комитетом Думы, о чем дал директивы на север. Адмиралу Корвину угрожала со стороны нижних чинов опасность, считающих его немцем. По соглашению с караульным начальником, он был арестован и отправлен в Думу, где получил свободно отдельный пропуск, но остается там до отъезда на север. В Кронштадте анархия. Вирена, кажется, убили, Курош арестован. Два члена Думы попробовали вос-

[1]) Эта телеграмма ген. Данилова была передана из ставки главкозапу в тот же день в 18 ч. 5 м., главкоюзу в 17 ч. 40 м., поглавкоруму в 18 ч. 45 м., ген. Янушкевичу в 18 ч. 40 м.

становить порядок. В Луге и Ораниенбауме возмущение. Я виделся с Родзянко, к которому ездил в Думу с согласия минмора, причем выяснил, что Думский Комитет не вступал в связь со ставкой. Родзянко сказал мне, что вступит в сношение с генералом Алексеевым и с вами, дабы не было несогласных действий. Не откажите сообщить мне для доклада минмору позицию ставки, занятую в этом деле. Здесь приходится действовать по обстоятельствам, чтобы установить порядок и не нарушить интересов войны. Великий князь Кирилл Владимирович с баталионом гвардейского экипажа и вторым экипажем отдали себя в распоряжение Государственной Думы. 2740. *Капнист.*

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген. Эбеловым 2 марта 1917 г. [1]).

— Ввиду наплыва телеграмм из Петрограда самого тревожного свойства, положение становится с каждым часом серьезнее. Прошу указаний, последует ли указанный в вашей последней телеграмме высочайший акт и когда именно.

— Государь император согласился на постановку: во главе правительства — Родзянко, с тем чтобы он избрал себе ответственных министров. Родзянко ответил, что это было возможно 27 февраля, а теперь поздно, народные страсти так разгорелись, что исход имеется лишь один — отречение от престола в пользу наследника под регентством великого князя Михаила Александровича. Его величество находится в Пскове, решение еще не принял, но, повидимому, оно неизбежно. Как только узнаю исход происходящих там переговоров, немедленно сообщу вам. Нет ли еще вопросов, и известно ли вам положение в Петрограде и Москве? *Клембовский.*

— Разрешается ли печатать в газетах телеграммы, поступающие из Петрограда ПТА и «Вестника»? Положение очень тревожное, с трудом удерживаю порядок.

— Сегодня газеты в Москве вышли, завтра вы их получите. Полагаю, однако, что лучше ничего не печатать, пока не получим определенных сведений из Пскова, о чем, повторяю, немедленно вам сообщу. *Клембовский.*

— Однако можно ли сообщать в печать выдержки из телеграмм в более смягченном смысле?

— Повторяю, лучше воздержаться, так как решение вопроса — дело нескольких часов. *Клембовский.*

— Все, что известно мне из Петрограда, вероятно, известно и вам? Если нужно, то наиболее тревожные телеграммы буду передавать вам по прямому проводу без шифровки.

— Нет, нам все известно, и если я спросил, то только для того, чтобы в случае нужды ориентировать вас. *Клембовский.*

— Сердечно благодарю. Разговор кончаю. *Эбелов.*

(*Окончание следует*).

[1]) На подлиннике помета: «2. III. 17 ч. 23 м. Понаштаверх и главнокр. Одесса».

Дневник Николая Романова.

(*Продолжение* [1]).

1-го мая [*1917 г*]. *Понедельник.*

Чудный теплый день. Утром хорошо погулял. От 12 час. был урок географии с Алексеем. Днем опять работали над нашим огородом. Солнце здорово пекло, но работа успешно подвигается. Читал до обеда и вечером вслух.

Вчера узнали об уходе ген. Корнилова с должности главнокоманд[ующего] Петрогр[адским] воен[ным] окр[угом], а сегодня вечером об отставке Гучкова, все по той же причине безответственного вмешательства в распоряжения военною властью [sic!] Сов[ета] Рабоч[их] Депутатов и еще каких-то организаций гораздо левее.

Что готовит провидение бедной России? Да будет воля божья над нами! [2]).

2-го мая. Вторник.

Серый теплый день. Погулял. Окончил чтение книги Кассо «Россия на Дунае» и начал многотомное сочинение Куропаткина «Задачи русской армии». Днем работали на огороде, около половины сделано. Под конец пошел дождичек. Вечер провели по обыкновению.

3-го мая. Среда.

У Алексея болела рука, и он пролежал целый день. С утра до вечера лил дождь, очень полезный для появляющейся растительности. Недолго погулял утром и днем — с Марией и Анастасией. Много читал. Вечером окончил англ[ийскую] книгу вслух.

4-го мая. Четверг.

Погода стала ясная, но прохладная. Рука у Алексея не болела, занятий не было, т. к. он остался лежать. После утренней прогулки читал много. Днем все вышли в сад, опять происходила общая работа по огороду. Вечером начал читать вслух «Le mystère de la chambre jaune» [3]).

---

[1]) См. «Красный Архив», т. 20 (1), стр. 123 —152.

[2]) После восклицательного знака поставлен крест.

[3]) «Тайна желтой комнаты» Леру.

5-го мая. Пятница.

После утренней прогулки занимался с Алексеем историей. Рука его прошла, и он встал после завтрака. Продолжали работу в саду; Аликс вышла на час. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. До обеда получил подарки. Читал дочерям вслух.

6-го мая. Суббота.

Мне минуло 49 лет. Недалеко и до полсотни! Мысли особенно стремились к дорогой мама. Тяжело не быть в состоянии даже переписываться. Ничего не знаю о ней кроме глупых или противных статей в газетах. День прошел по воскресному: обедня, завтрак наверху, puzzle! Дружная работа на огороде, начали копать грядки, после чая всенощная, обед и вечернее чтение — гораздо больше с милой семьей, чем в обычные года.

7-го мая. Воскресенье.

Холодная ветреная погода со снежными шквалами. В 11 час. пошли к обедне. Погулял днем с Татьяной, Марией и Анастасией, пока Алексей играл на острове. До и после чая начитывался всласть. К вечеру погода окончательно повернула на зиму — выпал снег при 2° мороза.

8-го мая. Понедельник.

Утром все оказалось покрытым снегом. Дул холодный ветер, и гулять было неприятно. От 12 ч. занимался с Алексеем географией. К 2 часам вышло солнце, стало теплее и стихло. Гулял с детьми и сидел с ними на острове. Видел коменданта Ц. Села полковн. Кобылинского, кот[орый] гулял с дворцов[ым] комендантом подполк. Коровиченко. Вечер прошел по обыкновению.

9-го мая. Вторник.

Очень хороший солнечный день. Погулял почти час с Алексеем. Днем усиленно работали на огороде; копать грядки было тяжело из-за сырости земли после снега. Читал с интересом куропаткинскую книгу до обеда, а вечером франц[узскую] вслух дочерям.

10-го мая. Среда.

Отличный теплый день. Пробыл час на воздухе с Алексеем, а потом занимался с ним историей. Днем все были в саду, работали на огороде и начали сажать некоторые овощи. В $6^1/_2$ были у всенощной. Вечером окончил франц[узскую] книгу.

11-го мая. Вознесение господне.

Чудный летний день. Погулял недолго с Валей до обедни. После завтрака зашел с Аликс к Е. А. Нарышкиной, которая больна, повидимому, воспалением легкого. Работали на огороде и потели страшно. Читал до $7^1/_4$ и затем в первый раз с дочерьми покатался на велосипеде. Было очень приятно подышать еще вечерним воздухом.

12-го мая. Пятница.

Погулял с Алексеем чудным утром. Пошли посмотреть работу по складыванию досчатого «ground» для нашего тенниса на прежнем месте. Перед завтраком с Алексеем [занимался] историей. В $2^1/_2$ ч. вышли в сад. Помог с другими копать грядки на огороде двух из наших людей впереди 1-го и 4-го подъездов, затем вернулся в садик и продолжал работу на нашем огороде.

Погода сделалась серая и прохладная. Утром перевезли в санитарном моторе в Большой дворец Е. А. Нарышкину, по ее просьбе, для возможности чаще видеть своих родных.

13-го мая. Суббота.

Солнечный день с прохладным бризом. Погулял час с Алексеем. Днем хорошо поработали в саду. Видел, как привезли байдарки и шлюпку к нам на пруд. Татьяна и Алексей воспользовались и покатались. В $6^1/_2$ час. пошли ко всенощной. Вечером читал вслух книгу «Le parfum de la dame en noir», [1]) которую начал 11-го мая.

14-го мая. Воскресенье.

В другой обстановке провели мы 21-ю годовщину коронации! Погода была отличная — 15° в тени. До обедни погулял с Алексеем. Днем от 2 час. до $4^1/_2$ час. провели в саду; катался в байдарке, в шлюпке, поработал на огороде, где готовятся новые грядки, и еще на острове. После чая читал и вечером также.

15-го мая. Понедельник.

Ясный и очень теплый день. После прогулки имел с Алексеем урок географии. Вышли в сад в $2^1/_4$, работал все время с другими на огороде; Аликс и дочери сажали разные овощи на готовых грядках. В 5 час. возвратились домой потные. После чая читал. В $7^1/_2$ вышел с Татьяной, Марией и Анастасией и покатался на велосипедах до 7.45. Вечер провели как всегда.

16-го мая. Вторник.

Дивный летний день; после полдня в тени было 20°. Погулял час утром, пока Алексей играл на остр[ове]. Кончил первый том «Задачи русской армии» Куропаткина и начал второй. От $2^1/_4$ до 5 час. в буквальном смысле работали в саду в поте лица на огороде.

[1]) «Духи дамы в черном» Леру.

Караул от запасного бат. 2-го стр. Царскос[ельского] полка (прап. Беляковский) вел себя как следует, ни один стрелок не шлялся по саду, и выправка часовых была приличная. Перед обедом с наслаждением покатались на велосипедах.

17-го мая. Среда.

Великолепный жаркий день — 20° в тени, на солнце 33°, при легком южном ветре. Погулял более часа с Алексеем и затем занимался с ним историей. Днем гуляли, работали, катались на пруде и сидели на берегу его. До обеда покатался с дочерьми на самокатах. Около $9^1/_2$ нашли тучи и пролили на землю необходимую ей живительную влагу.

18-го мая. Четверг.

Такой же чудный день, немного посвежее после вчерашнего дождя. Очень позеленело все в парке. Воздух был великолепный на прогулке, после урока географии Алексею. Днем опять усиленно работали по уборке дерна и по устройстве [sic!] новых грядок. До обеда покатались на велосип[едах]. Вечер сделался совсем прохладный — 9°.

19-го мая. Пятница.

Утром было много туч, но к 11 час. вышло солнце, и погода сделалась ясная и сразу теплая. После прогулки занимался с Алекс[еем] историей. Днем усердно копал с другими грядки, которых у нас всего теперь 65. Караул от 2-го стр. полка был опять распущенный и офицеры неважные! До обеда поездили на велосипедах.

20-го мая. Суббота.

Идеальный жаркий день, но без духоты. Погулял час с четвертью утром с Алексеем. Днем работал с другими на огороде и отдыхал, катаясь в байдарке. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Аромат из сада был удивительный, когда сидишь у окна.

Вчера начал читать вслух «Le fauteuil hanté». [1])

21-го мая. Троицын день.

Чудесная погода без единого облачка на небе. Погулял с Алексеем до 10 час. В $10^1/_2$ началась обедня и затем была вечерня, кот[орая] окончилась в $12^1/_4$. Днем находились в саду три часа. Перепиливал поваленное в саду дерево на дрова, катался в байдарке и на велосипеде. Читал до $7^1/_2$ и немного погулял с дочерьми до обеда.

22-го мая. Духов день.

Теплый серый день. Пошел гулять до 11 час. с Ольгой, Анастасией и Алексеем. Завтракали в 12 ч. Днем провели три часа в саду,

[1]) «Кресло привидения» Леру.

на острове и на пруде. Под конец начался дождь, кот[орый] продолжался до 8 час. Аромат в окна влезал удивительный.

Сегодня годовщина начала наступления армий юго-западного фронта! Какое тогда было настроение и какое теперь!

23-го мая. Вторник.

Тоже серый день; только к вечеру показалось солнце. Днем спилил с моими людьми три сухих дерева — березу на острове и две больших ели подальше в парке. Перед обедом покатался на велосип[еде] с дочерьми. Вечер был чудный.

24-го мая. Среда.

Теплый день с проходящими дождями. Утром гулял с Алексеем. До завтрака занимался с ним историей. Распиливали на части одну из вчерашних елей. Вернулись домой пораньше из-за дождя. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Перед обедом Аликс получила наши скромные подарки.

25-го мая. Четверг.

День рождения моей дорогой Аликс. Да ниспошлет ей господь здоровье и душевное спокойствие!

Перед обедней все жильцы дома принесли свои поздравления. Завтракали наверху по обыкновению. Днем Аликс вышла с нами в сад. Рубил и пилил в парке. В $7^1/_2$ покатался с дочерьми на велосип[еде]. Погода была хорошая. Вечером начал читать вслух «Le comte de Monte-Christo» [1]).

26-го мая. Пятница.

Как раз приехавший к часу прогулки новый главноком[андующий] Петр[оградским военным] округом ген. Половцев задержал выход Алексея и мой в сад на 20 мин. Погода была чудная. В $3^1/_4$ все мы отправились на прогулку; спилили еще два дерева с короедом. Покатался в байдарке, а вечером на велосипеде.

27-го мая. Суббота.

Забыл упомянуть вчера, что после нашего обеда Коровиченко попросил зайти, чтобы проститься, и привел с собой своего преемника — коменданта Ц[арско]-С[ельского] гарнизона полк. Кобылинского. Никто из нас не жалеет об его уходе, и, напротив, все рады назначению второго. День простоял чудный. Утром погулял дальше в парк, искал еще сухих деревьев. Днем много рубил и пилил. Катался в шлюпке с детьми. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером читал вслух.

[1]) Роман Дюма-отца «Граф Монте-Кристо».

28-го мая. Воскресенье.

До обедни погулял с Татьяной, Марией и Анастасией; погода стояла дивная. Днем вышли в 2 часа. Отправился с теми же дочерьми на работу в лесу. Аликс, как всегда, сидела у воды против «дет[ского] острова», на кот[ором] играл Алексей. После 4 ч. вернулся сюда и покатался в байдарке. В $7^1/_2$ на велосипедах. Перед обедом Татьяна получила подарки.

29-го мая. Понедельник.

Дорогой Татьяне минуло 20 лет. Утром долго гулял со всеми детьми. В 12 час. был молебен. Днем провели три часа в саду, из кот[орых] я работал два часа в лесу. Потом покатался в шлюпке. День был превосходный. До обеда погуляли еще и побывали на огороде. Вечером читал вслух как всегда.

30-го мая. Вторник.

Простоял отличный, но более прохладный день. Погулял от 11 до 12 час., пока Алексей играл на острове. После завтрака вышли в сад в 2 ч. Со мною работали, пилили и рубили дрова постоянные: Валя Д., Волков, камер[динер] Аликс, Тетерятников, Мартышкин, Корнеев, и сегодня прибавился пожарный. Присутствовали и переносили дрова: Т[атьяна], М[ария] и Ан[астасия], два офицера и четыре стрелка 1-го бат.

Вернулись к чаю домой в 5 час. До обеда еще погуляли полчаса внутри «кольца».

31-го мая. Среда.

Такой же день — безоблачный и теплый. Погулял с Алексеем и затем занимался с ним географией. Днем была успешная работа около дорожки, пройдя теннис; срубили пять сухих елей и распилили их всех [sic!] на дрова. После чая распечатал с Бенкендорфом шкапчик в кабинете папа и просмотрел все находящиеся там бумаги и вещи. До обеда погулял с дочерьми. Вечером начал читать второй том «Le comte de Monte-Christo».

1-го июня. Четверг.

Чудесный очень теплый день. От 10 час. занимался с Алексеем историей, затем сделал хорошую прогулку по парку. После завтрака спилили огромную ель около вчерашнего места. Было очень жарко работать, и мухи сильно надоедали. До обеда тоже погуляли.

2-го июня. Пятница.

Утром также погулял внутри парка, где так хорошо и густо. До завтрака имел урок с Алекс[еем]. Днем Аликс присутствовала при нашей работе на вчераш[нем] месте; окончили распилку всего дерева. Покатался в байдарке. После полуторачасового чтения погулял с О[льгой], Мар[ией] и Ан[астасией]. Погода была поразительная.

3-го июня. Суббота.

После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Остался у меня недолго: попросил послать следственной комиссии какие-либо бумаги или письма, имеющие отношение до внутренней политики. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днем он продолжал это вместе с Кобылинским. Допиливал стволы деревьев первого места. В это время произошел pechê с винтовкой Алексея; он играл с ней на острове; стрелки, гулявшие в саду, увидели ее и попросили офицера взять ее и унесли в караул[ьное] помещение. Потом, оказалось, ее отослали почему-то в ратушу!

Хороши офицеры, кот[орые] не осмелились отказать ниж[ним] чинам!

Были у всенощной. Вечер — по обыкновению.

4-го июня. Воскресенье.

Дивный жаркий день с ветром. До обедни погулял с дочерьми. В первый раз заступил в караул 3-й стрелк. зап. баталион. Разница огромная с прочими. Днем допиливали недоконченные уже сваленные деревья. Покатался в байдарке. До обеда обычная прогулочка.

5-го июня. Понедельник.

Сегодня милой Анастасии минуло 16 лет. Погулял со всеми детьми до 12 час. Пошли к молебну. Днем спилили две большие ели на скрещивании трех дорог около арсенала. Жара была колоссальная, солнце красноватое, в воздухе пахло гарью — вероятно, от горящего где-нибудь торфа. Покатался немного в шлюпке. Вечером погуляли до 8 час. Начал 3-й том «Le comte de Monte-Christo».

6-го июня. Вторник.

Сегодня Керенский сделал смотр всем запасным стрелк[овым] бат[альонам]. К нам он не заезжал.

Днем спилили большую высохшую ель, рядом со вчерашним местом, и другую на «детском острове». Погода была идеальная.

7-го июня. Среда.

Очень жаркий день и очень сильный запах гари. Утром погулял внутри парка. После завтрака спилили три сухих дерева все в тех же местах около арсенала. Покатался в байдарке, пока люди купались в конце пруда. Караульн[ым] нач[альником] был общий нелюбимец прап. Шумович 2-го стр. п[олка].

8-го июня. Четверг.

Самый жаркий день до сих пор — 24° в тени.

Перед утренней прогулкой занимался с Алексеем историей. Днем, несмотря на тропическую жару, распилили две ели. Снова был отличный караул от зап. бат. 3-го стрелк. полка. Пил чай запоем после работы. Как всегда, читал до вечерней прогулки, а вечером вслух.

9-го июня. Пятница.

Ровно три месяца, что я приехал из Могилева и что мы сидим, как заключенные. Тяжело быть без известий от дорогой мама, а в остальном мне безразлично. Сегодня день еще жарче — 25° в тени, на солнце 36°. Опять сильно пахло гарью. После [1]) прогулки занимался с Алексеем историей в моем новом кабинете, т. к. в нем прохладнее. Хорошо поработали на том же месте. Аликс не выходила. До обеда погуляли впятером.

10-го июня. Суббота.

Ночью и днем до 3 час. жара и духота продолжалась. Утром сделал большую прогулку. Завтракали, как вчера, в детской столовой. Днем работали на том же месте. В стороне прошла гроза, было несколько капель дождя. К счастью, сделалось прохладнее. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером около 11 ч. раздался выстрел в саду, через $^1/_4$ часа кар[аульный] нач[альник] попросил войти и объяснил, что часовой выстрелил, т. к. ему показалось, что из окна дет[ской] спальни производят сигнализацию красною лампою. Осмотрев расположение электр[ического] света и увидя движения Анастасией своей головой, сидя у окна, один из вошедших с ним унт.-оф[ицеров] догадался, в чем дело, и они, извинившись, удалились.

11-го июня. Воскресенье.

Вчера Тетерятников сменился, вместо него прибыл Чемодуров. Утром погулял с детьми. В 11 ч. пошли к обедне. День стоял прохладный сравнительно — 17° в тени. Пилить и рубить было совсем легко. Обработали еще две сухие ели. Покатался в байдарке, пока Алексей купался в пруду. До обеда сделали обычную прогулку.

12-го июня. Понедельник.

После приятной прохладной ночи день наступил жаркий. Утром хорошо погулял с Валей. Занимался географией с Алексеем. Днем копали большую грядку на нашем огороде, после чего отдыхал в байдарке. Во время обеда прошла гроза с освежительным ливнем.

13-го июня. Вторник.

Простоял чудный день с проходящими тучами. Утром хорошо погулял. У Аликс уже несколько дней болит шея, и поэтому она не выходит в сад. Сегодня спилили четыре сухих дерева и разделали их под дрова. После чая читал в новом кабинете. До обеда Мария получила подарки.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «урока».

14-го июня. Среда.

Дорогой Марии сегодня 18 лет! Утром погулял со всеми детьми по всему парку. Погода была прекрасная. В 12 час. пошли к молебну. Днем Аликс вышла с нами. Работали в парке недалеко; спилили три больших дерева. После чая кончил чтение труда Куропаткина «Задачи русской армии», очень меня заинтересовавший [sic!]. Начал франц[узскую] книгу «La maison des hommes vivants».

15-го июня. Четверг.

Жаркий ясный день. Сделал утреннюю большую прогулку. Занимался с Алексеем географией. Аликс осталась дома. Пилили и рубили на том же месте, свалили крупную ель у маленькой дорожки. Принял освежительную ванну до чая. Погуляли перед обедом. Вечером начал читать вслух 5-ю часть «Comte Monte-Christo».

Бенкендорф, Валя Д. и обе фрейлины получили уведомление об увольнении их от службы.

16-го июня. Пятница.

Утро было серое и душное, днем показалось солнце. После прогулки был на уроке истории у Алексея. Теперь караул от зап. бат. 3-го стр. полка входит в общую очередь с другими и продолжает выделяться от прочих. Днем работали немного дальше вчерашнего места, но влево от дороги. Срубили две старые березы.

Окончил «La maison des hommes vivants».

17-го июня. Суббота.

Сделал утром обычную прогулку по всему парку, жара стояла необычайная. Начал читать «Юлиан» Мережковского. Днем разработали еще две грядки перед мраморной вазой в самой середине огорода. Покатался в байдарке. Купался в ванне перед чаем. В $6\frac{1}{2}$ час. всенощная. Вокруг ходили тучи, даже слышен был гром, во время завтрака шел дождь в течение десяти минут.

18-го июня. Воскресенье.

Ночью еще был дождь, ожививший воздух. День настал отличный. Погуляли до обедни. В 2 часа пошли в парк за хорошей землей и затем работали на огороде. Перед обедом помогали садовнику в поливке грядок. К вечеру температ[ура] опустилась до 9°. Дышалось легко.

19-го июня. Понедельник.

Погода была [sic!] и сравнительно прохладная. День прошел как всегда. Перед самым обедом пришла добрая весть о начавшемся наступлении на юго-западном фронте. На Золочовском направлении, после двухдневного арт[иллерийского] огня, наши войска прорвали

неприятельские позиции и взяли в плен около 170 офицеров и 10.000 чел., 6 орудий и пулеметов 24. Благодарение господу! Дай бог в добрый час! Совсем иначе себя чувствовал после этой радостной вести.

20-го июня. Вторник.

За вчерашний день бой протекал успешно: всего за два дня нашими войсками взято 18.600 чел. пленных. Перед завтраком в походной церкви был отслужен благодарственный молебен.

Днем спилили четыре сухих дерева за теннисом и затем недолго поработали на огороде до $4^1/_2$ час. Весь день погода хмурилась, и с 4 ч. пошел благодетельный дождь. Читал все время до обеда.

21-го июня. Среда.

Дождь окончился как раз перед утренней прогулкой, а к 3 часам погода окончательно поправилась.

До завтрака занимался с Алекс[еем] историей. Во время работы в парке Аликс присутствовала в своем кресле. Окончил чтение «Юлиана», понравившееся [sic!] мне.

До обеда погуляли. Вечером начал вслух 6-ю книгу «Comte de Monte-Christo».

22-го июня. Четверг.

Чудный день с освежительным ветром. От 10 до 11 час. занимался с Алексеем географией. Гулял. Начал вторую часть трилогии Мереж[овского] «Христос и Антихрист» — «Леонардо да-Винчи». Днем все были на работе в парке против арсенала. Срубили и распилили громадную ель. Вечером, т.-е. до 8 час., поливали огород.

23-го июня. Пятница.

Хороший прохладный день. Сделал большую прогулку. У Алексея был урок истории. Днем работали на том же месте. Срубили еще две ели. Прошел небольшой дождь. После чая читал до самого обеда.

24-го июня. Суббота.

Дождливый день и холодный. Утром не выходил. В 3 часа пошел гулять с детьми вокруг парка в сопровождении стрелков 3-го полка. Несколько из них косило с нашими людьми около дворца. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной.

Вечером читал вслух.

25-го июня. Воскресенье.

Утром вышел с Алексеем. Погода была прохладная. Были у обедни. Пошли гулять в 2 часа. Несколько кратких дождей не промочили нас. Срубили и распилили одну ель. Смотрели, как наши люди косили траву. Посидели на огороде и вернулись домой в свое время. Читал много до обеда.

26-го июня. Понедельник.

День стоял великолепный. Наш хороший комендант полк. Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решетки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение «Le Comte de Monte-Christo».

27-го июня. Вторник.

Забыл записать, что 26-го июня наши войска произвели новый прорыв и захватили: 131 офицера, 7.000 нижн. чин. и 48 орудий, из них 12 тяжелых. Утром вышли все дочери, чтобы собирать скошенную траву. Сделал свою обычную прогулку.

Днем работали на вчерашнем месте. Срубили и распилили две ели. До обеда провели полчаса на огороде. Вечером начал вслух «Arsene Lupin contre Sherlock Holmes» [1]).

28-го июня. Среда.

Вчера был взят нами Галич и 3.000 пленных и около 30 орудий. Слава богу!

Погода стояла серая и теплая, с ветром. После прогулки имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

29-го июня. Четверг.

Простоял чудный день. В 11 час. пошли к обедне; Алексей простоял ее в алтаре. Гуляли с 2 ч. до $4^1/_2$ ч. Работали там же, окончили вчерашнюю ель и спилили другую. Покатался с Татьяной в байдарке. До чая покупался в ванне. Перед обедом были на огороде.

30-го июня. Пятница.

Отличный жаркий день с сильным дымом от горящего торфа. Во время прогулки зашел с Валей в Китайский театр и осмотрел его внутри. У Алексея был урок истории. Работали на том же месте. Срубили три дерева. К ночи переставили все часы на один час вперед!

1-го июля. Суббота.

День простоял превосходный. Обошел весь парк, пока дети собирали сено и возились с копнами. Работа днем происходила около прежнего места. Находим рядом все новые сухие деревья или поваленные бурею весною 1914 года, скрытые кустами и высокою травою. В $6^1/_2$ ч. пошли ко всенощной. Поздно вечером пошел дождь.

---

[1]) «Арсен Люпен против Шерлока Холмса» Леблана.

2-го июля. Воскресенье.

Очень теплый серый день. Встал поздно и почитал до обедни. В 2 часа вышли в сад; сперва обошел парк с Татьяной и Анаст[асией] и затем распилили самое первое наше дерево в садике около беседки. Подчистили некоторые кусты от сухостоя и гнили. В это время другие оканчивали косить лужайки в том же саду. До обеда читал и окончил «Леонардо». После еды Алексей показывал свой кинематограф очень удачно. Вечером начал вслух «L'homme a l'oreille cassée».

3-го июля. Понедельник.

Душный тепличный день с облаками; но дождь прошел только во время обеда. Утром гулял, а днем свалили крупную сосну там же около решетки. — Все четыре дочери сбрили себе волосы, так как после кори они сильно лезли.

4-го июля. Вторник.

Начал вчера третью часть трилогии Мережковского «Петр». Утром гуляли под теплым проливным дождем. Днем работали там же и окончили разделку сосны. Вечером опять начался дождь.

5-го июля. Среда.

Все утро шел дождь, а к 2 часам погода поправилась; к вечеру стало прохладнее. День провели, как всегда. В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбою. Из Кронштадта вчера прибыло туда много солдат и матросов, чтобы итти против Временного Прав[ительст]ва! Неразбериха полная. А где те люди, которые могли бы взять это движение в руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в самом Петрограде, а не во всей России.

6-го июля. Четверг.

К счастью, подавляющее количество войск в Петрограде осталось верно своему долгу, и порядок снова восстановлен на улицах.

Погода была чудная. Сделал хорошую прогулку с Татьяной и Валей. Днем успешно поработали в лесу — срубили и распилили четыре ели. Вечером начал: «Tartarin de Tarascon» [1]).

7-го июля. Пятница.

Гулял утром с Марией, Валей и целым конвоем от караула 3-го стрелк. полка. Накрапывал дождь. К 2 час. погода поправилась, но было душно. Работали там же, только вдоль маленькой дорожки. Вечером клеил фотографии из жизни «под арестом» в свой альбом.

---

[1]) «Тартарен из Тараскона» А. Доде.

8-го июля. Суббота.

Хороший жаркий день. Обошел парк с Татьяной и Марией. Днем работали в тех же местах. И вчера и сегодня караулы были исправны в несении службы и отсутствием шатания по саду во время нашей прогулки — от 4-го стр. и 1-го стр. полков. В составе правит[ельст]ва совершились перемены; кн. Львов ушел и председателем Сов[ета] Мин[истров] будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским мин[истром] и взяв в управление еще мин[истерство] торг[овли] и пром[ышленности].

Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше.

9-го июля. Воскресенье.

Солнечный день с прохладным ветром. Погулял до обедни. Вышли в 2 часа. Работали в двух местах, под конец на вчерашнем месте срубили три ели; сложили дрова на просеке. Вечером Алексей показывал свой кинематограф. Окончил вслух: «Tartarin de Tarascon».

10-го июля. Понедельник.

Погода была полуясная, приятная, без жары. Сделал утреннюю прогулку по всему парку. Днем срубили четыре сухие ели там же и разделали все на дрова. Вернулись домой ровно в 5 час. Читал много. Перед обедом Ольга получила подарки. Вечером начал вслух: «Tartarin sur les Alpes» [1]).

11-го июля. Вторник.

Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Ц. Села к неспокойной столице.

По случаю именин Ольги пошли к молебну. После завтрака хорошо поработали там же; срубили две ели — подходим к седьмому десятку распиленных деревьев. Кончил читать 3-ю часть трилогии Мережковского «Петр»; хорошо написано, но производит тяжелое впечатление.

12-го июля. Среда.

День был ветреный и холодный — 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днем работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. Четверг.

За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались итти

[1]) «Тартарен в Альпах» А. Додэ.

вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-запад[ный] фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня наконец объявлено Врем[енным] Правит[ельство]м, что на театре воен[ных] действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государ[ственной] измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, теплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги.

14-го июля. Пятница.

Немного теплее, но без солнца. Утром по обыкновению хорошо погулял с дочерьми. После завтрака работали рядом вдоль просеки к арсеналу. Срубили три ели и распилили еще одну, лежавшую в траве. Разбирал свои книги и читал. Вечером окончил вслух: «Tartarin sur les Alpes».

15-го июля. Суббота.

Более теплый день. Утром обошел весь парк с О[льгой], Т[атьяной], М[арией], А[настасией], пока Алексей играл около огорода. С нами гулял только офицер 3-го стр. п[олка]. Сегодня срубили семь деревьев около маленькой дорожки. Работали дружно. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером наклеил фотографии в свой альбом. Начал вслух: «The luck of the Vails».

16-го июля. Воскресенье.

Утро было серое, но погода теплая. По окончании обедни, по своему обыкновению, о. Беляев сказал замечательно правдивое слово о переживаемом времени. Днем работали там же. Разделали вчерашние четыре и свалили еще четыре ели в одну кучу. До обеда погулял с Т[атьяной] и М[арией]. Вечер стоял прелестный.

17-го июля. Понедельник.

Настала чудная жаркая погода. Хорошо погулял с Татьяной. Караул от 1-го стр. п[олка] был в порядке, также караул от 2-го стр., сменивший его сегодня. Распилили вчерашние четыре ели на самой дорожке. Работать было жарко. Выкупался в ванне до чая. Просматривал старые альбомы наверху в новом кабинете.

18-го июля. Вторник.

Простояла дивная погода с темно-голубым небом. Запах лип в цвету, ласкающий обоняние. Утром хорошо погулял. Днем поработали справа от дорожки близ вчерашнего места. Повалили четыре

сухие ели, но разделали на дрова только две, т. к. они очень крупные, да и солнце жарило здорово. До чая выкупался.

19-го июля. Среда.

Три года тому назад Германия объявила нам войну; кажется, целая жизнь пережита за эти три года! Господи, помоги и спаси Россию! [1]).

Было очень жарко. Погулял с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией]. Опять целый конвой от караула 3-го стр. полка. Работали на том же месте. Свалили четыре дерева и окончили поваленные вчера ели. Теперь читаю роман Мережковского: «Александр I».

20-го июля. Четверг.

Ночью шел живительный дождь. Утро было туманное. Во время прогулки зашел с дочерьми и Валей в арсенал, где осмотрели нижний этаж, т. к. верхний оказался заперт. После завтрака прошел короткий дождь. Работали там же; распилили две вчерашние толстые ели.

Все мы истекали потом.

Дочери получили в первый раз письмо от Ольги из Крыма.

21-го июля. Пятница.

Идеальный день простоял с утра; а также чудная лунная ночь. Утром почему-то поджидал Керенского, хочется, наконец [знать], куда и когда мы отправимся? Совершили обычную прогулку от 11 ч. до 12 ч. Опять работали там же и окончили четыре лежавшие дерева. После чая окончил 1-й том «Александра I».

Перед обедом Мария получила подарки.

22-го июля. Суббота.

Именины дорогой мама и нашей Марии. Погода была восхитительная и жаркая. Днем работали; срубили три небольших дерева и перепилили их и еще два старых — лежавших давно. Потели жестоко. В 6 час. пошли к молебну и всенощной. Читал вслух по обыкновению.— Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в лицее. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает решения, к кот[орому] должно притти совещание разных партий, заседающее в Зимнем дв[орце].

23-го июля. Воскресенье.

Ночью прошел дождь, и день был значительно свежее. Днем поработали на маленькой дорожке, срубили и распилили две ели. Аликс сидела там же в лесу.

После обеда посетили чету Бенкендорф. Вечером окончил: «The luck of the Vails».

---

[1]) После восклицательного знака поставлен крест.

24-го июля. Понедельник.

День простоял прохладный и серый. Утром обычная прогулка. Во время завтрака был дождь. Вышли в $2^1/_2$ без него. Спилили четыре ели рядом со вчерашним местом. Кроме прежних помогали тоже Тетерятников и Волков. После обеда начал вслух «The poison belt» Conan Doyle [1]).

25-го июля. Вторник.

Новое Временное Прав[ительст]во образовано с Керенским во главе. Увидим, пойдет ли у него дело лучше? Первейшая задача заключается в укреплении дисциплины в армии и поднятии ее духа, а также в приведении внутреннего положения России в какой-нибудь порядок!

Погода была очень теплая.

Работали там же; срубили четыре ели и распилили столько же.

Окончил чтение «Александра I» Мережков[ского]. Последние караулы были хороши, благодаря присылке с фронта по 300 человек от каждого стрелкового полка и ухода из запасных батальонов многих маршевых рот.

26-го июля. Среда.

Опять настала поразительно жаркая погода. Вследствие духоты Аликс не выходила, в комнатах значительно свежее. Распилили и раскололи все поваленные и срубленные ели там же. Потели ужасно.

27-го июля. Четверг.

Такая же дивная погода, но не душная. Хорошо погуляли утром. Днем работали у маленькой дорожки и распилили три дерева. Читаю книгу «Морская идея в русской земле» ст. лейт. Квашнина-Самарина.

28-го июля. Пятница.

Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, — даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! — Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошел короткий теплый дождь.

Вечером читаю вслух «A study in scarlet» Conan Doyle [2]).

29-го июля. Суббота.

Такая же дивная погода. Во время утренней прогулки, проходя мимо ворот прямой дороги к оранжереям, заметили спящего на траве часового. Унтер-оф[ицер], сопровождавший нас, подошел и взял с собой его винтовку.

---

[1]) «Отравленный пояс» Конан-Дойля.

[2]) В русском издании: Конан-Дойль, «Кровавое пятно».

Днем срубили 9 деревьев и распилили одну ель — все у самой дороги. Парило, кругом ходили тучи, и был слышен гром, но к вечеру небо очистилось. После всенощной Алексей получил подарки.

Убирал и укладывал все свои вещи, так что комнаты имеют опустелый вид.

30-го июля. Воскресенье.

Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена!

Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской божьей матери. Как-то особенно тепло было молиться ее святому лику вместе со всеми нашими людьми. Ее принесли и унесли через сад стрелки 3-го полка.

Поработал на той же просеке; срубили одну ель и начали распиливать еще две. Жара была большая. Все уложено теперь, только на стенах остались картины. До обеда видел Бенкендорфа, а вечером коменданта.

31-го июля. Понедельник.

Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, кот[орый] все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около $10^1/_2$ милый Миша вошел в сопровождении Кер[енского] и караульн[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в $5^1/_4$ появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александ[ровской] станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер[ийская] часть скакала за нами от самого парка. У подъезда встретили И. Татищев и двое комиссаров от прав[ительст]ва для сопровождения нас до Тобольска. Красив был восход солнца, при кот[ором] мы тронулись в путь на Петроград и по соедин[ительной] ветке вышли на Северн[ую] ж.-д. линию. Покинули Ц[арское] С[ело] в 6.10 утра.

(Продолжение следует).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Алексей — Алексей Николаевич, сын Николая Романова, б. наследник престола.

Аликс — Александра Федоровна, б. императрица.

Анастасия — Анастасия Николаевна, четвертая дочь Николая Романова.

Бенкендорф, Павел Конст., гр., ген.-адъют., ген.-от-кав., б. обер-гофмаршал.

Валя, Валя Д. — Долгоруков, Василий Александр., кн., б. гофмаршал высоч. двора.

Волков, Алексей, камердинер Александры Романовой.

Корнеев, Николай, придворный лакей.

Мария — Мария Николаевна, третья дочь Николая Романова.

Мартышкин, Иван, гардеробщик Николая Романова.

Миша — Михаил Александрович, брат Николая Романова.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, б. гофмейстерина высоч. двора и статс-дама.

Ольга — Ольга Александровна, сестра Николая Романова, была замужем за принцем П. А. Ольденбургским; в 1916 г. развелась с ним и вышла замуж за полк. В. А. Куликовского.

Ольга — Ольга Николаевна, старшая дочь Николая Романова.

Татищев, Илья Леон., гр., ген.-адъют., ген.-лейт.

Татьяна — вторая дочь Николая Романова.

Тетерятников, Никита Кузьмич, камердинер Николая Романова.

Чемодуров, Терентий Ив., камердинер Николая Романова.

Союз земельных собственников в 1917 году.

Печатаемые ниже журналы заседаний пленума главного совета Всероссийского Союза земельных собственников любопытны в двух отношениях: с одной стороны, в них дается «помещичье» освещение аграрной революции 1917 г., а с другой — в них находит отражение та степень организованности помещиков, какой они достигли к концу июля 1917 г.

История возникновения самого Союза земельных собственников в двух словах такова: Союз возник впервые в 1906—1907 годах, когда помещики, напуганные развитием аграрного движения, создали эту организацию в целях непосредственной защиты интересов крупного землевладения.

Основным пунктом устава возникшего Союза было провозглашение незыблемости принципа частной собственности на землю. Однако дворяне — инициаторы [1]) создания Союза — очень скоро охладели к этой организации, ибо вскоре перестали видеть в ней надобность: революция кончилась поражением, мужик был усмирен, а попечительное правительство очень рьяно занялось насаждением в деревне крепкого хозяина-мужика, на которого помещики всегда смотрели как на своего ближайшего союзника в борьбе с аграрной революцией. В частности, как в 1906—1907 гг., так и в 1917 г., они рассчитывали на то, что в борьбе за сохранение частной собственности на землю крепкие хозяева-крестьяне будут их вернейшей опорой и внесут настолько большой раскол в общую массу крестьянства, что радикальное разрешение земельной реформы в духе программ социалистических партий окажется немыслимым. Помещики полагали, что принцип частной собственности на землю будет сохранен и что земельным собственникам — как крестьянам, так и помещикам — будут сделаны уступки в виде оставления за ними некоторого минимума земли из состава их прежних владений и т. п.

Охладев к своему детищу в годы торжества реакции, помещики, однако, немедленно вспоминают о нем, едва начинается революция 1917 г. Так, имеются данные о том, что к началу июня месяца в большей или меньшей степени были организованы помещики 14 губерний (Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Московской, Минской, Рязанской, Саратовской, Самарской, Тульской, Харьковской, Казанской, Ставропольской, Пензенской и Симбирской). К концу июля (судя по докладам на пленуме от 29 июля) организации Союза земельных собственников существовали уже не менее, чем в 30 губерниях. Кроме перечисленных выше 14 губерний, они существовали в Виленской, Владимирской, Калужской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Пермской, Псковской, Петроградской, Курской, Смоленской, Уфимской, Херсонской, Бессарабской, Ярославской, Таврической и Черниговской губерниях.

[1]) Союз возник при самом живейшем участии деятелей организации объединенного дворянства, в частности — устав был выработан центральным органом этой организации.

Организация была возглавлена главным советом Союза, выделенным 1-м всероссийским съездом земельных собственников, состоявшимся в Москве в самых первых числах июля 1917 г.

Официальная земельная программа Союза, зафиксированная в решениях этого съезда, признавая факт малоземелья «некоторой части нашего земледельческого населения», требовала, однако, того, чтобы на удовлетворение нужд этого населения в первую очередь были обращены земли казенные и удельные и затем — лишь только «в случае их недостаточности» — земли частновладельческие и притом, конечно, «по добросовестной, соответствующей действительной стоимости оценке».

Помещаемые ниже документы дают довольно полную картину деятельности как местных, так и центрального органа Союза. Все они одинаково ревностно занимались и устной и печатной пропагандой идей и принципов, защищаемых Союзом.

Стремясь максимально использовать все законные пути к защите своей собственности в пределах постановлений и распоряжений Временного Правительства, они организовывали юридические консультации и бюро и привлекали юристов для составления всевозможных жалоб и ходатайств перед местными и центральными органами власти. Кое-где им удавалось добиться успеха и засадить ряд земельных комитетов на скамью подсудимых. Эти факты находят некоторое отражение и в печатаемых ниже протоколах пленума.

Как мы отмечали выше и как видно из настоящих документов, особенно много стараний прилагали помещики к тому, чтобы привлечь в организации Союза мелких собственников из крестьян, хуторян и т. п.

В связи с этим чрезвычайно критически следует отнестись к тем оптимистическим выкладкам и подсчетам, какие делались помещиками по поводу вовлечения в члены Союза собственников-крестьян. Едва ли помещики в своем оптимизме не преувеличивали их числа и не считали членом Союза каждого крестьянина, случайно зашедшего в их организацию за юридическим советом. Этот оптимизм понятен: ведь эти крестьяне только и могли быть единственной опорой помещиков.

С другой стороны, эти цифровые данные все-таки наводят на некоторые размышления. Даже согласившись с тем, что они страдают преувеличением, мы не можем не видеть, что они являются отражением действительных процессов, происходивших в то время в деревне. Деревня, объявившая поход против помещика, несомненно, раздиралась уже внутренними противоречиями, была уже накануне гражданской войны.

Наиболее обеспеченная часть крестьянства испытывала жесточайшие колебания и питала нескрываемую боязнь в отношении революции. Неудивительно, что эта часть крестьянства начинала высказывать некоторые симпатии программным положениям Союза землевладельцев и откалывалась от остальной крестьянской массы. Неудивительным является также и то, что в последующем она, в силу своих колебаний, оказывалась иногда на стороне тех, кто шел против революции и кто выступал под знаменем реакции.

Особенно любопытным является в документах освещение развития аграрной революции с точки зрения помещика. Мы уже не говорим о таких заявлениях, как заявление о том, что «крестьянское население терроризировано большевизмом», что состав комитетов «плохой», потому что домовитые крестьяне не являются на сходки, а являются на них только «отбросы крестьянства», «отщепенцы», «хулиганы» и т. п. Было бы нелепо ожидать, чтобы кровно обижаемые революцией помещики могли беспристрастно

и объективно относиться к тем, кто являлся на деревне выразителем и проводником воли революционной стихии.

Для нас несомненно любопытно и характерно в этих документах другое. В них находит выявление целый ряд таких деталей, которые еще более уточняют наше представление о развитии аграрного движения в 1917 г. При прочтении их получается более отчетливое «впечатление» о каждой губернии в отдельности. В одних случаях мы видим заявления о том, что толчок развитию аграрного движения давали постановления самих земельных комитетов и крестьянских съездов (Виленская, Орловская, Таврическая губ. и др.), в других случаях, что толчок движению давался солдатами (Калужская, Могилевская, Смоленская губ. и др.). Одни делегаты говорили, что движение только что начинает развиваться, другие заявляли, что сейчас эксцессов нет только потому, что, в сущности, «уже почти все захвачено» (Пензенская губ.). Ценны документы также и тем, что в них мы находим отражение того, насколько искренно присоединялись помещики к принципу принудительного отчуждения частновладельческой земли. Не говоря уже о всяческих происках помещиков с целью парализовать действие закона Временного Правительства от 12 июля (о запрещении частных земельных сделок), документы дают представление о том, какую позицию мыслили занять землевладельцы при проведении выборной кампании в Учредительное Собрание и в самом Учредительном Собрании.

Мы видим, что, декларируя свое присоединение (хотя бы с оговоркой) к принципу принудительного отчуждения земли, они, однако, ставили своей задачей доказать Учредительному Собранию и убедить его в том, насколько невыгодным с точки зрения государственных интересов может явиться признание принципа ликвидации частного крупного землевладения и как вообще необычайно важно сохранение принципа частной собственности на землю. Едва ли, конечно, сами помещики искренно верили в то, что им удастся добиться своих целей подобным, чисто парламентским, способом действий. Несомненно, — о чем особенно красноречиво говорит факт корниловского выступления, — они мечтали положить предел революционным притязаниям крестьянства путем решительного разгрома Советов и большевизма еще задолго до созыва Учредительного Собрания, которое в таком случае едва ли было бы созвано вообще, а тем более на таких демократических основаниях, на каких должны были состояться — и в действительности состоялись — выборы в Учредительное Собрание в 1917 г. Крупнопомещичий класс, ослепленный своей беспредельной ненавистью к революции, конечно, не мог видеть того, насколько утопичны и безнадежны были бы его попытки, предпринимаемые в том и в другом направлении. Но такова уж судьба всякого класса, обреченного на гибель!

О. Чаадаева.

1.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 29 ИЮЛЯ 1917 ГОДА. [1])

В заседание прибыли: председатель совета Н. Н. Львов, 17 членов совета, 39 представителей от губернских отделов и 18 представителей от уездных отделов.

Заседание объявлено было открытым в 6 часов 10 минут вечера.

[1]) Моск. Центр. Архив Окт. Рев., фонд 3, дело № 15, л. л. 52-64.

Председатель Н. Н. Львов сделал краткий доклад о деятельности совета в области подачи им Временному Правительству заявлений, касающихся запрещения земельных сделок, а затем ознакомил собрание с финансовым положением центрального управления Союза.

Заведующий литературным отделом М. К. Ушков сообщил о приобретенной литературе и отметил крайние затруднения с печатью; в типографиях имеется много рукописных брошюр, но они находятся в корректуре. Несмотря на трудности, тем не менее, оказана услуга Рязанскому отделу в печатании первого номера его «Вестника». В отношении обеспечения писчей бумагой сделан запас ее в количестве также двух с половиной вагонов.

Член совета Н. А. Баумгартен переименовал все организованные уже на местах губернские и уездные отделы, а член совета Г. В. Дмитренко сообщил о способах организации отделов, а также о пропаганде и о командировках на места.

Председатель Н. Н. Львов, придавая серьезное значение точной регистрации отделов, обратился к присутствующим в заседании представителям их с просьбой, чтобы каждый делегат до окончания заседания подал записку с точными сведениями о наименовании отдела, составе его и адресе.

Засим приступлено было к заслушанию сообщений с мест.

Представитель Минской губернии граф Чапский сообщил, что наибольшие беспорядки наблюдались при укосах лугов, захватываемых крестьянами. Народившиеся в губернии разные комитеты устраивают союзы батраков, последние, в свою очередь, ставят землевладельцам такие требования, на которые трудно согласиться. При уборке хлеба ощущался экономический кризис в найме рабочих. В настоящее время исходатайствовано от командующего войсками обязательное постановление, карающее уголовной ответственностью лиц, препятствующих уборке урожая и сенокосов, но, к сожалению, в исполнении этого постановления замечается не только медленность, но иногда даже противодействие со стороны местных административных властей. Губернский отдел организовался 16 июля, предполагается открытие отделов и во всех уездах. В правлении 12 человек, из коих 2 от мелких собственников. Губернский отдел желает блокироваться с Союзом, но несколько на автономных началах, по случаю расположения губернии при фронте. В настоящее время членов более 300 человек, и они прибывают. Членский взнос равняется годовому окладу государственного поземельного сбора. В центральное управление Союза предполагают отчислять 10% из общих членских взносов в губернии.

Представитель Виленской губернии И. А. Боровский сообщил, что сорганизовались 3 уезда, которые соединились и выбрали центральное управление, — местонахождение его в городе Минске. Среди членов доминируют мелкие собственники, в особенности в Дисненском уезде. По распоряжению комиссара Балай, во-

лостные комитеты объявили себя и земельными, после чего издали обязательные постановления о переходе в распоряжение комитетов луговых и пахотных угодий. Луга отдавались с торгов крестьянам по очень низким ценам, а деньги поступали в комитет. До издания названных постановлений захватов земли не было, с изданием же их начались аграрные беспорядки. На означенные действия комиссара Балай принесена жалоба прокурору.

Представитель Витебской губернии А. Н. Кутузов, приветствуя всероссийский Союз земельных собственников, сообщил, что первое собрание в Витебске было 28 июня и оно было немноголюдное, благодаря проникновению в собрание большевика Розенфельда, стремившегося сорвать заседание. Розенфельд, состоя во главе большевиков и известный более под фамилией Каменева, впоследствии был в Петрограде арестован. Неблагоприятно также отразилось на собрании неисправное, а, может быть, и умышленное недоставление почтой пригласительных на заседание писем, так как очень много лиц получили эти письма лишь на третий день после заседания. Смета отдела выработана в 16.000 рублей, и губернию предположено разделить на четыре отдела, в которые послать агитаторов, снабженных литературой. На приобретение ее ассигновано 5.000 рублей, предполагается также издание еженедельной газеты-листовки. Крестьянское население терроризовано большевизмом и находится в страхе, но все-таки нравственные начала у него не заглохли, на что указывает следующий случай: к нему, делегату, приходил знакомый крестьянин с покаянной и буквально сказал следующее: «Прости меня, Александр Николаевич, ведь я — подлец против тебя, подписал приговор о твоем выселении, а ведь ты — мой друг, — испугался угроз, говорили — если выселим тебя, то и землю твою поделим». Состав комитетов очень плохой, так как на сходы домовитые крестьяне не ходят, а являются на них лишь отбросы крестьянства и люди с уголовным прошлым. Пропаганда здоровых идей нашла бы большой отклик в губернии и способствовала бы увеличению числа членов среди крестьян, не примкнувших к Союзу, главным образом, из страха. Ощущается острая нужда в агитаторах и крайняя необходимость безотлагательно иметь хотя бы одного опытного агитатора, в чем отдел и просит помощи у совета.

Землевладелец Владимирской губернии граф Апраксин заявил, что о существовании губернского отдела земельным собственникам неизвестно, в отношении же аграрных беспорядков наблюдаются те же явления, что и в других губерниях; назначаемые комитетом арендные цены очень низки.

Землевладелец Воронежской губернии В. И. Стемковский сообщил, что уборка сенокоса происходила печально, луга были захвачены, и не пускали к уборке их не только собственников, но и арендаторов, даже для воинских частей. Землевладельцы принуждены были ликвидировать скот, ибо для прокорма его оставляли очень мало лугов. Культурные хозяйства очень постра-

дали. Значительная часть пара в начале июля не была еще вспахана. Наблюдается винокурение в уездах. Задонский земельный комитет в постановлении от 29 июня предоставил себе право реквизиции скота, мертвого инвентаря, сельскохозяйственных орудий, экипажей и пр., а равно и уполномочил себя на распоряжение частновладельческими землями, таким образом предвосхитив все мероприятия, преподанные министром Черновым в инструкции его от 16 июля земельным комитетам. Дело организации отделов идет слабо из-за боязни населения. В этом отношении губерния крайне нуждается в помощи центрального управления.

Землевладелец Бобровского уезда граф Апраксин дополнил доклад В. И. Стемковского сообщением, что в уезде хлеб не убирался землевладельцами, так как им было это воспрещено волостными комитетами. Неподчинение требованиям комитета зачастую влекло за собой немедленную в тот же день продажу имущества владельца. Наблюдалось насильственное собирание крестьянами денег за прежние аренды, именно — разницу между прежней и установленной ныне волостным комитетом ценами. Были случаи появления крестьянских масс с требованием от владельца наличных денег; в скором времени, вероятно, последуют и грабежи. Может быть, эксцессы были бы смягчены организацией на месте юридической помощи.

Представитель Калужской губернии С. К. Благовещенский сообщил, что для оборудования отдела имеется комитет из 7 лиц, и на 13 августа назначено учредительное собрание, на котором крайне желательно присутствие делегатов от центрального управления. Первыми нарушителями порядка явились солдаты, истолковавшие понятие «земля и воля» так, что земля моя, а воля — что хочу, то и делаю. Земли и луга отбирались по постановлениям комитетов. Посевная площадь сократилась на-половину. Урожай очень плох, едва ли соберут семена.

Представитель Казанской губернии П. И. Геркен сообщил, что отдел издает еженедельную газету. Юридическая помощь сосредоточена в губернском отделе, жалобы на правонарушения подаются комиссарам и прокурору, но дела двигаются очень медленно, из опасения самих судейских разных эксцессов, так как было два случая, когда судебных следователей толпа вызвала на площадь и обратила их в писцов для записей лишь показаний, диктуемых той же толпой, объяснявшей, что суд должен быть народным. Спасский и Свияжский уезды особенно страдают правонарушениями: земли отбирают, а скот продают с торгов по ценам 30—35 рублей за лошадь, стоящую иногда более тысячи рублей. В Свияжском уезде захваты обратились в систему по случаю того, что бывший комиссар Майоров, пользовавшийся большим авторитетом у населения, собрал земельный комитет и сделал постановление о том, что все частновладельческие хозяйства должны перейти в распоряжение волостных комитетов, и это было немедленно приведено в исполнение путем угроз и насилий.

Комитеты же, в свою очередь, посылали в имения своих управляющих. Милиция не только не приходила на помощь пострадавшим, но, наоборот, требовала от них строгого исполнения распоряжений комитетов.

Представитель Могилевской губернии С. И. Казанович сообщил, что эксцессы появились с окончания яровых посевов, когда стали разъезжать по селениям солдаты и другие лица с пропагандой о переходе земли к крестьянам. Все постановления местных комитетов пользовались поддержкой в Петрограде. В Могилеве уже открыт губернский отдел, а в уездах происходят подготовительные к этому работы. Пропаганда начинается с мелких собственников (хуторян), и после этого созывается организованное собрание. Землепользование у крестьян подворное, и более 40% из них перешли уже к хуторянскому владению, вследствие чего пропаганда Союза имеет успех, и можно надеяться, что в Могилевской губернии дело будет расширяться.

Второй представитель из той же Могилевской губернии Р. К. Словинский заявил, что Оршанский и Могилевский уезды уже сорганизовались, состав их — хуторяне, преимущественно латыши. В Могилеве агитирует председатель Совета Крестьянских Депутатов Гольман, пытавшийся сорвать заседание земельных собственников 23 июля, в Рогачеве же собрание было сорвано, и милиция вынуждена была арестовать председателя Спиридонова, из опасения эксцессов со стороны толпы.

Представитель Московской губернии В. Н. Пономарев сообщил, что в губернии организованы уже 11 отделов, а 26 июля открыт и губернский отдел. Намечается открытие отделов и в волостях. В Московском уездном отделе организована юридическая помощь, приглашены три присяжных поверенных, и помощь оказывается ежедневно.

Представитель Новгородской губернии В. В. Милютин сообщил, что 10 уездов сорганизовались уже. В губернии много отрубников, и поэтому можно рассчитывать на успех дела. Отрубники также подвергались обидам за отказ перейти в общину, но на обиды отрубники отвечали поджогами. Аграрные беспорядки наблюдались в южных уездах, в северных же хотя крупных эксцессов не было, но попытки к дележу земли имели место. Были случаи запрета уборки тимофеевки и заготовки дров на зиму. Сена в значительной мере армия не дополучит. В уездных городах организовались союзы домовладельцев, преследующих те же цели, и с ними желательно было бы войти в контакт.

Представитель Орловской губернии С. Н. Хитрово сообщил, что в западной части губернии (нечерноземной) до весеннего посева было тихо, но затем местные комитеты стали назначать цены на луга и паровую землю, оставляя в распоряжении владельца самую незначительную часть их. Обращения в некоторых местах к судебной власти имели благоприятные результаты. В отноше-

нии борьбы с правительством делегат полагал применять современный метод, именно: обращаться к нему не с просьбами, а с требованиями, и при этом настойчиво.

Представитель Пензенской губернии П. В. Голов сообщил, что Союз организовался еще 9 апреля. 20 мая у них был съезд земельных собственников, но большевики сорвали заседание. В губернии имеются в 10 местах порайонные комитеты. Платных членов состоит 850 лиц, отрубники же принимаются в члены бесплатно, и их более 10 тысяч. Эксцессов сейчас мало, потому что почти уже все захвачено. Недовольство в деревне растет, в особенности среди отрубников, у которых земля отобрана; также терпят обиды и зажиточные крестьяне. Отдел собирает статистические сведения о землевладении и захватах, и поступило уже около 200 ответов. Денежных средств у отдела имеется около $3^1/_2$ тысяч, составившихся из пожертвований, сборы же по обложению поступают слабо, но надеется в скором времени путем агитации их улучшить. Отдел вошел в контакт с кадетской и торгово-промышленной партиями и стал издавать газету, но, к сожалению, 8 июня она прекратилась, по случаю забастовки рабочих, снятых с работы социалистическими партиями перед городскими выборами в гласные.

Представитель Пермской губернии Н. Д. Федоров сообщил, что 21 июля организовался губернский отдел; надеется, что в скором времени откроются отделы и в уездах, а также и в некоторых волостях. На 20-е августа назначен съезд делегатов от уездных и волостных отделов. Средства отдела пока незначительны, собрано по подписке около 500 рублей. В день открытия отдела была послана телеграмма председателю Государственной Думы.

Землевладелица Псковской губернии Опочецкого уезда баронесса Т. Г. Розен сообщила, что в Песчано-Горской волости образовался союз крестьян-собственников, в который вошли два землевладельца — она, баронесса, и ее сестра. В союзе 150 членов. Желание у крестьян сорганизоваться большое, но не имеется на местах подходящих для этого людей. В этом отношении крайне необходима помощь центрального управления. В Опочках назначен был съезд земельных собственников, но его сорвали солдаты.

Представитель Торопецкого отдела Псковской губернии Г. Г. Челищев сообщил, что в скором времени предполагается организовать губернский отдел, так как в 5 уездах отделы уже открыты, а в остальных трех ожидается открытие их. Торопецкий отдел открыт 9 июля. Состав его — преимущественно крестьяне. Ощущается нужда в командировании от центрального совета лектора. Также крайне желательно принятие Союзом на себя некоторых функций земства по облегчению населения в приобретении ими орудий, семян и других предметов сельского хозяйства.

Представитель Ново-Ладожского отдела Петроградской губернии А. И. Рябов сообщил, что членами отдела состоят преимущественно хуторяне и отрубники.

Представитель Рязанского губернского отдела Б. М. Петрово-Соловово сообщил, что отдел издает газету. Аграрные беспорядки стали заурядным явлением, благодаря тенденциозной деятельности местных комитетов, поддерживаемых в Петрограде. Постановлением уездных комиссаров от 22 июля деятельность Союза признана вредной, и для борьбы с ней рекомендуется отколоть от Союза мелких собственников путем обеспечения защиты их интересов земельными и волостными комитетами.

Представитель Ставропольской губернии И. В. Пастухов сообщил, что в апреле месяце крупные землевладельцы и торгово-промышленники сорганизовались было, но в июле землевладельцы выделились и образовали Ставропольский союз хлеборобов, к союзу присоединился и уездный отдел, организованный бывшим непременным членом землеустроительной комиссии Кульшичем. Чтобы привлечь в члены побольше отрубников, союз оказывает своим членам помощь и материальную в области приобретения орудий и прочих предметов сельского хозяйства. Юридическая помощь оказывается бесплатно. Выработан устав, и членский взнос определен в 25 копеек с десятины для землевладельцев и 15 копеек с десятины для арендаторов и 10 рублей для членов соревнователей. Собрано пока 35 тысяч, но рассчитывают на увеличение средств. Предположено издавать газету. Юридическая помощь организована, и подается она бесплатно. Крупных эксцессов на аграрной почве не было. В составе земельных комитетов происходят частые перемены, но деятельность их остается та же самая, именно — преследование исключительно партийных целей. Уполномоченным от главного земельного комитета в Ставропольскую губернию назначен зубной врач Маянц. О замене его другим, более соответствующим для этого дела лицом возбуждено перед Временным Правительством ходатайство. Посевная площадь в этом году, вероятно, сократится более чем на половину. От прошлого года, благодаря нераспорядительности продовольственного комитета, остались невывезенными свыше шести миллионов пудов хлеба. В настоящем году можно ожидать вывоза не более 20% урожая.

Представитель Самарской губернии А. А. Булыгин сообщил, что в губернии организованы губернский отдел и два уездных; рассчитывают, что и в остальных уездах отделы откроются. Контингент членов — преимущественно мелкие и средние собственники, крупных же почти нет. Юридическая помощь организована, и она оказывается всем крестьянам бесплатно, что способствует привлечению их в члены Союза. Просветительный отдел хромает за отсутствием на месте инструкторов для пропаганды. По поводу правонарушений говорить нечего, картина потрясающая. В основу землепользования положены постановления 2-го крестьянского съезда, и потому всякий

землевладелец считается вором, укравшим землю, которая и подлежит отобранию. Комиссар Бузулукского уезда издал приказ об исполнении постановлений 2-го крестьянского съезда. Отделом подана Временному Правительству записка об упорядочении земельных отношений путем признания постановлений крестьянского съезда — уничтоженными.

Объявлен перерыв заседания до 10 часов утра 30 июля.

2.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 30 ИЮЛЯ 1917 ГОДА.

Заседание возобновлено в 10 час. 40 минут утра.

Представитель Курской губернии кн. Касаткин-Ростовский сообщил, что в 8 уездах уже организованы отделы, в Щигровском уезде было собрание, но его разогнали, и поэтому названный уезд примкнул пока к Курскому отделу. В Курске имеется Народный Совет, состоит он преимущественно из хулиганов. На одном из заседаний Совета один из ораторов говорил, что надо точить косы, чтобы резать помещиков, на что председатель собрания ответил: «товарищ, ваше предложение еще преждевременно». В отделе ощущается большой недостаток в литературе, которой и просят снабдить. Типография «Свободной Речи» печатает очень быстро, поэтому отдел, получив от главного совета оригиналы, мог бы сам отпечатать их. Отдел также предлагает услуги взять заказ и для других отделов в большом количестве. Затем делегатом было выражено пожелание, чтобы копии с журнальных постановлений совета сообщались уездным отделам, а также чтобы все протесты Временному Правительству исходили сначала от центрального управления, а затем поддерживались бы уже отделом.

Представительница Симбирского отдела Е. К. Перси-Френч сообщила, что пока организован лишь губернский отдел, а после уборки хлеба будут организованы отделы в уездах. Средств губернский отдел имеет около семи тысяч.

Представитель Саратовской губернии Н. Ф. Иконников сообщил, что прокурор сочувственно относится к привлечению комитетов к уголовной ответственности за превышение власти, и 2 комитета уже находятся под судом. В губернии открыты пока три уездных отдела, но в августе месяце предполагается открытие отделов и в остальных уездах.

Представитель Смоленской губернии Хитров сообщил, что отделом составляется листовка о национализации земли и подыскиваются инструктора для пропаганды. Отдел находится в контакте с партией народной свободы и пользуется ее типографией, так как частные типографии умышленно искажают тексты воззваний и даже объявлений. Средств собрано до 50 тысяч. Аграрные эксцессы наблю-

даются во всех уездах, а в Ельнинском в особенности. В нем хозяйничает Совет Солдатских Депутатов, состоящий преимущественно из большевиков, и даже командир их полковник Черниловский-Сокол — большевик. Им разосланы по уезду 170 солдат для управления. Отобрание у помещиков скота без уплаты за него денег — явление не единичное. В настоящее время полковник Черниловский-Сокол назначен комиссаром. В Поречском уезде хозяйничает пришлый элемент, большевики, которые терроризировали хозяйственные силы. Помещик Гедеонов убит, а власти бездействуют. В губернии наблюдается большое неудовольствие, и в члены Союза записываются даже общинники. Ощущается недостаток литературы, и для пополнения ее необходима помощь центрального управления.

Представитель Тульской губернии П. И. Раевский сообщил, что в уездах образовались уже отделы, но членов пока мало. Отделы стремятся проникнуть в местные комитеты и в Губернский Исполнительный Комитет путем предоставления в каждом из них одного места представителю Союза с правом решающего голоса. При губернском отделе организована юридическая помощь, но она недостаточна по количеству материалов. Отдел предполагает предложить комиссару и продовольственному комитету свои услуги по производству реквизиции у землевладельцев хлеба для армии и доставку его на станции. Эта мера значительно способствовала бы привлечению членов в Союз.

Представитель Уфимской губернии В. Н. Юраш сообщил, что аграрное движение привито извне, путем агитации, главным образом, в Мензелинском уезде, где и наблюдались эксцессы. Лозунг «земля и воля» понимался каждым по-своему. Домовитые крестьяне, будучи заняты сельскими работами, не принимали участия на сходках, и за них являлись лишь отщепенцы и даже хулиганы. Оклады в местных комитетах высокие — до 200 р. в месяц, и это привлекло многих лиц в комитет для разрушительной его деятельности. В губернии до 160 тысяч крестьянских дворов, превышающих трудовую норму. Вообще земельного голода в губернии не ощущается. Лиц, не сочувствующих беспорядкам, пугают, говоря, что они сторонники старого режима. Организация отделов, вероятно, в самом скором времени последует во всех уездах. Обложение 10 коп. с десятины, при владении свыше 50 десятин; при меньшем же количестве земли членский взнос установлен один рубль. В губернском отделе организовано юридическое бюро, а в Белебеевском уезде имеется юрисконсульт. Литературу распространяют на русском и татарском языках ввиду значительного количества татар в губернии. Губернский земельный комитет вынес постановление об отобрании от владельцев лесов. Постановление это обжаловано, так как в состав комитета вошли самочинно солдатские депутаты. Вообще с жалобами на незаконные действия местных комитетов обращаются к прокурорской власти, и Белебеевский комитет предан суду.

Представитель Харьковской губернии К. З. Бекарюков сообщил, что в пяти уездах имеются уже отделы, а в остальных уездах будут открыты в середине августа. Крайне желательно включение в состав местных комитетов представителей от Союза с правом решающего голоса.

Представитель Херсонской и Бессарабской губерний князь Волконский сообщил, что губернии соединились, и к ним, вероятно, в скором времени присоединятся еще Таврическая и Екатеринославская губернии. Эксцессов сравнительно не было, но со съезда хлеборобов, на котором было много евреев, настроение изменилось, и стали наблюдаться беспорядки. Союз занимается пропагандой к выборам в волостное земство и тем самым для Учредительного Собрания. О земельных захватах и беспорядках, влияющих на поставку хлеба для армии, послана была телеграмма генералу Брусилову, но реальных результатов от нее не последовало. Крайне желательно изменение твердых цен на продукты.

Представитель Ростовского отдела Ярославской губернии Н. А. Чурин сообщил, что отдел открыт 20 июля, и на 14 августа назначено собрание для организации губернского отдела. В Ростовском уезде более $2^1/_2$ тысяч мелких собственников. Отделом установлено обложение, выработанное на июльском делегатском съезде. Аграрные беспорядки начались с апреля месяца, когда появились солдаты (большевики), которые стали хозяйничать в уезде. Волостные комитеты ввели таксы на лесные материалы, по ценам неимоверно низким, и если владелец не подчинялся им, то брали его имение в управление волостного комитета. Затем появился запрет рубки леса, даже заготовки дров для нужд хозяйства. В уезде очень много огородников, занимающихся сушкой картофеля и овощей для армии, все они остались без топлива. Принесенная им, делегатом, жалоба на незаконные действия комитета разрешилась почто-телеграммой товарища министра Вихляева от 10 июня за № 966 на имя жалобщика следующего содержания: «Обращаюсь к вам с горячим призывом во имя гражданского мира и нового свободного строя приложить все усилия к достижению миролюбивых соглашений с гражданами и волостными комитетами по вопросу о рубке леса в принадлежащем вам имении, в частности по вопросу о таксе на лесной материал и дрова. Отстаивая точку зрения интересов государства, обороны страны, крайне нуждающейся в топливе, обращаюсь с призывом при разрешении недоразумений того или иного характера не ставить во главу угла исключительно личные интересы. Товарищ министра земледелия Вихляев». Ответ этот еще больше расширил волостным комитетам почву для произвола.

Представитель Воронежской губернии В. И. Раевский сообщил о постановлениях Воронежского уездного земельного комитета от 18 июля, в силу коих воспрещено совершение арендных сделок на землю без разрешения волостных земельных комите-

тов, а также не может быть производима никакая рубка леса без ведома тех же комитетов, плата же за сданную в аренду землю на текущий 1917 год должна быть немедленно возвращена владельцами земли в волостные земельные комитеты, при этом разница, превышающая твердую арендную плату, установленную уездным исполнительным комитетом, должна быть возвращена волостными комитетами арендаторам. В заключение комитет полагал, что его постановления всего лишь на несколько дней предупреждают вступление в жизнь «временного аграрного закона», проектированного министром земледелия, в согласии с каковым законом земельный комитет и вынес приведенные постановления. Постановления эти приводились в исполнение по настоянию представителя ведомства Иосифова, служившего ранее в правлении Южных железных дорог. Издание названных постановлений породило всю смуту на местах и вызвало целый ряд эксцессов. Затем характерно также отношение губернского комиссара от 24 июля за № 16187 следующего содержания: «Ко мне поступила жалоба землевладельца И. И. Карасева на произведенные над ним и его женой насилия (арест, обыск, опись личного имущества) со стороны председателя земельного комитета и начальника милиции. Находя, что подобные насилия не должны омрачать революционного движения и представляют действия в духе старого полицейского строя, я, в случае справедливой жалобы, прошу упомянутых лиц уладить дело с Карасевым по мирному соглашению и впредь от каких бы то ни было насильственных действий воздержаться, в противном случае дело по жалобе потерпевшего будет передано судебным властям. Губернский комиссар Келлер». В губернии уже открыты пять уездных отделов, и, вероятно, организуются отделы и в остальных семи уездах. Обложение пока по 10 коп. с десятины, и вопрос об увеличении его до нормы, установленной делегатским съездом, будет предметом обсуждения на предполагаемом губернском собрании землевладельцев. Средств у отдела имеется около 7 тысяч руб. Юридическая помощь обеспечена приглашением в бюро бывших судебных деятелей в количестве трех лиц. По губернии собирается статистический о землевладении материал, необходимый для подготовки к земским выборам в Учредительное Собрание.

Представитель Казанской губернии кн. А. А. Кропоткин полагал, что решения волостных комитетов можно парализовать неприведением их в исполнение по формальным основаниям, ибо в состав их должны входить волостные гласные, а выбор их еще не производился. У отдела имеются средства — около 60 тысяч рублей, и есть надежда собрать еще до ста тысяч. Ощущается большая нужда в агитаторах, желательно командирование для этой цели не местных людей.

Представитель Таврической губернии Г. З. Захаров сообщил, что беспорядки в губернии появились с открытием земельных комитетов, которые проявили тенденцию взять все земли

в свои руки, о чем и делали объявления о записи лиц, желающих получить землю за плату 6 — 7 руб. за дес. Земля вся наша и воля наша,— вот рассуждения, какие слышались в народе. Продовольственные комитеты реквизируют скот под флагом для нужд армии, а между тем хороший скот оставляют себе, а плохой дают армии, затем реквизицию скота производят также и для нуждающихся крестьян. В Мелитополе имеется отдел, состав его — преимущественно мелкие собственники. Средств собрано пока около десяти тысяч рублей. Такими же средствами обладает и Перекопский отдел. На 13 августа в Мелитополе назначено общее собрание землевладельцев Таврической губ., и, вероятно, будет открыт губернский отдел. В Мелитопольском уезде юридическая помощь организована.

Землевладелец Черниговской губернии, служащий в Московско-Тверском управлении государственных имуществ, Пиротский сообщил о бывшем в Москве съезде лесничих, на котором выяснилась анархическая деятельность земельных комитетов, поддерживаемая министром Черновым. О парализовании деятельности земельных комитетов послана Временному Правительству телеграмма.

Представитель Новгородской губернии С. К. Хитрово сообщил о предстоящем 15 августа съезде землевладельцев в Новгороде и просил о командировании на съезд делегата от совета.

В 12 час. 50 минут объявлен перерыв заседания до 2 час. дня.

Заседание возобновилось в 2 час. 45 мин. дня.

Председатель Н. Н. Львов сообщил о предполагаемом в Москве в первой половине августа совещании разных групп и союзов на почве объединения и в совещании этом предоставляется Союзу 25 мест, из которых 15 мест желательно дать крестьянам, а потому представителям губернских отделов необходимо озаботиться избранием на совещание крестьян. Все расходы по поездке в совещание принимаются Союзом на свой счет.

Представитель Петроградского отдела В. И. Гурко прочитал свою записку по земельному вопросу, с кратким перечнем эксцессов на аграрной почве и статистическими сведениями о частновладельческих землях, отчуждение коих не предоставит крестьянам наделов, приближающихся к трудовой норме.

После прений, в которых принимали участие В. И. Стемковский, кн. Кропоткин, Ю. В. Вульферт, В. И. Гурко, Л. Л. Кисловский и др., совет выразил благодарность В. И. Гурко за его доклад.

Член совета И. Н. Свечин сделал доклад о своей поездке в Петроград во исполнение поручения совета выяснить отношение земельных и коммерческих банков, а также государственного банка к закону 12 июля о запрещении всяких крепостных сельскохозяйственных сделок и опереходе имений в казенное управление в случае

постановки их на торги за просроченные платежи, тотчас по опубликации о том, а также отношение коммерческих банков в связи с законом 12 июля к соло-вексельному и другим кредитам банков обеспеченным сельскохозяйственными недвижимостями. Докладчик заявил, что он вел переговоры, при любезном содействии И. И. Дмитрюкова, и что без такого участия и совместных усилий едва ли бы ему удалось исчерпывающе выяснить вопросы.

В отношении земельных банков докладчик сообщил, что он выяснил их полное сочувствие тяжелому положению, созданному этим законом для их заемщиков, а тем и для самих банков, и полную их личную готовность, в пределах устава, всячески облегчить заемщикам выход из тяжелого положения, но что определенного ответа об их мероприятиях в этой области они дать не могут еще, так как это будет в значительной степени зависеть от указаний в этой области кредитной канцелярии, в значительной зависимости от которой эти банки стоят. Что касается государственного дворянского и крестьянского земельного банков, то, конечно, роль их более самостоятельная, но одинаково благоприятно направленная в предположениях.

Что касается коммерческих банков, докладчик заявил, что он нашел эти банки, так сказать, неподготовленными к постановке на разрешение вопроса о соло-вексельном и других сельскохозяйственных кредитах, в связи с тяжелыми последствиями для заемщиков, создавшимися после закона 12 июля. Однако при обсуждении этого вопроса с разносторонних точек зрения на съезде (совета) консорциума этих банков, с которыми докладчик вел переговоры, было установлено, что закрытия или сокращения кредитов уже открытых они делать не будут; что касается расширения прежних кредитов или открытия кредитов новым лицам, то эти вопросы будут разрешаться в зависимости от обстоятельств и данных каждого отдельного случая. Далее докладчик заявил, что И. И. Дмитрюковым был поставлен вопрос банкам в новой широкой плоскости оказания кредита всеми ими сообща Союзу земельных собственников для оказания последним кредита тем земельным собственникам, которые оказались временно в особенно безвыходном положении, и докладчик просил И. И. Дмитрюкова не отказать самому доложить эту часть результатов переговоров, как возбужденную по его инициативе.

Член совета И. И. Дмитрюков доложил, что на такое предложение его банки первоначально отнеслись как бы отрицательно, боясь риска, но, с другой стороны, принимая во внимание заинтересованность свою в сохранении общей кредитоспособности своих клиентов — земельных собственников и вообще частновладельческого сельского хозяйства, пришли к тому, что для осуществления такого широкого задания необходимо было бы Союзу земельных собственников обратиться в юридическое финансовое лицо, например, типа общества взаимного кредита. В таком случае коммерческие банки могли бы кредитовать Союз, а последние — своих членов.

Ввиду все же неизбежной, сравнительной длительности такого разрешения вопроса, было установлено в переговорах с банками, что временно, до открытия такого общества взаимного кредита при Союзе, возможно было бы кредитование Союза со стороны банков только в случае представления Союзом серьезных, веских векселей на потребную Союзу сумму безусловно кредитоспособных лиц (или с их бланками).

По заслушании этих докладов совет постановил считать вопрос о возможности образования при Союзе общества взаимного кредита на изложенных общих основаниях, о соло-вексельном и других видах сельскохозяйственного кредита в настоящую минуту особо важным и срочным, ввиду приближения времени возможности постановки имений на торги, но что вопрос о временном разрешении дела помощью кредита по бланкированным векселям представляет большие затруднения для его практического осуществления.

Член совета А. Э. Вормс, не находя формальных оснований для обжалования в Сенат распоряжений правительства, в то же время высказался за необходимость политической агитации против закона 12 июля, направляя все удары на отмену его, благодаря неясностям и разногласиям, имеющимся в законе. Кроме того, интересы третьих лиц совершенно игнорированы, так, например, частные закладные ничем не гарантированы при переходе земли в распоряжение земельных комитетов.

Член совета И. И. Дмитрюков, не соглашаясь с проф. Вормсом об отсутствии формальных оснований для обжалования распоряжений Временного Правительства в Сенат, в то же время, по практическим соображениям, находил обжалование это излишним.

Председателем Н. Н. Львовым поставлен был на баллотировку вопрос: «угодно ли собранию подтвердить протест против закона 12 июля, заявленный советом Временному Правительству».

Собранием протест был подтвержден.

Представитель Черниговской губернии граф Мусин-Пушкин высказался за необходимость немедленно же выяснить всех землевладельцев, которым предстоит попасть в публикации, чтобы предотвратить их.

Князь А. А. Кропоткин высказался за немедленное собрание сведений о том, кто из землевладельцев может внести срочные платежи в банки и кто не в состоянии этого сделать.

Член совета Ю. В. Вульферт возбудил вопрос о крестьянских землях, заложенных в банке.

Председатель Н. Н. Львов внес предложение о передаче затронутых И. И. Дмитрюковым и И. Н. Свечиным вопросов, касающихся соло-вексельного кредита и взноса срочных платежей по залогу земли, на обсуждение совета, с просьбой составить краткую записку о законе 12 июля и об угрожающих от него для землевладельцев последствиях. В отношении же собрания сведений

о платежеспособности владельцев для взноса срочных платежей в земельные банки, то сведения эти немедленно собрать через уездные отделы.

Предложение собранием принято.

Затем председателем внесено было предложение о желательности принесения на распоряжения правительства жалобы в Сенат через частных лиц, поддерживать же жалобы просить В. А. Маклакова.

Собрание согласилось с предложением.

В 6 час. 10 мин. вечера объявлен перерыв до $8^1/_2$ часов вечера.

Заседание возобновлено в 8 час. 55 мин. вечера.

Членом Совета Ю. В. Вульфертом прочитан был проект наказа уездным отделам.

Проект наказа собранием утвержден.

Председатель Н. Н. Львов, коснувшись обложения в 15%, полагал, что уменьшение размера его неблагоприятно будет для дела, требующего больших средств. Необходимо раскрыть землевладельцам глаза на их положение и закон 12 июля, являющийся веревкой на их шее. Поэтому необходимо созвать на местах собрания для обсуждения названного закона и принесения на него протестов, а также по возможности привлечь пожертвования, не понижая размера обложения.

Вопрос о размере обложения вызвал оживленные прения, в которых приняли участие: Ю. В. Вульферт, Б. М. Петрово-Соловово, И. Н. Свечин, гр. Ф. А. Уваров, Л. Л. Кисловский, кн. А. А. Кропоткин, Г. В. Дмитренко, граф Чапский, В. Н. Пономарев, В. И. Раевский и др.

По выслушании прений собрание остановилось на предложении председателя Н. Н. Львова о немедленном созыве на местах съездов для обсуждения закона 12 июля и вопроса об обложении.

Бар. В. В. Меллер-Закомельский возбудил вопрос о необходимости установить, куда членам надо вносить деньги, и в этом отношении желательно преподать известные указания.

В. И. Раевский полагал, что взнос денег надо сосредоточить в мелкой ячейке, начиная с волостей.

Гр. Ф. А. Уваров, возражая против этого, находил, что место взноса денег надо предоставить усмотрению самого плательщика.

Председатель Н. Н. Львов внес предложение об установлении сборов по губерниям, сделав исключение лишь для лиц, живущих в столицах, которые могут вносить деньги непосредственно в центральные управления, последние же о полученных взносах должны сообщать на места.

Предложение собранием принято.

Председатель Н. Н. Львов предложил собранию высказаться по вопросу, внесенному делегатом Тульской губернии, о принятии Союзом на себя производства реквизиций у землевладельцев

хлеба для армии и доставку его на станции, а также обсудить вопрос о твердых ценах и о доплатах в случае повышения их.

По выслушании прений, в которых приняли участие В. И. Раевский, Ю. В. Вульферт, кн. А. А. Кропоткин и др., собрание пришло к заключению о необходимости воздержаться от каких бы то ни было ходатайств по означенным вопросам.

Член совета А. Э. Вормс доложил, что на 20 августа назначен съезд юристов в Москве и поэтому желательно приурочить к этому времени съезд юрисконсультов Союза.

Собранием постановлено: назначить съезд юрисконсультов на 18 августа.

Председатель предложил собранию приступить к рассмотрению вопроса об отсрочке уплаты землевладельцами подоходного налога.

В. И. Раевский внес предложение о пересмотре всего закона о подоходном налоге.

А. Э. Вормс, указав на 141 ст. уст. о под. нал., допускающую отсрочки и рассрочки платежей в случае бедствий, тем не менее присоединился к предложению о пересмотре всего закона.

Председатель Н. Н. Львов полагал, что, помимо возбуждения общего ходатайства о пересмотре закона, желательно, чтобы губернии и уезды собрали сведения о землевладельцах для использования неимущими 141 ст., о чем уезды и должны возбудить ходатайства перед правительством.

Собрание согласилось с формулой председателя.

А. В. Кривошеин внес предложение о возбуждении ходатайства по поводу предоставления Союзу одного места в устраиваемом в Петрограде податном совещании и, в случае удовлетворения ходатайства, просил А. Э. Вормса принять участие в названном совещании.

Собрание согласилось с предложением и просило А. Э. Вормса принять участие в податном совещании в качестве представителя от Союза.

Председателем предложено было произвести выборы трех делегатов на съезд 3 августа Всероссийского Союза торговли и промышленности.

Делегатами избраны: В. И. Гурко, кн. А. А. Кропоткин и А. Э. Вормс.

В 12 час. 10 мин. ночи объявлен перерыв заседания до 11 час. утра 31 июля.

3.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 31 ИЮЛЯ 1917 ГОДА.

Заседание возобновлено в 11 час. 30 м. утра.

По открытии заседания председатель совета Н. Н. Львов предлагает на обсуждение собрания предложение совета о необходимости произвести поуездную статистическую работу о земельных запасах уезда и его населения. Работа эта, по мнению Н. Н. Льво-

в а, особенно необходима для того, чтобы вывести рассуждения об аграрной реформе из области теоретических предположений на путь практических выводов, основанных не на посулах социалистических партий, а на незыблемых цифровых данных.

Социалисты, пропагандируя свои программы, цифр не дают, и не дают их потому, что если бы они говорили своим слушателям правду — в какую реальную форму обратятся их посулы, то никто не пойдет за ними, а потому нам для борьбы с социалистической пропагандой необходимо иметь в руках точные сведения, доказательные цифровые данные, основываясь на которых мы могли бы разъяснить населению, что оно приобретает и чего лишится в случае проведения в жизнь социалистических программ.

Независимо от этой общей работы, предлагаемой советом, Н. Н. Львов считает, с своей стороны, весьма полезным произвести описание отдельных хозяйств, с учетом, хотя бы в грубых чертах, производительности данного хозяйства, стоимости его оборудования и учета расходов по оплате труда местных крестьян и различных служащих и рабочих имения и затем сделать выводы, что приобретает население в случае раздела имения между крестьянами и какого заработка лишится то население, которое обслуживает имение. Если удастся сделать довольно много таких отдельных работ, то они послужат богатым материалом для наших представителей в Учредительном Собрании в их борьбе с социалистическими теориями.

Вульферт оглашает программу по учету частновладельческих хозяйств, выработанную группой московских агрономов, и говорит, что рассмотрению собрания подлежат три отдельных вопроса: 1-й вопрос — об общем учете земель, 2-й — учет частных хозяйств согласно предложению группы московских агрономов и 3-й — подробный учет отдельных хозяйств соответственно мысли, высказанной Н. Н. Львовым. Конечно, такое многолюдное собрание не может выработать программу обследований, это дело небольшой комиссии при непременном участии специалистов, но все же желательно было бы получить от собрания общие указания, в каком направлении и в каком объеме должны вестись вышеуказанные работы и кем они должны быть исполнены.

Андреевский считает, что статистические работы должны быть произведены уездными советами, а главный совет должен лишь выработать программу обследования и преподать уездам общие указания.

Геркен докладывает собранию, что в Казанской губернии имеется весьма ценный труд по обследованию землевладения в губернии. Хотя труд этот относится к 1907 году, но для преследуемой цели его нельзя считать устаревшим, так как изменения, происшедшие за это время, составляют, конечно, увеличение народонаселения и уменьшение количества частновладельческой земли. Между тем выводы, получаемые из этого труда, весьма показательны, ибо дают прибли-

зительно такие данные: если разделить все земли Казанской губернии, принадлежащие казне, уделу, частным владельцам всех сословий, т.-е. в том числе и мелким землевладельцам-крестьянам, церковные и монастырские, — исключительно между крестьянами-общинниками, то на душу мужского пола окажется прибавки около $^1/_2$ десятины, а на крестьянский двор около 2 десятин, при этом, если сделают общее уравнение в пользовании землей, то более чем у $^1/_3$ крестьянских обществ придется землю отнимать, чтобы давать другим.

Статистический материал, которым располагает Казанская губерния, настолько полный, что из него можно будет получить очень скоро какие угодно сведения, по какой угодно программе, но, к сожалению, такой работы в большинстве губерний нет, и сделать такую работу скоро нельзя. В Казани работа эта была основана [?] в течение нескольких лет оценочным бюро губернского земства, теперь же мы располагаем очень малым временем и очень незначительными силами, поэтому Геркен настаивает, чтобы программа обследования была возможно проще, чтобы работа была выполнима.

Князь Кропоткин, поддерживая это мнение, указывает, что нам необходимо иметь абсолютно верные цифровые данные, ибо если окажутся ошибки, то ими воспользуются наши оппоненты и дискредитируют всю работу. Переходя к вопросу об учете частновладельческих хозяйств, князь Кропоткин находит, что оглашенная программа, выработанная группой московских агрономов, будучи, может быть, в некотором отношении слишком обширной, в то же время не даст картины, на которую указывал Н. Н. Львов, так как в каждом хозяйстве, в зависимости от его направления, имеются особенности, которые нельзя подвести под общую программу, поэтому он склоняется к принятию предложения Н. Н. Львова сделать описание лишь отдельных хозяйств для получения того материала, на который указывал Н. Н. Львов, считая, с своей стороны, такой материал весьма ценным для защиты прав земельной собственности.

Раевский говорит, что Воронежский совет выработал свою программу обследования, и, вырабатывая ее, совет преследовал одну главную цель — учесть земельный фонд губернии по категориям владения для того, чтобы иметь возможность с цифрами в руках разъяснить населению, что оно приобретает в случае осуществления социалистических реформ; то же, что теперь предлагается, это уже работа экономического обследования, и такой вопрос, не имея в руках обоснованного доклада, по мнению Раевского, не представляется возможным разработать в настоящем собрании, но он лично полагает, что такую работу в такой короткий срок, которым мы располагаем, вряд ли возможно выполнить.

Представитель Витебской губернии тоже высказывается в том смысле, что главной работой обследования должно быть выяснение того, какое количество земли поступит в распоряжение крестьян по программе социалистических партий, сколько крестьян-

ских хозяйств от этого выиграет и что именно они приобретут, и сколько крестьян от этой реформы пострадает.

В. И. Гурко указывает, что вопрос о программе обследования не может быть разрешен в собрании — это дело небольшой комиссии, — собрание может лишь дать общие директивы, поэтому он, не касаясь подробностей, считает нужным лишь указать на то обстоятельство, что главным земельным комитетом уже разработана программа учета земель, по которой во всей России приступлено уже к работе. С этим обстоятельством необходимо считаться и при этом необходимо выяснить себе, ознакомившись с программой главного земельного комитета, чего именно добивается этот комитет, нет ли в программе его стремления получить известные тенденциозные сведения и, если мы это усмотрим, то вести параллельное обследование, дополнив программу такими вопросами, ответы на которые дадут нам материалы для опровержения тех тенденциозных данных, к которым может привести статистика главного земельного комитета; кроме того, нам надо выяснить, какими сведениями из работы главного земельного комитета можно будет воспользоваться, чтобы не давать лишней работы себе самим, а также необходимо иметь в виду, что в работе главного земельного комитета, которая будет исполняться на местах социалистическими организациями, возможны как неправильное собирание сведений, так и тенденциозность в их разработке, — поэтому необходимо изыскать способ парализовать эти явления. Что касается своей программы, то, по мнению В. И. Гурко, следует иметь в виду, во-первых, чтобы методы исследования были в некотором соответствии с прежними статистическими работами в этой области, чтобы возможно было производить нужные сравнения; во-вторых, исследование должно быть поставлено возможно проще, ибо чем крупнее вопросы, тем яснее ответы и результаты работы ближе к действительности; необходимо также иметь в виду, что в отчетах крестьянского банка имеются все сведения о землях заемщиков банка; надо воспользоваться этими сведениями, чтобы не брать на себя лишней работы.

Князь Васильчиков, поддерживая предложение совета о необходимости производства статистической работы по земельному вопросу, подчеркивает, что это — единственный способ защиты собственника, потому что никакие рассуждения с указаниями на несправедливость отчуждения земли и на убыточность для государства такой реформы никого не убедят в невозможности проведения ее в жизнь — только цифры могут доказать ее нецелесообразность и разочаровать крестьян, открыв им глаза на сущность посулов социалистов; вместе с тем, кн. Васильчиков настаивает, чтобы производилась не анкета, а обследование специально командированными людьми, так как только при такой работе возможно получить нужный материал.

И. И. Дмитрюков предостерегает собрание от увлечения задаваться слишком широкими предположениями — надо помнить, что срок для этой работы максимум 3 месяца, широкие программы

невыполнимы; как ни заманчиво получить все то, о чем здесь говорится, силою вещей приходится отказаться от многого, никакого обследования частных хозяйств делать не надо, учета отдельных хозяйств по мысли Н. Н. Львова тоже не надо делать; единственно, что необходимо, это — учет земель по категориям владения для получения самых элементарных выводов. Если нам удастся справиться хотя бы с этой задачей, то и это будет уже очень много.

В. И. Гурко находит, что анкета по отдельным хозяйствам не может дать тех результатов, которых ожидает Н. Н. Львов, примеры не дадут ничего уже потому только, что в социалистических программах предусмотрено, что культурные имения не подлежат разделу между крестьянами, а передаются в распоряжение земств.

Важно иметь не примеры, а получить нужные сведения по возможности о всех имениях, чтобы определить, какое количество имений должно быть признано культурными и что, за изъятием их из распределительного фонда, останется для крестьян; оратор уверен, что такое обследование даст нам цифровые данные, доказывающие, что под культурными имениями находятся сотни миллионов десятин.

По предложению председателя собрания постановлено:

1) Поручить губернским советам собрать и разработать по уездам статистические сведения по учету земель, по категориям владений с целью использования этих материалов для агитации.

2) Поручить главному совету разработать программу и преподать ее как обязательную в губернские советы для анкеты о культурности частных хозяйств, пользуясь для получения нужных сведений в тех случаях, когда это возможно, анкетным способом, а в отдельных случаях и командировкой специальных лиц.

3) Поручить губернским советам добыть от отдельных сельских хозяев возможно подробные описания их хозяйств с выводами, к каким экономическим результатам приведет раздел этих имений между крестьянами, т.-е. какая будет потеря для государства, какой капитал, затраченный в хозяйство, будет безвозвратно потерян, какой капитал придется затратить для основания новых мелких хозяйств и, наконец, какое количество крестьян от этого получит прибыль и какую и сколько потеряет население заработных денег, принимая во внимание все местные обстоятельства.

В 1 час дня объявлен перерыв до 2 часов.

В 2 часа дня заседание возобновляется.

Принимается предложение Свечина рекомендовать провинциальным советам использовать лиц их губерний, проживающих в Москве, в качестве своих уполномоченных, так как для сношения с главным советом нельзя рассчитывать на почту и телеграф как вследствие беспорядка, так и потому, что эти учреждения находятся в руках наших врагов.

Представитель Рязанской губернии Семенов-Тяньшанский делает сообщение о настроении крестьян в его губернии, указывая, что агитация там совершенно невозможна, ибо агитация связана с риском подвергнуться насилию, и описывает свои личные переживания.

Председатель совета Н. Н. Львов предлагает приступить к обсуждению вопроса о порядке участия земельных собственников в выборах в Учредительное Собрание. Указав собранию на печальное явление, что до сих пор далеко не во всех уездах земельные собственники организованы, и подчеркнув необходимость быстрейшей организации и необходимости борьбы с явлениями уклонения от работы по организации на местах некоторых видных общественных деятелей, священная обязанность которых встать во главе организаций, Н. Н. Львов выясняет собранию свой взгляд на позицию, которую должны принять земельные собственники в предстоящей выборной кампании. Необходимо создать одно большое течение в русской жизни — течение патриотическое и государственное, надо объединить все частные и здравомыслящие силы России в борьбе против разрушительных начал социалистических течений.

На это объединение должны пойти все, и в самих себе надо побороть те предубеждения, которые еще держатся в нас против некоторых партий, не разделяющих нашу аграрную программу, но имеющих в своей основе начала государственности, а не начала разрушительные.

Необходимо организовать широкий, смелый напор против социалистических партий для спасения России.

Чтобы выяснить себе положение, необходимо понять, какими путями пришла Россия к тому состоянию развала, в котором она находится. Первое течение было глубоко патриотическое и являлось результатом тех явлений, которые пережила Россия из-за войны, убедившись, что представители старой власти защищают не Россию, а только самих себя. Такие люди, как Таганцев, которые по духу были не чужды стремлений к революции, провозглашали лозунг: «отечество в опасности». Убийство Распутина было совершено людьми, движимыми монархическими чувствами, и, конечно, все они не хотели революции, а лишь добивались сдвинуть власть с ее позиции самозащиты и направить ее к защите государства. Но ничто не помогало, так что в момент переворота монархист Родзянко вынужден был протянуть руку революции.

Но здесь выдвинулось другое течение — в момент переворота организованными оказались лишь революционные группы в лице рабочих депутатов и быстро сорганизованной ими группы солдатских депутатов, и Исполнительному Комитету Государственной Думы пришлось считаться с фактом полного уничтожения власти, арестом всех министров, упразднением полиции и жандармерии, и под напором этих организаций сформированное Временное Правительство было вынуждено отказаться от мысли вступления на престол Михаила

Александровича и допустить уничтожение власти во всей России; несомненно, что здесь играло первенствующую роль также и третье течение, руководимое германским генеральным штабом — Кронштадт, захват минных заграждений, убийства и аресты офицеров по спискам германских агентов и, наконец, пресловутый приказ № 1, разложивший нашу армию. В результате создалась бессильная власть, и разложение России идет по плану германского генерального штаба.

Вся деятельность социалистических партий основана на ненависти к царизму и к правящим классам. В них нет любви к родине, и для них не существует никаких государственных задач, ибо они преследуют одну лишь разрушительную цель. Как они разрушили армию приказом № 1, так теперь они разрушают экономическую жизнь России. Все сообщения с мест рисуют одну и ту же картину — на местах все спокойно, пока не собирается съезд, бросающий лозунги разрушения, — эти лозунги подхватываются различными волостными комитетами и навязываются населению, а вслед за тем санкционируются в предательской, слащавой форме министром Черновым. Весь ужас в том, что мы имеем министра циммервальдца, которому нет дела до России, для которого нет ничего святого в своем отечестве. Мы имеем право и обязаны смело итти на защиту своих интересов, потому что, защищая собственность, мы защищаем государственность, но наша задача, забыв свои интересы, — создать силу, объединенную любовью к своей отчизне и ненавистью к врагам ее, которые готовы пожертвовать Россией, кто из-за торжества революции, а кто из-за немецких денег.

Мы должны итти на все, вплоть до риска жизнью, но должны победить во что бы то ни стало.

К сказанному Н. Н. Львов добавляет, что он уже начал работу по объединению с группами промышленников, банковскими, кадетами и другими и просит съезд одобрить его программу действий. Горячая речь Н. Н. Львова встречает единодушное полное сочувствие со стороны съезда.

После обмена мнений съезд принимает следующие решения по организации:

1) Постановлено обратиться к губернским советам с указанием на необходимость установления в организациях строгой дисциплины и с просьбой, чтобы губернские советы в тех случаях, когда у них в губернии не устанавливается стройность организации, обращались в главный совет, который будет присылать своих уполномоченных.

2) Обратить внимание советов на необходимость привлечения к живой работе женщин, участие которых, как показал опыт, дает иногда блестящие результаты.

3) Просить губернские советы наметить отдельных крестьян-собственников, подходящих для участия в Московском Всенародном Совещании, которых требуется всего 15 человек.

Закрывая заседание, председатель Н. Н. Львов выражает надежду, что наступает конец петроградского периода истории.

Россия хочет жить для себя, а не для Петербурга, и Россия добьется для себя истинной свободы, а не фиктивной свободы, выражающейся в деспотизме социализма.

Поблагодарив участников съезда за их труды, Н. Н. Львов заявляет, что главный совет получил от съезда много ценных указаний, и выражает уверенность, что как главный совет, так и местные советы с новой бодростью и энергией будут продолжать свою работу во имя спасения России.

Собрание единодушно и горячо благодарит Н. Н. Львова.

Заседание объявлено закрытым в 5 час. вечера.

„Демократическое" правительство Грузии и английское командование.

Отделившись от России и декларировав свою независимость 26 мая 1918 года, меньшевистская Грузия попала в сложнейший переплет международных отношений. Раньше немецкая, а потом английская оккупация, даже для глаза непосвященного обывателя, ликвидировали всякую видимость независимости.

Не располагая самостоятельной военной силой, кроме разрозненных, не обученных и совершенно непригодных к боевым действиям нескольких отрядов и знаменитой Джугелевской «народной гвардии», прославившейся своими карательными экспедициями против крестьянских восстаний, правительство не имело возможности в какой бы то ни было степени противостоять той системе нажима, которую практиковало английское командование.

Грузия интересовала Англию не только как путь к нефти, но в годы ожесточенной борьбы с большевизмом в значительной мере и как один из плацдармов для развертывания этой борьбы. Все внимание и все симпатии англичан были направлены в сторону Деникина, который после разгрома колчаковщины олицетворял собою основную силу борьбы с большевизмом. Стремления Деникина были совершенно ясны: борясь за «единую великую Россию», он не только не желал признавать каких-либо самостоятельных государственных объединений на прежней территории Российской империи, но открыто боролся с автономистскими тенденциями кубанского казачества.

На Закавказье он смотрел как на одну из русских провинций, в пределах которой в дальнейшем должна была быть восстановлена старая система управления — «наместничество». Представители грузинского национализма примириться с такими тенденциями, конечно, не могли.

Публикуемые материалы представляют крупный исторический интерес потому, что показывают, как, несмотря на обострившийся в начале 1919 г. конфликт между Деникиным и меньшевистской Грузией, дошедший до вооруженных столкновений, последняя ни на минуту не забывала, что у нее и у Деникина один общий классовый враг — большевизм, во имя борьбы с которым можно и должно итти на любые компромиссы.

В самом начале прихода английских войск в Закавказье, в 1918 г., ген. Томсоном было заявлено, что они (союзники) «не признают никаких независимых образований, которые образовались в России, и не будут к ним относиться как к таковым», и что задача их деятельности — «восстановление от имени русской власти прежнего наместничества на Кавказе» [1]). Правда, впоследствии (1919 г.) отношение союзников к вопросу о самостоятельности Грузии несколько изменилось, но, как видно из публикуемых

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», Гиз, 1925 г., стр. 160.

разговоров, вопрос о будущем самостоятельных государственных объединений для Англии был далеко не решен.

В разговоре с Жордания 24 мая 1918 г. ген. Бич, в ответ на заявление председателя правительства, что «Грузия самостоятельна и ни о какой автономии говорить не приходится», сказал: «но Россия когда-нибудь возродится», этим самым показав, что в условиях создания «единой России» вопрос о самостоятельной Грузии может оказаться далеко не решенным.

Повторяем: все это ни в какой мере не помешало грузинскому меньшевизму пойти на компромисс с Деникиным, причем, когда переговоры начали налаживаться, Н. Жордания цинично заявил: «ведь ген. Деникину будет несравненно лучше, если тыл у него будет обеспечен».

То, что принципиально грузинское правительство не возражало против того, чтобы через его территорию англичане провозили обмундирование и снаряжение Деникину для борьбы с большевизмом, видно из заявления председателя правительства в июне 1919 г. «Грузинское правительство определенно расположено не делать препятствий для осуществления плана, предложенного верховным командованием»... [1]).

В публикуемых материалах в подтверждение этого положения можно наблюдать, как под нажимом английского командования грузинское правительство шаг за шагом скатывалось на позиции активной помощи и содружества с Добрармией (раньше Деникиным, а потом Врангелем).

И все это делалось во имя вступления в семью «цивилизованных народов». Ген. Бич так и заявил: «...соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом».

Во имя этой связи с цивилизованным миром грузинский меньшевизм принужден был уступить Деникину в гагринском конфликте, не получив каких-либо гарантий для будущей самостоятельности.

Во имя той же связи грузинский меньшевизм соглашался на смещение высших военных чинов, провинившихся перед английским командованием (конфликт с Гедевановым — протокол от 15 февраля); на передачу английскому командованию не только контроля, но и управления Закавказскими железными дорогами; на публичное ошельмование себя в своей же прессе (разговор с Уоккером 15 февраля) и даже на отказ от принципов, выдвинутых в социал-демократической программе — на такое толкование своих собственных законов, которое действительно позволяло героев из II Интернационала ввести в семью цивилизованного капитализма.

Необходимо остановиться еще на толковании самими же вождями грузинского меньшевизма изданного ими закона о земле.

Аграрное законодательство было одним из козырных моментов грузинского меньшевизма. Оно всегда пускалось ими в ход, когда приходилось перед лицом II Интернационала декларировать свою верность социалистическим принципам. Но это была лишь одна (показная) сторона медали.

Фактически же все сводилось к тому, что под давлением крестьянского движения еще в конце 1917 года Закавказским комиссариатом был проведен закон об отчуждении удельных и частновладельческих земель, впоследствии подтвержденный Закавказским сеймом и Грузинским учредительным собранием. Однако этот закон не только не ликви-

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», стр. 127.

дировал принципа частной собственности на землю, но даже не мешал дальнейшему росту и развитию крупного землевладения. Тов. Шафир в своей книге приводит текст переговоров с американской миссией, где представитель грузинского правительства недвусмысленно заверял, что принцип частной собственности сохранен и что вся реформа проведена исключительно с целью приостановить массовые и «самовольные» захваты и насилия, производимые крестьянами [1]).

Разговор правительства с представителем английского командования 16 мая 1919 г. особенно ценен потому, что на мелком факте показывает отношение грузинского правительства к проводимой им земельной реформе.

В ответ на просьбы ген. Бич сказать ему, «как друг, как человек», сможет ли дальше после реформы крупнейший землевладелец и винодел Ананов развивать свое дело, так как «ведь он выделывает прекрасные вина» (старый буржуазно-помещичий лейтмотив — на помещичьих землях культура хлеба выше, чем на крестьянских), председатель «демократического» правительства ответил: «О, нет, его дело продолжается и в б у д у щ е м д а л е к о у л у ч ш и т с я» (подчеркнуто мной. *С. С.*).

Представители грузинского меньшевизма были глубоко уверены — и в этом заверяли представителей «европейской цивилизации», что крупное землевладение после реформы продолжится, разовьется и улучшится, но это им не мешало, копируя кадетскую тактику периода 1905—1907 гг., одновременно убеждать массы, что аграрная реформа проведена в их интересах.

Публикуемые материалы, еще раз подтверждая прямую связь грузинского меньшевизма с российский контр-революцией, указывая на проведение грузинскими меньшевиками законов, рассчитанных на защиту интересов не трудовых масс, а развивавшегося капитализма, на полную зависимость их от английского командования, при одновременной борьбе с пролетариатом, захватившим власть, ставят вопрос: находились ли грузинские меньшевики в период власти между революцией и империализмом или они уже тогда целиком обосновались в лагере врагов революции и прямых друзей русской контр-революции и европейского империализма.

Семен Сеф.

Архивы министерств так называемого демократического правительства Грузии частично были увезены при эвакуации, а частично уничтожены. В пределах ССР Грузии сохранились лишь остатки архивных фондов, главным образом министерства иностранных дел и военного министерства. Уцелели частично также личные архивы — Чхенкели и др. В настоящее время они хранятся в Музее Революции ССР Грузии.

Публикуемые девять протоколов переговоров председателя правительства с английскими генералами являются остатками архива канцелярии председателя грузинского правительства. Переговоры велись, повидимому, на французском языке, и печатаемые нами документы представляют собой записи переговоров, переведенные на русский язык канцелярией председателя грузинского правительства.

Последний из публикуемых документов — мемуар грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин обнаружен в личном архиве А. Чхенкели.

Печатается он здесь с рукописи, и имеющиеся в нем пропуски сделаны самим автором документа. Пропуски эти, повидимому, объясняются тем, что автор в процессе письма не мог иногда подыскать должного слова или фразы.

Ред.

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», стр. 92.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с генералом Броуд, начальником английской железнодорожной миссии [1]).

6 февраля 1919 г. Четверг. 1 час 5 мин. дня.

После взаимных приветствий ген. Броуд спрашивает председателя правительства о том, получил ли он от генерала Форестьер-Уоккера доклад английской железнодорожной комиссии о состоянии железных дорог как на территории Грузинской республики, так и на протяжении всего пути бывших Закавказских жел. дорог.

Генерал прибавляет, что председателю правительства, очевидно, известно и то, что английское командование на Кавказе, желая итти навстречу улучшению железнодорожного хозяйства Грузинской республики, полагало бы установить наблюдение, пользуясь своим опытом, за ведением железнодорожного дела.

Председатель правительства благодарит генерала за внимание, проявляемое английским командованием по отношению к Грузинской республике, и говорит, что вопрос контроля английским командованием грузинских госуд. жел. дорог передан на обсуждение железнодорожного совета, заключение которого, будучи препровождено правительству, будет незамедлительно сообщено английской железнодорожной миссии.

Генерал Броуд замечает, что есть масса мелких вопросов, которые могли бы быть разрешены без всякой задержки теперь.

Председатель правительства, не возражая по существу затронутого вопроса, отвечает, что как только кардинальный пункт будет принципиально разрешен железнодорожным советом, все детали разрешатся сами собой.

Генерал Броуд соглашается с мнением председателя правительства и переходит к вопросу, о котором английское командование уже имело честь снестись с министерством иностранных дел, а именно о создании общей железнодорожной комиссии совместно с республиками Азербайджаном и Арменией.

Председатель правительства доводит до сведения генерала Броуда, что правительство Грузии давно обсуждало этот вопрос и всецело находит необходимым создание межгосударственной железнодорожной комиссии. Правительство сомневалось лишь в одном, а именно — в согласии англичан в этом вопросе.

Генерал Броуд. Почему?

Председатель правительства отвечает, что создание общей железнодорожной комиссии было бы невозможно без присоединения ветки Натанеби — Батум для эксплоатации ее для прямого сообщения. Иначе пришлось бы иметь дело еще с вновь образовавшимся управлением для этого перегона, что значительно затруднило бы сквозное движение.

---

[1]) Заголовки в настоящей публикации взяты из подлинников.

Генерал Броуд доводит до сведения председателя правительства, что английское командование никогда не было против передачи грузинскому правительству для эксплоатации означенной ветки, но ставило этот вопрос в непосредственную связь с ускорением создания межгосударственной комиссии.

Председатель правительства сообщает генералу, что как только эта ветвь будет передана грузинскому правительству, которое безусловно предоставит право контроля по линии Натанеби — Батум и представителю английского командования, весь вопрос о создании комиссии будет разрешен незамедлительно.

Генерал Броуд говорит, что англичане ждали лишь создания этой комиссии, а вопрос передачи будет разрешен ими в благоприятном смысле для Грузинской республики. Для него, как для лица, не вполне еще ознакомившегося с положением дел на ветви Натанеби — Батум, трудно было бы сейчас дать категорический ответ, но, желая итти навстречу правительству Грузии в деле упорядочения железнодорожного хозяйства, он согласен теперь же разрешить этот вопрос.

Председатель правительства сообщает генералу, что вопрос создания межгосударственной комиссии по вопросам эксплоатации всей линии бывшей Закавказской железной дороги был бы, несомненно, разрешен много раньше, и правительство Грузинской республики предлагало созвать конференцию, где был бы затронут и этот вопрос, но война, вспыхнувшая между Грузией и Арменией, помешала этому начинанию.

Генерал Броуд. Я понимаю.

Председатель правительства интересуется взглядами генерала, как специалиста, о тех мерах, которые можно было бы предпринять для улучшения положения железных дорог именно Грузинской республики.

Председатель правительства просит генерала Броуда не отказать в любезности обо всех мероприятиях, которые он находит необходимыми, сообщить правительству Грузии в письменной форме.

Генерал Броуд сожалеет, что, будучи обременен громадной работой, он не имел возможности до сего момента осмотреть детально состояние грузинских жел. дорог, что он проехал только до Тифлиса, но на-днях он направляется в сторону Батума и обо всем виденном сообщит в письменной форме правительству Грузии.

Председатель правительства говорит генералу, что, будучи за границей и, в частности, в Англии, он всегда любовался идеальной постановкой железнодорожного дела, где, при небольшом сравнительно количестве служащих, царит образцовый порядок как в смысле эксплоатации пути, так и доходности железных дорог.

Генерал Броуд обещает, что все свое знание, а у него его немало, так как генерал заведывал всем железнодорожным движением Франции и транспортом войск и снаряжения, он предоставит к услугам Грузинской республики.

Председатель правительства благодарит генерала за его любезность и надеется, что Грузия поспешит воспользоваться его доброжелательным отношением.

Генерал Броуд глубоко убежден, что при том количестве подвижного состава, каким обладает Грузинская республика, можно прекрасно оборудовать железнодорожное дело, и он примет все меры, чтобы помочь грузинскому государству получать доходы с жел. дороги. Генерал просит по всем делам, касающимся вопросов жел. дороги, обращаться к нему непосредственно в железнодорожную миссию, помещающуюся на Фрейлинской ул., № 6.

Председатель правительства еще раз благодарит ген. Броуда за внимание и просит после поездки в Батум не отказать поделиться с ним впечатлениями, создавшимися от осмотра линии Грузинской жел. дороги.

Разговор окончен в 1 час. 20 мин. дня.

Беседа председателя правительства с генералом Уоккером.

15 февраля 1919 г. 12 час. дня.

Присутствовали: председатель правительства республики Грузии *Н. Н. Жордания*, мин. ин. дел *Е. П. Гегечкори*, командующий британскими войсками в Закавказьи генерал *Форестьер-Уоккер*, глава французской военной миссии в Закавказьи полковник *Шардиньи*, генерал *Бич*, майор *Кэмпбль*, английский офицер интерпретер, *г. Симонов*, интерпретер грузинского правительства, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Уоккер приветствует председателя правительства и говорит, что он просил принять его, дабы выяснить вопросы чрезвычайной важности.

Председатель правительства. Мы давно ждали вас с нетерпением.

Генерал Уоккер. Первый вопрос, которого я коснусь, — это наступление Добровольческой армии. Вы помните, что в конце прошлого месяца и начале этого я говорил вам о письме английского командования от 23 января, в котором упоминалось о неприкосновенности Грузии и о том, что войска генерала Деникина не перейдут границы, занимаемой в настоящий момент войсками Грузинской республики. Помимо этого, я заверял вас ранее, что приму все меры, чтобы деникинская армия не тревожила Грузию, и в этом отношении чувствую по отношению к грузинскому правительству определенные обязательства. Я очень огорчен всем происшедшим. Прежде чем было наступление, я послал офицера английской армии в Сочи для расследования всего происходящего там. К сожалению, снежные заносы и пурга помешали указанному офицеру достичь Сочи, и в настоящий момент он в Сухуме, но я надеюсь, что он выполнит возложенную на него задачу, и пока я не получу от него донесений, я не считаю себя особенно виноватым. Благодаря перерыву телеграфных сношений

я не могу дать исчерпывающего ответа на все вопросы, и как только представится возможность выслушать обе стороны, я смогу решить, кто в действительности виноват. Несмотря на все это, факт остается фактом: Добровольческая армия наступает, и я, верный своему слову, принял следующие меры. При первой возможности передвижения я посылаю английский отряд, который высадится в Сухуме или в Гаграх, откуда он пойдет к вашей границе и будет служить местным барьером. Английский отряд останется на указанном месте впредь до выяснения всех вопросов. Надеюсь, что вы против этого ничего не имеете.

Председатель правительства. Я выскажусь потом, но сейчас решительно заявляю, что, если Добровольческая армия не оставит немедленно Гагринский округ, правительство Грузии собственными силами принудит их очистить этот округ. Мы требуем категорически, чтобы граница Грузинской республики проходила у старых Гагр, и, если они сами добровольно не подчинятся этому требованию грузинского правительства, мы их прогоним. Правительство Грузии не может быть спокойно, если отряды Добровольческой армии будут стоять в пределах Грузинской республики.

Генерал Уоккер. Я хотел послать отряд английских войск не для того, чтобы заставить отступить ту или другую сторону, но для улажения конфликта. Но если правительство Грузии этого не хочет, то я их не пошлю. В этом случае я должен предупредить, что вся ответственность ложится на вас.

Председатель правительства. Если деникинцы сами не уйдут за Гагры, то английские пикеты могут не трудиться занимать ту или иную зону, и грузинское правительство собственными силами сумеет их заставить отойти от занимаемой ими в настоящий момент линии.

Генерал Уоккер. Я не имею права заставить Деникина отойти в ту или иную сторону — это зависит всецело от константинопольского командования. Посылку же английского отряда в Гагринский округ я полагал как предупредительную меру.

Председатель правительства. Мы не знаем, как быстро Деникин выполнит распоряжение константинопольского командования. Мы стоим перед голым фактом: Добровольческая армия раз уже не выполнила требований высшего британского командования. Где у нас гарантия, что деникинцы на этот раз быстро выполнят ваше предписание в настоящем случае?

Генерал Уоккер. Вы предполагаете, что деникинцы могут продолжать развивать наступление, несмотря на присутствие в означенной полосе английских пикетов?

Председатель правительства. Генерал, очевидно, не знает русских; мы же их изучили очень хорошо. Не будучи в состоянии итти на север, Добровольческая армия развивает наступление в сторону наименьшего сопротивления.

Генерал Уоккер. Неужели председатель правительства предполагает, что слабой стороной будет та, где будут английские силы?

Председатель правительства. Конечно, нет, но при малейшей возможности они пойдут вперед, обманув и вас.

Генерал Уоккер. Я сейчас не знаю, какое количество я могу поставить в предполагаемых местах, но думаю, что если деникинцы позволят себе пойти даже против самых немногочисленных отрядов английского войска, то это будет объявлением войны Великобритании.

Председатель правительства. Это очень важный вопрос, и ваше предложение мы обсудим, так как грузинское правительство категорически решило силою принудить их покинуть границы Грузии, причем я должен довести до вашего сведения, что нас интересует лишь историческая граница Грузии, и я вновь повторяю, что мы не имеем никаких притязаний на Сочинский округ, как таковой.

Генерал Уоккер. Тогда все ваши действия будут находиться под вашей ответственностью.

Председатель правительства. Нет, мы не возьмем на себя этой ответственности, так как нас ранее заверили, что со стороны Добровольческой армии не будет никаких наступательных движений. Грузинское правительство, поверив этому заявлению, отвело свои войска, и результатом этого явилось наступление Деникина.

Генерал Уоккер. В таком случае я должен заявить, что если Грузия сейчас не захочет принять посредничество Англии, то в будущем я отказываюсь от этого. Я должен сообщить председателю правительства, что, по моим сведениям, грузинские силы в Сочинском округе не были ослаблены.

Председатель правительства. Мы, конечно, принимаем посредничество Англии и верим, что Великобритания даст нам удовлетворение в этом вопросе, но я должен сообщить генералу Уоккеру, что он ошибается в отношении ослабления наших сил в Сочинском округе. Правительство Грузии приказало отвести войска на десять верст, и это приказание командующим нашим отрядом было немедленно выполнено. До последнего момента генерал Кониев был в Тифлисе и лишь случайно к моменту наступления добровольцев оказался в Сочи.

Генерал Уоккер. Я могу вас заверить, что положение в данном участке будет не всегда таким, но, к величайшему сожалению, сейчас большего я не могу сделать. Повторяю, что разрешение этого вопроса— дело константинопольского командования, и, до получения сведения от противной стороны, я не могу вам сказать, какие представления будут мною сделаны высшему командованию. Теперь я перейду к вопросам, которые считаю неприятными вещами, а именно — об официальном протесте правительства Грузии в инциденте с полк. Гедевановым. Я не могу понять, чем объясняется все то, что произошло. Я прочту председателю правительства объяснения батумского генерал-губернатора, но прежде этого хочу сказать несколько слов. Министр иностранных дел Грузии прислал на мое имя письмо несколько резкого характера; в нем говорилось об инциденте с полк. Гедевановым. Это письмо переслано мною батумскому генерал-губернатору, и он, ко-

нечно, пришлет ответ по существу. Пока не получено мною ответа, мне кажется, об этом не стоило писать. Я протестую в данном случае и заявляю, что такая линия поведения не улучшает положения вещей. Прежде чем прочесть письмо батумского ген.-губернатора, я хотел бы слышать ответ, чем все это вызвано.

Председатель правительства. За время вашего отсутствия, генерал, здесь произошли некоторые изменения, о чем я сейчас доведу до вашего сведения. Я заявляю вам, что то, что будет мною передано, чувствуется всеми гражданами Грузинской республики. Так думает вся Грузия: мы объявили независимость 26 мая 1918 года и, до прихода к нам союзников, занимались исключительно строительством своей новой государственной жизни. Мы ни с кем не воевали и нигде не имели врагов. Единственной угрозой нашему благосостоянию были большевики, но мы отогнали их за Сочи, и наше государство было избавлено от этой опасности. Повторяю, что со всеми окружающими мы жили в мире. С приходом союзников картина резко изменилась: мы все время воюем. Прежде всего предательское нападение Армении, затем наступление добровольцев и, наконец, вторжение на нашу территорию турецко-татарских полчищ со стороны Ардагана на Ахалцых. Я особенно обращаю ваше внимание на последний факт. Правительство Грузии всегда считало, что Батумский и Ардаганский округа находятся под непосредственным влиянием и управлением британских военных сил, и я полагаю, что аскеры и офицеры турецкой армии с этих территорий будут удалены распоряжением английского командования. В отношении Карской области мы полагали, — и имели основание на это, — что она будет передана на законном основании Армении. Между тем на упомянутом мною пространстве образовалось новое самозванное государство, открыто заявляющее, что оно находится под непосредственным покровительством Англии.

Генерал Уоккер. Я ничего не слыхал об этом.

Председатель правительства. Вы плохо осведомлены, генерал, но правительство Грузии обладает неоспоримым документом. Мы перехватили циркуляр главаря этого правительства Атабекова, в котором он сообщал своим единомышленникам о том, что я имел честь сейчас вам доложить. Это самочинное правительство создало регулярное войско, в котором находятся аскеры и служат офицеры как турецкие, так и русские; оно ведет с нами войну, и их войска вторглись из Ардагана в Ахалцых, и самый важный и прискорбный факт — это то, что в лагерях этих повстанцев (иначе я их не могу назвать) находились два английских офицера, проникших туда через Аджарию из Батума. Мы думали всегда, что британское командование своим веским словом не позволит им вторгнуться в пределы Грузинской республики, и на основании этого убеждения не посылали туда своих войск, но это оказалось не так, и мы вынуждены были очистить Ахалцых и в настоящий момент стоим в 25 верстах от него. Результаты налицо: кроме Сочи, мы имеем еще новый фронт. Правительство Грузии с уверенностью

заявляет вам, что наступления на обоих фронтах были строго согласованы. Все было задумано и сорганизовано в Батуме, и из этого источника направляются все распоряжения. Для нас совершенно очевидно, и в этом вы не можете сомневаться, что оба удара были предприняты одновременно, и в этом важнейшую роль сыграли турецкие эмиссары в Батуме. Влияние их настолько сильно, что артвинцы отказались принять начальника округа, посланного туда британским командованием.

Генерал Уоккер. Это неправда.

Председатель правительства. Мы получили сведения, что артвинцы отказались принять должностное лицо, назначенное английским генерал-губернатором, и заявили, что начальника округа им пришлет Карское правительство.

Генерал Уоккер. Вы могли получить сведения и телеграммы со всех частей мира, но я категорически утверждаю, что это неправда.

Председатель правительства. Мне очень приятно, что генерал отрицает существование этого печального факта. Но я продолжу свою мысль. После всего изложенного мною в голову каждого грузина вкрадывается неотвязчивая мысль: почему все это происходит после прихода союзников на нашу территорию. Мы вполне верим искренности телеграммы, полученной из Лондона, и вместе с тем правительство Грузии считает своим долгом заявить вам как представителю союзников, что все происходящее здесь совершенно не на руку державам Согласия. Все общественное мнение страны, все классы населения, вся пресса, все, что есть мыслящего в республике, требуют от правительства выяснить: какова политика союзников и чего они хотят от Грузии. Мы отвечали, что «единственный человек, который может дать исчерпывающий ответ,— это генерал Уоккер, но, к величайшему сожалению, он сейчас отсутствует; по его возвращении все выяснится и, без сомнения, в нашу пользу».

Генерал Уоккер. Я не вполне в этом уверен.

Министр ин. дел. Я хотел бы объяснить генералу те причины, которые вызвали со стороны правительства Грузии протест, обращенный к английскому командованию в Грузии, а именно в отношении действий Добровольческой армии и батумского генерал-губернатора. Я попутно коснусь причины их опубликования и теперь же заявляю, что не вижу в них ничего оскорбительного. Дело в том, что в отсутствие генерала произошли три прискорбных события.

Генерал Уоккер. Я касался исключительно протеста, заявленного министерством иностранных дел по поводу инцидента в Батуме с полковником Гедевановым.

Министр ин. дел. Повторяю, произошли три печальных события в вашем отсутствии, генерал. Первое — наступление добровольцев, второе — инцидент с полковником Гедевановым и третье — вмешательство английского офицера в Поти в законные распоряжения грузинских военных властей. Генералу, безусловно, известны все детали:

правительство Грузии не могло оставаться безучастным ко всему происшедшему, и, так как возбуждение в населении росло, мы вынуждены были опубликовать свой протест, а вслед за полученным сообщением от полковника Гедеванова, подробно доложившим обо всем происшедшем и вполне удовлетворившим правительство, мы сочли необходимым дать сведения прессе и показать народу, что работа правительства Грузии направлена в сторону защиты интересов и достоинства как всего населения республики, так и отдельных его граждан.

Генерал Уоккер. Я должен заявить председателю правительства, что печальный инцидент с английским офицером в Поти, о котором упомянул министр иностранных дел, не имел места в действительности. Я очень сожалею, что сведения грузинского правительства неверны. В действительности вот что произошло: администрация пароходов в порту Поти не хотела перевезти грузинский десант и требовала на это разрешение английских военных властей, но так как англичане не имеют никакого отношения и права вмешательства во внутренние дела Грузинской республики, то английские власти не могли дать подобного разрешения. Вот факт искажения прессой действительных событий. Я прошу господина председателя ответить: принимает ли на себя правительство Грузии ответственность за письмо-протест, посланное мне как командующему британскими войсками в Закавказьи, или это является частным выступлением министра иностранных дел?

Председатель правительства. Конечно, правительство принимает на себя всю ответственность за выступление министра иностранных дел.

Генерал Уоккер. Теперь я позволю себе ознакомить вас с письмом батумского генерал-губернатора (читает письмо; содержание его следующее: полковник Гедеванов просил свидания с генерал-губернатором 7 числа сего месяца в среду в 10 часов утра. Генерал-губернатор, занятый заседанием в конференции, выразил сожаление, что не может принять его, и заявил, что следующие два дня он будет в отсутствии и вернется лишь к 10-му, когда и примет с большим удовольствием полковника Гедеванова. Несмотря на это, полковник явился на следующий день, но, конечно, ввиду отсутствия, принятым быть не мог. Как только генерал-губернатор вернулся из поездки, Гедеванов был принят в самый короткий срок).

Председатель правительства. Полковник Гедеванов сообщил нам, что оба раза, когда он ходил к генерал-губернатору, последний был у себя, но отказывался его принять. Если же, как это видно из ваших слов и письма генерал-губернатора, Гедеванов ввел нас в заблуждение, то с него будет взыскано самым строгим образом.

Генерал Уоккер. Я позволю себе заметить, что, раньше чем писать мне подобного рода протест, можно было выждать более точных разъяснений от английского командования, которые не замедлили бы быть представленными правительству Грузии, чем класть в основание своего письма разъяснения полковника Гедеванова. Я считаю, что мне, как

представителю Великобритании, этим была нанесена обида, и как удовлетворение прошу о смещении полковника Гедеванова с занимаемой им должности в Батуме. Правительству Грузии предоставляется полная и самая широкая свобода замещения этой вакансии тем лицом, которое оно найдет для себя подходящим.

Председатель правительства. Раз генерал-губернатор сообщает о своем действительном отсутствии в эти дни из Батума, то, конечно, желание генерала будет уважено.

Генерал Уоккер. Я заверяю вас, что генерал-губернатор Батума отсутствовал, и поэтому прошу сместить полковника Гедеванова, как лицо, введшее в заблуждение свое правительство. Я прошу также выразить по этому поводу в газетах сожаление. 11 числа в газете «Борьба» помещена была статья по поводу инцидента с полковником Гедевановым, написанная в весьма резких выражениях; в ней говорилось о том, что правительство Грузии требует удовлетворения у английского командования.

Председатель правительства. О каких резких выражениях говорит генерал?

Генерал Уоккер. Я утверждаю, что все письмо написано довольно резко, а так как английское командование не имело еще сведений по затронутому мною вопросу, то я считаю, что это является неслыханным случаем в области международного права; между тем, в газете «Борьба» была помещена эта статья, очевидно, по сведениям, полученным из министерства иностранных дел.

Председатель правительства. Правительство имеет лишь одну официальную газету, это — «Сакартвелос Республика», и несет ответственность за те сведения, которые печатаются в ее официальном отделе.

Генерал Уоккер. За этот протест ответственен сам министр иностранных дел, как лицо, официально подписавшее его.

Председатель правительства. Нет, за такую официальную подпись отвечает все правительство.

Генерал Уоккер. В таком случае, я предлагаю поместить в газетах следующее заявление (читает текст заявления, который будет на-днях передан правительству). Выражения, которые я предлагаю, самые мягкие, и я высказал их только из симпатии к Грузии и ее правительству и личной дружбы к господину Гегечкори; я надеюсь, что правительство Грузии сделает нам эту уступку.

Председатель правительства. Все, что находится в связи с инцидентом с полковником Гедевановым, по выяснении подробностей, будет исправлено в большей степени, чем этого просит генерал.

Генерал Уоккер. Ничего не может быть более удовлетворительного. Теперь я перейду дальше и коснусь тех вопросов, о которых говорил председатель. Если я не ошибаюсь, грузинский народ разочаровался в Великобритании?

Председатель правительства. Да, престиж Великобритании пошатнулся в связи с наступлением Добровольческой армии.

Генерал Уоккер. Повторяю, что я больше чем кто-либо сожалею о случившемся и приму все меры для улажения этого печального инцидента. Теперь я перейду к тем причинам, в связи с которыми вы говорили об умалении престижа с [?] Арменией, и считаю долгом сказать, что, когда вспыхнула эта война, на территории Грузии не было ни одного английского солдата.

Председатель правительства. Чтобы не было недоразумений, я должен предупредить вас, что говорил только о совпадении. Я сам горячий сторонник держав Согласия и, будучи по профессии публицистом, и до войны и во время нее писал всегда в защиту Англии и Франции, но, благодаря, повторяю, этим печальным совпадениям, общественное мнение и народ все происходящие события ставят в непосредственную связь с приходом к нам союзников и требуют у своего правительства объяснения по этому вопросу.

Генерал Уоккер. Война началась до нас, и первой нашей задачей по прибытии на территорию Грузии было принятие всех мер для прекращения кровопролития. Что же касается событий в Ардаганском и Ахалцыхском округах, то английский офицер, посланный из Батума для выяснения всех обстоятельств этого печального недоразумения и прибывший оттуда с докладом ко мне, сообщает, что грузины первые перешли границу. Министр иностранных дел может переговорить с этим офицером и получить от него самые точные сведения. Недоразумения начались впервые на территории Грузии между грузинским и мусульмано-татарским населением, но я уже раньше предупреждал ваше правительство, что не беру на себя ответственности за порядок внутри прежней Тифлисской губернии. Я имею сведения, что грузинские солдаты вели себя по отношению местного населения скверно. Мне известно, что три тысячи грузинских солдат ушли от тысячи пятисот татар, оставив раненых, подобранных неприятелем и переданных англичанам. Войска не слушались генерала Мазниева. Все подробности приехавший офицер может рассказать министру иностранных дел. Что же касается газет и слухов, а также общественного мнения относительно политики британского командования в Закавказьи, то в письме, которое я имел честь вручить правительству Грузии, был определенно высказан взгляд на наши задачи в Закавказьи. Целью прихода было желание сохранить за страной покой и положение status quo ante мирной конференции. Что же касается местностей, занятых ранее турецкими войсками, то их заняли британские военные силы. Внешняя политика Англии достаточно ясно выражена по отношению к Грузии телеграммой из Лондона. Переходя к политике британского командования в Батуме, я должен довести до вашего сведения, что иной политики в настоящий момент Англия вести не может.

Председатель правительства. Правительство Грузии не сомневается в доброжелательном вашем отношении, но благодаря неосведомленности генерала происходят следующие вещи: вопрос идет о фактах, и если нас информировали неверно наши агенты, то ваши сведения

тоже неверны, — например, движение в Ардаганском уезде началось в Поцховском округе, и еще в то время, когда здесь еще был генерал Мильн, министр иностранных дел довел до его сведения, что там формируются дружины, которые из Ардагана собираются повести наступление на Ахалцых.

Генерал Уоккер. Как раз наоборот. У меня имеются сведения по этому поводу от полковника Рич и капитана Мани, которые, обследовав положение вещей, пришли к тому, что все произошло в Ахалцыхском уезде.

Председатель правительства. Я говорю, придерживаясь хронологии событий. Ваши офицеры прибыли сейчас, а беседа, упомянутая мною, велась еще в бытность генерала Мильн в Тифлисе. Министр иностранных дел сообщил ему об авантюре господина Атабекова, и генерал обещал даже выслать его оттуда.

Генерал Уоккер. Я согласен, что в данном случае нужно смотреть на вещи с точки зрения хронологии, и в этом отношении могу сообщить, что еще до приезда генерала Мильн мы знали, что грузины перешли в наступление именно у Ахалцыхского уезда, убили несколько человек и забрали пулеметы. Я не сомневаюсь в том, что когда две враждебные стороны стоят друг против друга, то на выступление способны в одинаковой степени как татары, так и грузины.

Председатель правительства. Нет, это не так. Еще до войны мы знали, что в Поцховском районе происходят сборы повстанцев. Генерал Макаев, командующий пограничным отрядом, просил разрешения перейти границу, взять Поцхо и этим предупредить раз навсегда могущие возникнуть там беспорядки в отношении Грузинской республики, но мы этого не разрешили и сообщили своевременно обо всем британскому командованию.

Генерал Уоккер. И все-таки, несмотря на это, один грузинский офицер перешел границу. Я упоминаю об этом факте, чтобы показать председателю правительства, что его информация неверна.

Председатель правительства. К сожалению, сведения генерала не соответствуют действительности. Я в письменной форме пришлю вам изложение всего происшедшего с неоспоримыми доказательствами того, что движение против Грузии было направлено и проведено через Ардаган.

Генерал Уоккер. Все сведения мои получены из английских источников. Что касается господина Атабекова, он совсем мне не нравится, и в бытность мою в Батуме я предупредил этого господина, что, в случае, если он позволит себе какое-либо выступление, то его попросту повесят. Насколько мне известно, в настоящее время он не позволяет бесчинствовать бекам и следит за их поведением, но я не хотел бы, чтобы правительство Грузии думало, что я его защищаю, но, наоборот, я должен сообщить, сказать вам, что зорко слежу за ним.

Председатель правительства. Я был вчера в Боржоме и знаю наверно, что Атабеков находится во главе сражающихся с нами банд.

Скажу даже более, он прислал к нам одного пленного грузинского офицера с ультиматумом следующего рода: так как в Тифлисе арестованы три турецких эмиссара, пропагандировавших за присоединение Ардаганского и Батумского округов к вновь образуемым мусульманским государствам, если мы их немедленно не выпустим, то всем нашим пленным будут перерезаны горла.

Генерал Уоккер. К сожалению, нам часто обещают документы в подтверждение тех или иных обстоятельств, но мы их не получаем.

Председатель правительства. Генерал может спросить о сообщенном мною факте того английского офицера, который прибыл к нам с этим же пленным, передавшим грузинскому командованию ультиматум господина Атабекова.

Генерал Уоккер. Я должен обратить внимание председателя правительства на то что, хотя и не собирался никогда вмешиваться во внутренние дела Грузии, но вынужден сообщить вам следующее: газета «Борьба» с некоторых пор на своих страницах помещает статьи по адресу союзников и Англии, в частности, которые я считаю абсолютно недопустимыми. Я должен предупредить грузинское правительство, что если оно не прикажет этой газете прекратить подобную кампанию и статьи подобного рода будут продолжаться печатанием, а правительство Грузии в этом случае не закроет «Борьбу», то я сам вынужден буду прекратить существование этой газеты, видя в статьях, помещаемых в ней, явное оскорбление держав Согласия.

Председатель правительства. Прежде всего, у нас нет предварительной цензуры, а, во-вторых, пресса Грузинской республики, являясь выразительницей общественного мнения, могла поместить ту или иную статью, отражающую состояние взволнованного мнения граждан. Вместе с тем я хочу сказать вам, что, перечитывая все газеты, ни в одной из них не встречал оскорбления по адресу союзников или обвинения в чем-либо Англии или английского командования. Единственно, что проходит красной нитью во всех статьях, — это желание узнать, чего хотят англичане, пришедшие к нам водворять якобы порядок, тогда как страну охватывают вместе с их приходом все большая и большая разруха и беспорядки. Так что, если тон прессы и изменится, то он изменится в связи с переменой событий в стране.

Генерал Уоккер. Надеюсь.

Председатель правительства. Но если правительство увидит, что в какой-либо газете печатаются статьи, направленные против союзников, то подобных выступлений в прессе мы сами не позволим; если же в этом отношении что-нибудь, по невозможности проследить, пропустим, то я прошу известить нас об этом, и правительство примет все меры для предупреждения повторений подобного рода статей.

Генерал Уоккер. Я лично не читал, но знаю, что в «Сакартвелос» появилась статья, которая показывает, что, собственно, желательно нам видеть в печати, — конечно, в отношении союзников. Теперь я перехожу к вопросу относительно полковника Шмагайлова и русских

офицеров, арестованных в связи с выступлением Деникина. Полковник Шмагайлов заболел вследствие дурного обращения с ним, но если он умрет, то я должен предупредить, что вся тяжесть ответственности перед союзниками падет на Грузию. Что же касается офицеров Добровольческой армии, то я не возражаю в принципе против самого факта ареста, являющегося правом воюющей стороны, но я должен протестовать против обращения с ними, так как правительство Грузии, посадив их в тюрьму вместе с уголовными преступниками, где они содержатся в невозможных условиях, лишает их неотъемлемого права каждого военнопленного на содержание в особых концентрационных лагерях.

Председатель правительства. Прежде всего я отвечу вам по вопросу о полковнике Шмагайлове. Мы получили просьбу задержать приведение в исполнение приговора, так как он заявил, что является агентом союзников, но до сих пор правительство Грузии не имеет подтверждения в этом.

Генерал Уоккер. Это так. Но его держат в невозможных условиях, и вследствие этого он заболел.

Председатель правительства. Да, он заболел, но факт заболевания и последствия не могут быть возложены ответственностью на правительство Грузии. Уход за ним очень хороший, его посещают и наши и английские врачи. Полковнику Шмагайлову дано все, что ему угодно, и нет ничего удивительного, что, находясь в тюрьме во время эпидемии, он мог заболеть сыпным тифом, так же как болеют люди, находящиеся на свободе. Я не вижу оснований для ответственности перед союзниками правительства Грузии за то, что полковник Шмагайлов, совершив преступление, был посажен судебными властями в тюрьму.

Генерал Уоккер. Хорошо.

Председатель правительства. Полковника Шмагайлова посетили английские офицеры и после этого прислали в министерство иностранных дел сообщение, что они вполне удовлетворены тем помещением и содержанием полковника Шмагайлова, которое они могли видеть в тюрьме № 2.

Генерал Уоккер. Да, это было в госпитале, но раньше?

Председатель правительства. И там его содержали хорошо.

Генерал Уоккер. Теперь я перехожу к вопросу об арестованных офицерах Добровольческой армии.

Председатель правительства. Мы этот вопрос разрешаем так: тех из офицеров, кто просто объявлен военнопленным, высылаем в Гори и Кутаис, а тех, которые будут изобличены в организации восстания в пределах Грузинской республики, мы задержим здесь до выяснения следствием их виновности и суда над ними.

Генерал Уоккер. Какое следствие и в чем вы их обвиняете?

Председатель правительства. В том, что одновременно с наступлением со стороны Сочи они хотели поднять восстание здесь.

Генерал Уоккер. Все-таки все они — военнопленные, и их не следует сажать в уголовную тюрьму.

Председатель правительства. Мы имеем военную гауптвахту, но помещения ее нехватает для арестованных. Ввиду этого мы посылаем их в Метехский замок, где они содержатся на режиме военнопленных, а не арестантов. По выяснении тех или иных обстоятельств их пересылают в Гори или Кутаис.

Генерал Уоккер. Не совсем правильное направление — ближе к деникинцам.

Председатель правительства. Ничего, их из города не выпустят. Больные же находятся в госпиталях на излечении.

Генерал Уоккер. Отчего правительство Грузии не разрешает британским офицерам посещать военнопленных?

Председатель правительства. Это происходит в связи с инцидентом в Сочи. Я указывал вам, что общественное мнение видело в наступлении деникинской армии согласие со стороны британского командования; если бы английские офицеры вслед за арестом деникинцев получили пропуск на свидание с ними, то общество еще более утвердилось бы в своем первоначальном предположении. Как только это уляжется, мы, конечно, сейчас же дадим пропуск.

Генерал Уоккер. Я не могу ждать перемены общественного мнения. Моя просьба обще-международна. Офицер грузинской армии может сопровождать английских офицеров при посещении военнопленных.

Председатель правительства. Мы ответственны перед обществом и не можем сейчас этого разрешить, так как оно поколебало бы веру народа в свое правительство, и, пока мы у власти, только мы распоряжаемся порядком в стране. Я ничего не имею в принципе против того международного требования, о котором вы упоминаете, но в тот момент, когда английское командование просило для своих офицеров пропуск, дать им таковой не представилось возможности в силу указанных мною ранее обстоятельств. Но тогда же английским офицерам было сообщено, что через два дня они смогут повидаться с военнопленными.

Министр ин. дел. После отказа в разрешении свидания с военнопленными ко мне зашел полковник Беллу и выразил сожаление по этому поводу; я сказал ему, что через два дня я этот вопрос улажу и выдам просимое свидетельство. Кроме того, я писал вам, что в Сочи штаб отряда Добровольческой армии хочет расстрелять несколько лиц — вполне добросовестных людей и популярных общественных деятелей, инкриминируя им сочувствие и доброжелательное отношение к республике Грузии. Я хотел бы слышать мнение генерала по затронутому мною вопросу.

Генерал Уоккер. Я уже телеграфировал штабу генерала Деникина с просьбой уважить ваше ходатайство об освобождении этих лиц и послал своего офицера для осмотра раненых и пленных. 24 января я прислал председателю правительства письмо с предложением контроля всей линии бывших Закавказских жел. дорог. Две недели спустя я получил предложение составить комиссию для выработки необходимых условий.

Генерал Броуд сообщает мне, что вся железнодорожная линия находится в самом плачевном состоянии. Если бы этот вопрос касался только Грузии, я удовольствовался бы только указанием на факт разрухи, но вопрос, затронутый мною, слишком сложный и касается всего Закавказья. Для скорейшей организации этого дела я предлагаю следующее: генерал Броуд представит свой доклад об общегосударственном железнодорожном тресте. В этом проекте интересы всех республик Закавказья и, в частности, Грузии будут ограждены. Если это предложение будет принято, то железнодорожное дело будет поставлено в нормальное положение под непосредственным руководством генерала Броуда. Это предложение — деловое, а не политическое. Железные дороги стоят в тесной связи с финансовым вопросом, и союзники не будут касаться финансовых дел Закавказья до улучшения положения железных дорог.

Председатель правительства. У меня был генерал Броуд, и мы беседовали с ним по поводу этого вопроса. Я согласился в принципе в вопросе объединения всех железнодорожных линий Закавказья. Нужно выработать только детали. Генерал Броуд любезно обещал мне представить свои соображения по поводу улучшения грузинских жел. дорог в частности. Я уже предложил министру путей сообщения составить соответствующий доклад, но, если генерал Броуд пришлет свой, мы будем очень благодарны. В вопросе улучшения железнодорожного хозяйства правительство Грузии само заинтересовано.

Генерал Уоккер. Я хотел предупредить вас, что проект генерала Броуда будет наиболее нейтральным и вследствие этого наиболее приемлемым как для Грузии, так и Армении и Азербайджана. Я очень жалею, что должен коснуться того вопроса, о котором здесь упоминается. Я хочу спросить правительство Грузии, какова ее политика по отношению к Англии и союзникам? На ранее заданный вопрос вами я вам отвечаю вопросом. За мое короткое отсутствие здесь все изменилось. Грузия стоит на перепутьи, и от политики ее вождей зависит все ее будущее. Вы знаете телеграмму из Лондона. Это единственная телеграмма к вновь образовавшимся молодым державам. Грузия идет по пути самостоятельности с такой мощной поддержкой, как Великобритания, и я не думаю, чтобы Грузия от нее отказалась. Я не дипломат, я просто солдат и предложу чистосердечно ответить мне на один вопрос: является ли Грузия искренней сторонницей Англии?

Председатель правительства. Я — председатель правительства и вновь повторяю вам, что вся моя деятельность, — как государственная, так и публицистическая, — была направлена в сторону Англии и Франции. Повторяю, что мои симпатии не изменились ни во время войны, ни теперь. Что касается министра иностранных дел, руководителя нашей иностранной политики, то его деятельность и взгляды как самого искреннего сторонника держав Согласия никогда никем не скрывались и всем хорошо известны. Так что в этом вопросе не может быть никакого сомнения. Единственно в связи с происходящими со-

бытиями народ мог сомневаться: правильна ли взятая нами линия поведения и доверия всецело высшему английскому командованию, и могла бояться неверного информирования его безответственными агентами [1]).

Министр ин. дел. В вашем отсутствии, генерал, я говорил с генералом Бич о том, что мы, Грузия, всецело идем по пути теснейшего единения с Англией. Я говорил, что мы ждем практических результатов этого единения, но последний вопрос с наступлением Добровольческой армии несколько поколебал нашу уверенность.

Генерал Уоккер. Разве это единение расценивается исключительно в той плоскости, насколько практически мы вам поможем?

Министр ин. дел. Нет, но у нас есть связующие интересы, например, я говорил с генералом Бич о вопросах финансовых, продовольственных, промышленных и железнодорожных. Я поставил прямо вопрос: на что мы можем рассчитывать со стороны Англии?

Генерал Уоккер. Мной уже обращено внимание на финансовое состояние вашей республики, но оно тесно связано с железнодорожным делом, ибо Англия не может финансировать страны без обеспечения в этом направлении. Что же касается притока частных капиталов союзников, то, при существующей у вас социализации, капиталы союзников сюда приходить не могут.

Председатель правительства. Социализации не подлежат промышленные и торговые предприятия. Этого у нас нет.

Генерал Уоккер. Мы не имеем твердой уверенности.

Председатель правительства. Надо иметь, иначе мы были бы большевиками, а не Грузией. У вас, англичан, есть колония Новая Зеландия, она вся национализирована, у нас национализации подверглись только крупные имения и леса. Грузия богата как недрами, так и поверхностью земли, но без капиталов союзников мы не сможем эксплоатировать эти сокровища. Мы не хотим, чтобы сюда направились капиталы других государств, что, конечно, может иметь место.

Генерал Уоккер. Возможно.

Председатель правительства. Я хотел бы знать, что думает генерал относительно Ардаганского уезда. Мы выгоним из Ахалцыхского уезда атабековские банды, но собирается ли генерал поставить английские пикеты от границы Грузии до линии, занимаемой после ухода турок англичанами?

Генерал Уоккер. Я послал в настоящий момент в Ахалцыхский уезд английские отряды и оттуда, наверное, разошлю пикеты в другие местности. Но может ли Грузия в своих границах сохранить порядок?

Председатель правительства. Конечно, порядок никогда не будет нарушен в пределах Грузии, если не будет авантюр со стороны Ардагана вроде последнего выступления Атабекова.

Разговор окончен в 2 часа 50 мин. дня.

---

[1]) Так в подлиннике. (*Прим. ред.*)

Беседа председателя правительства с генералом Бич.

16 мая 1919 года.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер подполковник *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Начало в 12 час. дня.

Генерал Бич приветствует председателя правительства и говорит, что им получена телеграмма от генерала Брикза, в которой последний сообщает о согласии генерала Деникина прислать своих представителей для переговоров с правительством Грузии. Генерал Бич спрашивает: будут ли представители грузинского правительства полномочны?

Председатель правительства. Где должна произойти встреча?

Генерал Бич. В Гаграх, в среду, 21 мая.

Председатель правительства. Кто будет из англичан?

Генерал Бич. Генерал Брикз пишет, что получил полномочие от генерала Мильн: он сам приедет в Гагры. Генерал Брикз является первым по старшинству после генерала Мильн.

Председатель правительства. Но приедут ли представители Деникина?

Генерал Бич. В телеграмме генерала Брикза об их приезде ничего не сказано. Но чрезвычайно важен факт приезда самого генерала Брикз.

Председатель правительства. Конечно. Это очень хорошо. Ведь Деникин раньше не хотел говорить с нами. Так, значит, к 21-му мы пошлем наших представителей в Гагры?

Генерал Бич. Если отсюда выехать 19-го, то, пройдя путь от Батума до Гагр на миноносце, 21 числа все выехавшие будут там.

Председатель правительства. Выедет ли в Гагры кто-либо из представителей английского командования в Тифлисе?

Генерал Бич. Я и полковник Сандерс.

Председатель правительства. Очень приятно, что вы лично, генерал, едете на эти переговоры. Мы надеемся, что вы уладите весь этот вопрос. Вам хорошо известно, что мы не хотели войны.

Генерал Бич. Впервые эта мысль о совместном совещании возникла у меня, и об этом я говорил генералу Мильн.

Председатель правительства. Достигнуть соглашения входит и в интересы генерала Деникина: он сможет тогда перебросить войска с Черноморского фронта на большевистский.

Генерал Бич. Да, конечно.

Председатель правительства. Я хотел бы с вами поговорить относительно приходящих из Европы грузов. Нам известно, что много товаров сосредоточилось в Константинополе, тогда как нам не присылают ничего, а, между тем, мы могли бы установить правильный товарообмен. У грузинского правительства есть большие склады в Батуме. Был случай, когда пароход, шедший в Одессу с полным грузом, вы-

нужден был, вследствие занятия ее большевиками, повернуть и часть товаров выгрузить в Констанце. Гораздо целесообразнее было бы направить этот пароход в Поти.

Генерал Бич. Несколько дней тому назад по этому поводу я говорил с генералом Коре, который высказал ту мысль, что Англия, мобилизовав все пароходы для перевозки войска и воинских грузов, не имела возможности прийти до сих пор на помощь Грузии, но теперь, с демобилизацией, этот вопрос разрешится в удовлетворительном смысле. Я слышал, что и пароход «Кюве» привозит вам товар...

Председатель правительства. Нами было зафрахтовано в Лондоне давно уже два парохода с грузами медного купороса и до сих пор они не прибыли.

Генерал Бич. Я приму все меры для установления правильных товаро-пассажирских рейсов.

Председатель правительства. Я боюсь, что именно пароходы с купоросом задержаны, а между тем приходит пора лечения винограда.

Генерал Бич. От кого вы имеете сведения о выходе в море пароходов с грузом купороса?

Председатель правительства. От Гамбашидзе.

Генерал Бич. Я прошу узнать точно название пароходов, также порт, откуда они вышли в море, и я по беспроволочному телеграфу наведу справки по интересующему вас вопросу. Вчера вечером сюда из Лондона приехал г. Твид, живший раньше на Кавказе в продолжение 13 лет, проездом через Париж, и видел Гамбашидзе и имеет для вас письма от него.

Теперь позвольте мне поговорить по частному делу; я буду говорить совершенно по-дружески и не хочу, чтобы вы хоть на минуту подумали, что я вмешиваюсь в ваши внутренние дела.

На-днях у меня был г. Ананов и жаловался на свое тяжелое положение.

Председатель правительства. Этот господин ранее вас обращался к немцам, обращался ко всем и, наконец, дошел до вас. Его дело такое же, как дело всех бывших землевладельцев. (Описывает положение дела в связи с аграрной реформой.) Если удовлетворить его ходатайство, то и все остальные обратятся с подобными просьбами. Тогда вся наша государственная система пойдет вверх дном.

Генерал Бич. Но ему за весь отбираемый инвентарь и вина заплатят?

Председатель правительства. Конечно. Но не по спекулятивной, а справедливой расценке.

Генерал Бич. А в дальнейшем ему разрешат продолжать свое дело?

Председатель правительства. Да, он получит законную часть земли, инвентарь и вина и может продолжать свою работу. Для расплаты с ним назначена особая комиссия. Но он все время недоволен. Из-за этого дела нам пришлось вести целую дипломатическую переписку с германцами. Ананов упорно не хочет понять, что это уже раз навсегда конченное и решенное дело.

Генерал Бич. Скажите мне, как друг, как человек, — дело Ананова пропадет? Ведь он выделывает прекрасные вина.

Председатель правительства. О, нет, его дело продолжается и в будущем далеко улучшится.

Генерал Бич. В чьих руках останутся винные погреба Ананова?

Председатель правительства. Частью у Ананова, но большая часть переходит государству. К сожалению, г. Ананов не хочет этому подчиниться, а между тем таких, как он, в Грузии много, но никто из них не беспокоит правительство.

Генерал Бич. На долю Ананова придутся и машины, так как они имеются на причитающейся земельной норме?

Председатель правительства. Точно не знаю, но если генерал интересуется этим вопросом, я прикажу представить точные сведения.

Генерал Бич. Не беспокойтесь, я просто хотел знать, что ответить этому господину, так как он обращался ко мне с просьбой. Теперь позвольте мне окончательно узнать, что я могу сообщить генералу Бриксу.

Председатель правительства. Что наши представители будут к назначенному сроку в Гаграх.

Генерал Бич. Как их фамилии? Я хочу знать для себя.

Председатель правительства. Я еще не знаю, мы должны обсудить кандидатуры.

Генерал Бич. Как личный друг генерала Гедеванова, я просил бы делегировать и его.

Председатель правительства. Прекрасно.

Взаимные приветствия.

Беседа окончена в 12 час. 40 мин. дня.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с британским генералом Бич.

24 мая 1919 года.

Началась в 11 час. 10 мин. утра, кончилась в 1 час 20 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Бич. Я не обеспокоил вас ранним посещением?

Председатель правительства. Я рад видеть вас, вы так редко бываете.

Генерал Бич. Масса дел не дает мне этой приятной возможности. Вам, г. председатель, наверное, известен результат вчерашних обоюд-

ных разговоров. Генерал Гедеванов вчера, в 8 часов вечера, вернувшись, сообщил об окончательном решении правительства сохранить нейтральную зону. Генерал Гедеванов добавил, что он мог бы поехать в Екатеринодар для переговоров лишь по получении от генерала Деникина телеграммы с принципиально выраженным желанием вести мирные переговоры. Насколько я понял, грузинское правительство согласно оттянуть свои войска за р. Бзыбь, при условии неперехода частями Добровольческой армии реки Мехадырь.

Председатель правительства. Да. И при условии, что создавшаяся нейтральная зона будет занята британскими или итальянскими войсками. Если же союзные силы покинут Закавказье, то тогда этот вопрос будет разрешен путем соглашения с Деникиным.

Генерал Бич. Да, но генерал Мильн больше не сможет объезжать Закавказье и проверять расположение войск, а в этом районе надо будет держать не менее 1.000 человек.

Председатель правительства. Это—единственная наша гарантия, иначе во имя чего мы приносим эту жертву?

Генерал Бич. Если генералом Деникиным будет дано принципиальное согласие, вы делегируете генерала Гедеванова на переговоры в Екатеринодар?

Председатель правительства. Да.

Генерал Бич. Генерал Бриз полагает, что генерал Деникин не согласится вести переговоры до того, пока грузинское правительство не отведет свои войска за р. Бзыбь; в этом случае генерал Бриз обещает свое всемерное содействие перед генералом Деникиным. Генерал Брика послал генералу Мильн телеграмму, в которой запрашивает главнокомандующего, согласен ли он взять под свое управление образовавшуюся нейтральную зону, при условии, что в Гаграх будет находиться добровольческий офицер, а в Сухуме — добровольческий и английский офицеры.

Председатель правительства. Если генерал Бриз будет вмешиваться в такие бесспорные дела, как управление Сухумским округом, то правительство Грузии сочтет это за полную солидарность его с генералом Деникиным и заинтересованность в политике Добровольческой армии.

Генерал Бич. Сухумский округ — это второстепенный вопрос.

Председатель правительства. Я прошу передать, что еще вчера слышал о взглядах генерала Бриза, и могу заключить, что он сторонник генерала Деникина в вопросах о Грузии. Я приму все меры, чтобы узнать, являются ли взгляды генерала взглядом английского командования или же это его собственное мировоззрение. Мне приходится впервые слышать подобные речи от английских генералов.

Генерал Бич. Нет, это его частное мнение. Если я поеду в Екатеринодар, там меня примут за сторонника Грузии. Мы хотим иметь британского офицера в Сухуме. Вы не очень протестуете против этого?

Председатель правительства. Мы очень протестуем, если это будет вытекать как следствие наших переговоров с генералом Деникиным. Но мы ничего не имеем против, если это будет рассматриваться, как частное соглашение между английским военным командованием и грузинским правительством.

Генерал Бич. Генерал Брикз заверяет, что если грузинские войска уйдут за Бзыбь, то со стороны генерала Деникина никаких агрессивных действий предпринято не будет.

Председатель правительства. Нет. Этого мы не можем принять, так как научены горьким опытом. Генерал Брикз не знает их хорошо, но вы, генерал, наверное, помните первое наступление Добровольческой армии, когда Деникину неоднократно посылались английским командованием телеграммы с предложением немедленно прекратить наступление.

Генерал Бич. Во время первого наступления британские телеграммы не были получены генералом Деникиным.

Председатель правительства. Но тут была масса добровольческих агентов, и генерал Деникин не мог не знать о подобном вмешательстве англичан. Попросту, они не признают нас и не считаются с нашими границами.

Генерал Бич. Но теперь вы можете быть спокойны.

Председатель правительства. Нет. Спокойны быть мы не можем.

Генерал Бич. Генерал Брикз был впервые назначен в Екатеринодар на смену генералу Пуллю в момент первого наступления добровольцев в Сочинском округе. Расставаясь с Брикзом, генерал Мильн передал генералу, что в этой полосе должно быть сохранено февральское status quo, а военные действия немедленно прекращены. Когда генерал Брикз приехал в Екатеринодар, он узнал, что ни одна из телеграмм генерала Мильн там получена не была. В беседе с генералом Деникиным Брикз изложил точку зрения английского командования на положение вещей и в ответ услышал от генерала Деникина, что последний вообще не знает, для чего англичане пришли на Кавказ. Более того, Деникин сказал, что даже не знает фамилий английских генералов, и довел до его сведения, что грузины занимают линию реки Мехадырь по наущению германцев. Далее Деникин сообщил Брикзу, что грузины прислали мирную делегацию в Екатеринодар, но высшее командование Добровольческой армии ответило, что, пока грузинские войска находятся в районе Черноморской губернии, никакие мирные переговоры не могут иметь места. Вслед за этим к генералу Деникину начали поступать на грузин жалобы со стороны русских и абхазцев, а армяне постоянно взывали к добровольцам о помощи. Войска Деникина видели, как грузины расстреливали армян из пулеметов у реки Лоо. Получив все эти сведения, Деникин повел наступление до р. Бзыби и просил генерала Брикз в этом районе установить нейтральную зону. Во время прихода британских войск в Закавказье Деникин не имел никакой связи с англичанами и даже не знал фамилий генералов

Мильн и Форрестер-Уоккер. Но теперь все это можно уладить. Наступление грузин через Бзыбь — это больное место добровольцев, и поэтому они не хотят начать переговоры ранее отхода грузин на прежнюю линию. Кроме того, генерал Бриз вчера получил телеграмму от генерала Деникина, в которой сообщается, что 19 числа грузины, в количестве 100 человек, повели наступление, очевидно, с целью разведки. Наступление было отбито, но генерал Деникин с этого момента считает себя свободным в своих действиях.

Председатель правительства. Разве можно верить сообщениям Деникина? Он не побрезгует ничем, чтобы оправдать свое наступление.

Генерал Бич. Нет, Деникин только развивает свою точку зрения. И я могу вас уверить, что пока грузинские войска будут стоять у Мехадыри, такое напряженное состояние будет продолжаться у деникинцев.

Председатель правительства. То же состояние будет у нас, если мы уйдем за Бзыбь. Мы не верим ни на слово Деникину. И эта телеграмма о наступлении 100 человек (наверное, там было 2—3 разведчика), и то, что он не знал фамилий английских генералов, — все это ложь. Ведь к моменту вашего прихода в Закавказье здесь были официальные представители Добровольческой армии, например, генерал Шатилов и др. Ведь весь спор идет о небольшом пространстве земли между реками Мехадырь и Бзыбь. Это исконное наше достояние, и только бывший наместник Воронцов-Дашков несколько изменил границу Сухумского округа, оттянув ее к реке Бзыбь. Ту же границу, определенную нами, требует для себя Абхазский национальный совет.

Генерал Бич. Мы будем говорить о настоящем положении вещей. Когда британские войска пришли в Закавказье, ваша граница была на р. Бзыбь, и я вас прошу оставаться там.

Председатель правительства. Ввиду того, что спор идет из-за клочка земли, то справедливее будет его нейтрализовать. Я соглашаюсь на это не только для Грузии, но и во имя интересов человечности и справедливости.

Генерал Бич. Я могу вам привести пример того, что Деникин действительно мог не получить телеграмму. Я говорю про случай, когда генерал Гедеванов послал через английскую миссию в Екатеринодар сообщение о наступлении. Телеграмма не была получена.

Председатель правительства. Да. Но ведь когда-нибудь она должна была дойти! Я тоже могу привести другой пример. Англичане послали Деникину телеграмму о прекращении наступления, прошло две недели, срок — достаточный для того, чтобы получить депешу, а все же спустя 14 дней Деникин продолжал наступление.

Генерал Бич. Я не понимаю, как это произошло.

Председатель правительства. Зато я очень хорошо понимаю.

Генерал Бич. В тот раз вам неправильно сделали заверения — тогда у англичан еще не было связи с добровольцами, теперь она существует. Генерал Бриз очень любит Деникина, а Деникин Бриза.

Председатель правительства. Мы идем на все во имя гуманности. Нейтрализируем бесспорную для нас зону, но если Деникин не согласится на наши условия, то, значит, он попросту желает войны, и об этом мы доведем до сведения правительств Европы и Америки.

Генерал Бич. Я продолжу вчерашний разговор. Генерал Гедеванов сказал, что правительство Грузии с удовольствием вступит в переговоры с добровольческим командованием, если последние не перейдут Мехадыри. На это генерал Брикз возразил, что он очень жалеет об отсутствии у грузинского правительства широкого взгляда на положение вещей и из-за мелочи нарушает [1]) добрососедские отношения. Генерал Брикз изъявил свою полную готовность в содействии к достижению соглашения, но генерал Деникин не хочет произнести ни единого слова до отвода грузинских войск за р. Бзыбь. На вопрос генерала Гедеванова: что же может в таком случае сделать генерал Деникин, Брикз ответил, что Деникин не остановится перед самой широкой военной операцией против Грузии. На это генерал Гедеванов возразил, что подобный шаг Деникина ничем не может быть оправдан, так как грузинское правительство не предпринимает никаких агрессивных мер против Добровольческой армии, но в этот момент генерал Брикз прочел ту самую телеграмму Деникина, о которой я уже говорил. Деникин не ожидал наступления грузинских войск и отвел свои из Гагр, но в это время грузины неожиданно перешли Бзыбь, результатом чего явился захват в плен большого числа офицеров из отряда Добровольческой армии. О положении этих офицеров в плену, об их плачевном состоянии как в продовольственном, так и санитарном отношении генерал Брикз хотел поговорить впоследствии, но генерал Гедеванов обещал послать на фронт санитарную комиссию, которая обследует положение вещей, а наиболее больных офицеров переведут в Тифлис, где и поместят в общежитии. В заключение генерал Брикз выразил сожаление, что потерял бесплодно драгоценное время, думая достигнуть соглашения; он полагал, что в результате переговоров Деникин мог бы послать войска, стоящие теперь на Черноморском побережьи, в места, где наиболее нужна сейчас военная сила. Генерал Брикз выразил самое серьезное опасение, что Деникин поведет большое наступление против Грузии, и эту мысль подтвердили полковник Звягинцев и другие. Я лично также уверен в этом, а разговор с генералом Коре окончательно убедил меня. Не для угрозы, но как истинный друг Грузии я хочу предупредить ваше превосходительство, что у добровольцев имеются танки, крейсер и аэропланы, и я лично глубоко верю, что всякое вооруженное столкновение только ухудшит положение Грузии. Неделю тому назад я был убежден, что наступление с моря невозможно, и высказался в этом направлении в своей беседе с председателем правительства, но теперь все изменилось, и боюсь, что наступление может быть и с моря. Внешне соглашение будто достиг-

[1]) Так в подлиннике. *(Прим. ред.)*

нуто. Грузинские войска отходят, имущество русское обеспечивается, и поэтому надо верить генералу Брикз, который уладит все шероховатости и недоразумения. Я не хотел бы выражаться грубо, но скажу, — и мой взгляд разделяет генерал Мильн, — что Деникин упрям и настоит на своем. В свое оправдание он приводит тот аргумент, что не является царем и не может решить собственной властью вопрос о границах; он выполняет только свое дело. Я думаю, что, поведя наступление, он вряд ли ограничится пространством до р. Бзыби, пойдет дальше в Абхазию, что значительно ухудшит дело.

Генерал Брикз и Деникин имели превратное понятие о развитии в Грузии большевизма и даже меня готовы были счесть за большевика, но теперь, благодаря правильной информации английским командованием в Тифлисе, они совершенно изменили свой взгляд. Вчера мне говорил полковник Звягинцев, что он знает, насколько я — большой друг Грузии, но он также знает, как враждебно Грузия настроена по отношению к Добровольческой армии. Между тем, соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом. В Европе сказали бы, что маленькая Грузия, так много потерявшая и пострадавшая, в сочинском вопросе настолько проявила способность к мудрой государственности, что во имя борьбы с большевизмом принесла жертву, войдя в соглашение с Добровольческой армией, и этим дала возможность Деникину перебросить крупные силы с Черного моря на большевистский фронт. Даже с точки зрения экономической (хотя я не специалист) полагаю, что это соглашение сыграет большую роль в открытии границы, в деле снабжения страны хлебом, товарообмена и пр. Я извиняюсь, что отнял у вас так много драгоценного времени, но я сообщил вам свой взгляд, выслушав ваш, и позволю себе сказать, как друг Грузии, что мир принесет вам только пользу и сохранит много дорогих для родины жизней.

Председатель правительства. Благодарю. Я всегда видел в вас искреннего друга Грузии. Но я позволю себе возразить. Почему, скажите, если существует справедливость, мы должны отступать? Не мы наступали, и не мы должны отступать. Деникин опирается на силу, и эта сила есть результат снабжения его боевым материалом со стороны Англии. Если генерал Деникин позволит себе при наступлении на Грузию воспользоваться британскими танками, аэропланами и крейсером, то правительство Грузии сочтет это за выступление англичан против нас заодно с генералом Деникиным и немедленно оповестит об этом правительство Великобритании. Нам хорошо известно, какая большая пропаганда ведется во Франции и Англии против помощи союзников Деникину, и когда о подобном факте выступления против нас мы оповестим Европу, то вы можете себе представить, как это увеличит уже существующее у вас движение.

Наступление Деникина коснется не только нас, оно больно ударит все народы Закавказья, и я уверяю вас, что в предстоящей борьбе мы будем далеко не одни.

Генерал Бич. Знает ли председатель правительства условия перемирия, предложенные генералом Деникиным? Он опубликовал их 25 апреля в своем меморандуме.

Председатель правительства. Знаю, но мы не придаем им серьезного значения.

Генерал Бич. Другие нации на этот вопрос имеют иной взгляд.

Председатель правительства. Так думают те, кто не знает добровольческого командования. Их дела и программа совершенно различны, — где добровольцы, там царит самая свирепая реакция. Сейчас я высказал свое личное мнение; о нашем разговоре я доведу до сведения совета министров и думаю, что они также разделят мой взгляд.

Генерал Бич. Я заверяю вас, что в случае отвода грузинских войск за Бзыбь генерал Деникин не предпримет наступления.

Председатель правительства. Государственные интересы не могут базироваться ни на словесных заверениях, ни на личных интересах; раз мы согласны отвести свои войска за Бзыбь, пусть и генерал Деникин не переходит Мехадыри, предоставив занять нейтральную зону английским и итальянским войскам.

Генерал Бич. Надо верить словам генерала Бриkз.

Председатель правительства. Но если уйдет из Екатеринодара генерал Бриkз, будут ли его заверения обязательны для его заместителя или генерала Деникина? Какие в этом гарантии?

Генерал Бич. Надо верить.

Председатель правительства. Если бы это было английское правительство или английские войска, то мы могли бы верить.

Генерал Бич. Так что вы полагаете, что грузинские войска отойти не могут?

Председатель правительства. Конечно. Как только мы очистим известную полосу, добровольцы немедленно ее займут, и так они будут все время следовать за нашими отходящими частями.

Генерал Бич. Но в Гаграх будут стоять английские пикеты.

Председатель правительства. Что же из этого? Они обойдут их и пойдут вслед за нашими войсками.

Генерал Бич. Я думаю, что генерал Деникин не согласится на ваши условия и начнет наступление.

Председатель правительства. Пожалуй. Но я прошу вас принять все меры, чтобы это наступление велось без помощи танков, аэропланов и крейсеров, — в противном случае мы будем рассматривать его как наступление с помощью англичан. Я должен буду также просить английское командование о возврате нам тех истребителей, которые были ему уступлены грузинским правительством.

Продолжительное молчание.

Генерал Бич. Я думаю, что все кончится миром, так как от вас лично многое зависит.

Председатель правительства. Да. Но я не могу ставить на карту судьбу Грузии. Мы не можем отойти от Мехадыри и стать в выжидательном положении у Бзыби.

Генерал Бич. Я думаю, что генерал Брикз сумеет сохранить вашу неприкосновенность.

Председатель правительства. Пусть в таком случае он убедит генерала Деникина подписать договор о неприкосновенности Грузинской республики, а решение вопроса о пространстве Мехадырь — Бзыбь предоставит мирной конференции. Но Деникин этого не подпишет, так как не признает нашей самостоятельности и считает Грузию российской провинцией.

Генерал Бич. Нет, он признает автономию.

Председатель правительства. Мы совершенно не нуждаемся в признании или непризнании генералом Деникиным автономии Грузии. Грузия самостоятельна, и ни о какой автономии говорить не приходится.

Генерал Бич. Но Россия когда-нибудь возродится.

Председатель правительства. Тогда мы и будем говорить с Россией.

Генерал Бич. Вы, конечно, знакомы с декларацией Деникина и по ней можете судить о взглядах, программе и намерениях вождя Добровольческой армии.

Председатель правительства. Мы не можем считаться с декларацией генерала Деникина; если бы это был парламентский или правительственный акт, то, конечно, мы придали бы ему серьезное значение, а декларация Деникина есть не что иное, как меморандум военноначальника.

Генерал Бич. Но там есть подпись его и 12 лиц.

Председатель правительства. О, мы их хорошо знаем, это все старые слуги царизма, и никто не верит всем их выступлениям и программам. Обнародована эта декларация с единственной целью показать Англии, что Добровольческая армия проникнута демократическими принципами.

Генерал Бич. Нельзя же отрицать, что в России, так же как и в Европе, после войны значительно усилилось демократическое движение.

Председатель правительства. В России два крайних течения, которые действуют одним и тем же средством. Их цель — силой насадить тот или иной строй, и в достижении этой цели они падают в пропасть: один вправо, другой влево. Даже если Деникин возьмет Москву, это вопроса не решает, ибо благодаря его свирепой реакции неминуемо вспыхнет новая революция, и эта борьба займет еще 15—20 лет. Грузия не имеет ни малейшей охоты ввязываться в эту борьбу.

Генерал Бич. Деникину не до маленькой Грузии. Но так как все возмущены последним наступлением Грузии, то Деникину приходится с этим считаться.

Председатель правительства. В таком случае следовало бы возмущаться не нами, а Деникиным, так как наступление начал он. Ввиду того, что мирная конференция придает большое значение тому, кто из двух воюющих сторон начал военные действия, то несомненно, что генералу Деникину придется сесть на скамью подсудимых.

Молчание.

Генерал Бич. Генерал Деникин не считает Сочинский округ частью территории Грузии, и он объясняет свое наступление желанием ликвидировать беспорядки в этом участке.

Председатель правительства. Вам известно, генерал, что мы не хотели занимать Сочинский округ и ввели туда свои войска, согласно неоднократных просьб местного населения, для подавления царившей там анархии. Но ведь теперь-то мы заняли свою бесспорную территорию.

Генерал Бич. Безусловно тут были ошибки с обеих сторон.

Председатель правительства. Вот мы и исправляем эту ошибку. Пусть ваши войска стоят в Гаграх, там прелестный климат, великолепные гостиницы, где можно комфортабельно разместить офицеров и солдат.

Генерал Бич. Еще раз благодарю за время, уделенное вами. Я думаю, что все можно будет уладить миром в связи с моим предложением. Вы разрешите мне послать телеграмму генералу Бриксу с извещением, что Грузия отводит войска за р. Бзыбь?

Председатель правительства. Да. Но при условии, что части Добровольческой армии не перейдут р. Мехадырь.

В виде гарантии этого необходимо условие — английские войска занимают образованную нейтральную зону между реками Мехадырь — Бзыбь.

Взаимные приветствия.

Беседа закончена в 1 час 20 мин. дня.

Беседа председателя правительства с генералом Бич.

27 мая 1919 года.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Бич. Так как генерал Бриксу, вероятно, послал телеграмму командованию в Константинополь, то я решил, в свою очередь, информировать генерала Мильн в нижеследующем: в четверг была конференция в 4 часа, причем стороны не пришли к соглашению. Что предпринять в дальнейшем? Генерал Бриксу гарантировал грузинскому правительству, что, в случае отвода грузинских войск за Бзыбь, добровольцы не поведут в дальнейшем наступления.

Грузинское правительство выставило следующие положения: грузинские войска отходят за Бзыбь, добровольческие части не переходят р. Мехадырь, образовавшуюся нейтральную зону занимают итальянцы или англичане, об администрации в этой зоне будут в дальнейшем вестись переговоры. Далее я телеграфировал, что 24 числа (мая) в течение 2 часов беседовал с председателем правительства, но достичь соглашения не мог; причиной затруднения, по моему убеждению, является отсутствие гарантий в дальнейшем непродвижении противника, что ставит грузинское правительство в прежнее напряженное состояние. Далее я сообщил, что если добровольцы будут на р. Мехадырь, а грузины на р. Бзыбь, то вопрос об администрации, по моему мнению, может легко разрешиться, и просил генерала Мильн дать ответ по вопросу организации администрации.

Председатель правительства. Чье это было мнение и получили ли вы ответ?

Генерал Бич. Мнение это мое, а ответа я еще не получал. Скажите, это вас устраивает?

Председатель правительства. Да, конечно, мы должны прийти к соглашению с добровольцами.

Генерал Бич. Конечно. Я сделал все, что мог.

Председатель правительства. Большое спасибо.

Генерал Бич. Я хочу сделать все хорошее для Грузии.

Председатель правительства. Если бы все британские генералы так себя держали по отношению к нам, мы, грузины, давно устроили бы все свои дела.

Смех.

Ведь генералу Деникину будет несравненно лучше, если тыл у него будет обеспечен.

Генерал Бич. Я очень рад, что пароход «Веренция» прибыл.

Председатель правительства. Да. А что вам известно относительно парохода «Мадрид»?

Генерал Бич. Он тоже приходит. Я хотел вам сообщить, что в газете «Таймс» от 19 марта отпечатана статья относительно администрации Грузии. Я заявляю категорически, что статья эта ни в коем случае не исходит от английского командования здесь. Если бы это зависело от меня, то я, конечно, запретил бы это печатать, но, к сожалению, газета издается в Лондоне. Я прошу этого не опубликовывать, так как не имею на это опровержение официальных полномочий и говорю об этом по дружбе.

Председатель правительства. В «Таймсе» часто печатаются статьи, направленные против нас, и так как это серьезный орган, то мы думаем, что и информация его вполне солидна. Мы полагаем, что сведения идут отсюда или из Константинополя.

Генерал Бич. Нет.

Председатель правительства. В таком случае, из Константинополя.

Генерал Бич. Здесь есть корреспондент «Таймс», — мой друг... [1] и я могу вас заверить, что к этим статьям он непричастен. Скажите, г. президент, за что закрыли газету «Грузия»?

Председатель правительства. За статьи против американцев.

Генерал Бич. Все думают и говорят, что ее закрыли по моему настоянию.

Председатель правительства. Вы тут не при чем. Газета эта вышла опять под другим названием.

Генерал Бич. Такое закрытие не достигает цели. (Со смехом.) Лучше забрать весь шрифт, а редактора засадить. Я прошу вас, г. президент, дать мне короткий исторический обзор Грузии с начала войны.

Председатель правительства. У нас печатается в Париже политический обзор Закавказья, и Грузии в частности, с 25 мая.

Генерал Бич. Меня интересует этот обзор исключительно в отношении Грузии.

Председатель правительства. Я вам пришлю его с удовольствием. Что — генерал Брикз прибыл в Екатеринодар?

Генерал Бич. Не знаю, он во-время прибыл во Владикавказ и, наверное, в тот же день проехал в Екатеринодар.

Взаимные приветствия.

11 час. 15 мин.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с британским генералом Корэ [2].

Начало в 2½ часа дня, конец 3 часа 20 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Жордания*, министр ин. дел *Е. П. Гегечкори*, генерал *Корэ*, полковник *Беллу*, офицер при генерале Корэ, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Председатель правительства. Я узнал, что генерал приехал заменить генерала Томсона. Это временное замещение? Я не видел генерала Томсона.

Генерал Корэ. Генерал Томсон спешно уехал утром и, к сожалению, не успел проститься. Я принял командование британскими силами в Закавказьи и считаю своим долгом приветствовать председателя правительства.

Председатель правительства. Очень приятно. Я думаю, что мы сообща будем дружно работать.

Генерал Корэ. Я рад это слышать и верю этому.

Председатель правительства. Последние 2—3 недели у нас были недоразумения с английским командованием на Кавказе, но я думаю, что теперь это уладится.

---

[1]) Пропуск в подлиннике. (*Прим. ред.*)

[2]) Подлинник даты не имеет. Фамилия англ. ген. Corv передается в настоящих документах их составителями различно: Коре, Корэ и Кори. Мы оставляем везде транскрипцию подлинника. (*Прим. ред.*)

Генерал Корэ. Вчера я имел удовольствие видеть трех ваших министров, и они меня тоже заверили в этом.

Председатель правительства. Здесь был на-днях генерал Мильн, и он не принял наших представителей. Мы не привыкли к такому обращению.

Генерал Корэ. Я ничего не слышал об этом. Это, должно быть, печальное недоразумение, так как генерал Мильн был в Тифлисе в самый разгар этого недоразумения.

Председатель правительства. К сожалению, это так. Я лично 25 лет и многие из теперешних членов правительства пропагандировали в пользу англичан, но теперь я должен сказать, что подобное обхождение со стороны британских властей расхолаживает нашу работу.

Генерал Корэ. Я давно слышал, что председатель правительства — большой сторонник Англии. Генерал Мильн, без сомнения, в следующий приезд посетит господина президента. Насколько мне известно, глава правительства бывал в Англии, говорит по-английски, и будет очень приятно, если президент опять посетит нас.

Председатель правительства. Благодарю вас. Скажите, чем объяснить приход итальянцев в Грузию?

Генерал Корэ. Согласно письма генерала Томсона, они приходят заменить здесь наши войска.

Председатель правительства. Надолго?

Генерал Корэ. Насколько мне известно, все будет передано итальянцам, а дальнейшая линия поведения мне неизвестна.

Председатель правительства. Но все же, сколько времени это продолжится? До решения конференции?

Генерал Корэ. Я думаю, что это один из предрешенных вопросов Парижской конференции.

Председатель правительства. Итальянцы будут самостоятельны в своих действиях, или же будут действовать согласно английских директив?

Генерал Корэ. Они будут действовать так же, как и англичане, от имени Антанты.

Председатель правительства. Такая частая перемена войск, без нашего ведома и согласия, очень неприятна. Мы уже познакомились с англичанами, они заверили нас в своих симпатиях и здесь и по сообщениям из Лондона, и вдруг теперь приходят итальянцы, — мы не знаем их намерений.

Генерал Корэ. Вы можете через своих представителей в Париже узнать от находящейся там итальянской делегации более точные сведения. Они, конечно, лучше меня осведомлены в этом вопросе.

Председатель правительства. Как вам нравится наша страна?

Генерал Корэ. О, она прелестна!

Министр ин. дел Е. П. Гегечкори. К нам не пропускают ни одного парохода с грузом из-за границы, тогда как в Константинополе скопилось громадное количество всевозможных товаров. Нельзя ли снять

блокаду с нашего побережья и прислать нам что-нибудь? Это, так сказать, ознаменовало бы ваш приезд и сыграло бы громадную роль в наших отношениях. По имеющимся у меня достоверным сведениям, один из пароходов, направляющихся в Одессу, не попал туда вследствие занятия ее большевиками. Половина груза этого парохода снята в Констанце. Нельзя ли вторую половину направить к нам, в Грузию?

Генерал Корэ. Я узнаю все подробно и обещаю свою помощь в этом направлении. Я прекрасно сознаю всю важность торговых сношений.

Министр ин. дел Гегечкори. Вчера вы просили нас, генерал, говорить чистосердечно обо всем, и вот я скажу, что за 7 месяцев пребывания в нашем крае британских сил мы не получили из Англии ни одной вещи, ни одного зерна. Это создает неприятную картину, между нами могли быть недоразумения, но это были лишь случайные явления. Мы прекрасно понимаем, как важна для нас связь с Англией, и знаем, что контакт именно с Англией для нас важнее связи с каким-либо иным государством.

Генерал Корэ. Я пошлю в Константинополь телеграмму и узнаю от главного командования обо всем. Через 2—3 дня я пришлю к вам для переговоров своего офицера. Мне известно, что несколько пароходов с грузом для Кавказа находятся в море, и сделаю для вас все, что могу.

Председатель правительства. Я думаю, вы удовлетворены объяснениями наших министров по поводу событий в Сочинском округе?

Генерал Корэ. Да, я говорил с ними по этому поводу. Что касается доктора Маговели, то сожаление правительства по этому поводу, как мне говорили, будет напечатано в местной прессе.

Председатель правительства. Да, это будет сделано. Мы получили сведения, что Деникин делает обход в сторону Сухума. Мы не желаем войны с ним, но раз он поступает так, то правительство Грузии снимает с себя всякую ответственность. Вопрос касается уже совершенно бесспорной части территории Грузии.

Генерал Корэ. Думаю, что это неверные сведения.

Председатель правительства. Нет, это точные данные нашей контрразведки в Гаграх и штаба народной гвардии. Поэтому я вас прошу, если у англичан есть связь с Деникиным, сообщить ему об этом.

Генерал Корэ. Благодарю вас за эти сведения.

Председатель правительства. Каков ваш взгляд на положение вещей в Ардагане?

Генерал Корэ. Насколько мне известно, правительство Грузии не хочет эвакуировать этого округа, но точных сведений от моих офицеров в этом районе я еще не имею.

Председатель правительства. Дело в том, что занятие Ардаганского округа стоит нам много крови, забот и денег. Кроме того, не дальше как сейчас у меня была делегация от греческого населения этого округа и просила не очищать его, так как греки боятся кровавой расправы со стороны татар за сочувствие грузинам.

Генерал Корэ. Как понять ваши слова? Значит ли это, что вы не хотите покинуть Ардаганского округа?

Председатель правительства. Нет, вопрос касается самого Ардагана и части округа по сию сторону Куры. Очищение территории названного округа мы ставим в зависимость от прихода туда на смену нам британских войск.

Генерал Корэ. Это для меня ново. Насколько меня информировал мой штаб, грузинские войска уже отходят.

Председатель правительства. Конечно, войска демобилизуются, но в некоторых частях мы удерживаем небольшие гарнизоны, впредь до замены их английскими частями. Это предпринято правительством как предупредительная мера для предотвращения возможности грабежей.

Генерал Корэ. Если войска будут отходить спокойно, то и грабежей не будет.

Председатель правительства. Мы не можем обнажать границы, в особенности такой беспокойной. Интересы государства властно диктуют именно в этой части республики держать вооруженные силы, иначе там опять начнется движение банд.

Генерал Корэ. Очень прошу: для того, чтобы не испортить добрых отношений, не брать обратно своих слов и отвести войска. Тем более, что, я знаю, там беспорядков не будет. Я приехал сюда с лучшими намерениями и не хочу их ухудшать, а потому прошу вас еще раз отвести войска. Я же, в свою очередь, снесусь с генералом Мильн и буду ходатайствовать о разрешении послать в эти части британские войска.

Председатель правительства. Кто же там будет стоять до посылки ваших войск? Эту часть нельзя ни одной минуты оставлять без вооруженной силы.

Генерал Корэ. Я ясно представляю вопрос, но прошу увести ваши войска. Повторяю, сейчас же я снесусь с Константинополем, с донесением о необходимости послать туда наши войска.

Председатель правительства. У нас не было официального решения по вопросу об эвакуации, но, действительно, мы полагали произвести отвод.

Генерал Корэ. Начало этих событий произошло без меня, но полковник Беллу говорил, что генерал Квинитадзе поехал в Ардаганский округ для отвода войск.

Председатель правительства. Нет. Он уехал для производства демобилизации, но вместе с тем и чтобы расставить по границе гарнизоны и пикеты в необходимых местах.

Полковник Беллу. Это противно просьбе генерала Мильн.

Председатель правительства. Но мы занимаем этот округ согласно письма генерала Томсона.

Генерал Корэ. Если я вас правильно понял, вы хотите поместить гарнизоны только в городах.

Председатель правительства. Да, только в городах, за исключением Поцховского района, где будет стоять часть в одном селении. Из всех других мест войска отводятся.

Генерал Корэ. Я рассмотрю этот вопрос и дня через 2—3 сообщу, но вместе с тем я прошу вас прежде чем принять какое-либо решение, взвесить его в связи с предложением генерала Мильн.

Председатель правительства. Мы не имеем претензий на Ардаганский округ, но у правительства — твердое намерение оградить себя от возможности повторения тех событий, которые имели место в этом районе, и с этой целью хотим упрочить свою границу. Конечно, если это сделают англичане, то подобный факт мы можем только приветствовать.

Генерал Корэ. Я думал, что это уже решенный вопрос, но оказывается, что это не так. Я должен с ним подробно познакомиться и затем снестись с Константинополем.

Министр ин. дел Е. П. Гегечкори. Будет хорошо, если вы будете информированы нами, так как ваш штаб может дать одностороннее освещение всему делу.

Генерал Корэ. Тогда я лучше переговорю с вами.

Председатель правительства. Имейте в виду, что мы не сделали ни одного шага без согласия англичан.

Генерал Корэ. Извиняюсь, что отнял у вас массу драгоценного времени.

Председатель правительства. Пожалуйста, всегда прошу говорить по всем интересующим вопросам лично со мною.

В заключение приветствия.

Беседа председателя правительства с командующим британскими войсками в Закавказьи генералом Кори.

31 мая 1919 года. Нач. 5 час. 30 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Кори*, полковник *Беллу*, интерпретер капитан *Хент*, интерпретер подполковник *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Кори приветствует председателя правительства и просит его объяснить, чем вызвано распоряжение грузинского правительства о задержании поезда с британскими снарядами.

Председатель правительства разъясняет генералу, что все вагоны с британским снаряжением будут пропущены беспрепятственно. Задержаны только те вагоны, в коих, по указанию самих британских офицеров, находилось русское боевое снаряжение.

Генерал Кори интересуется, что называет председатель правительства русским снаряжением.

Председатель правительства говорит, что таковым называется всякое снаряжение, имеющее русские клейма, а также патроны, по калибру своему подходящие для орудий русского образца.

Генерал Кори спрашивает, откуда председатель правительства получил сведения о присутствии в составе британского поезда вагонов с русским снаряжением.

Председатель правительства отвечает, что сведения эти получены от офицера британского штаба майора Кемпбель, который сам сообщил об этом на запрос товарища министра иностранных дел. Это снаряжение идет из Карса; были примеры и раньше, что британское командование посылало оттуда подобные поезда, и тогда правительство Грузии пропускало их, но теперь, в момент военных действий Грузии с армией генерала Деникина, подобное явление безусловно недопустимо.

Генерал Кори заверяет председателя правительства, что все это снаряжение направлялось в Баку.

Председатель правительства добавляет, что из Баку, по имеющимся сведениям, это снаряжение будет направлено на фронт к генералу Деникину.

Генерал Кори спрашивает председателя правительства: он ли задержал этот поезд?

Председатель правительства. Я.

Генерал Кори заявляет, что в таком случае придется телеграфировать генералу Мильн, что председатель правительства республики Грузии задержал британский поезд со снарядами.

Председатель правительства просит не забыть сообщить генералу Мильн и то, что с этим поездом шло снаряжение для армии генерала Деникина, который находится в состоянии войны с республикой Грузии.

Генерал Кори говорит, что кроме снаряжения было задержано и снабжение.

Председатель правительства разъясняет генералу, что в отношении перевозки снабжения британских войск в Закавказье правительство Грузии всемерно оказывает содействие и если произошли какие-либо недоразумения, то они, конечно, будут немедленно выяснены.

Полковник Беллу возражает, что начальник бронированного поезда Грузинской республики имеет предписание задержать каждый вагон из состава британского поезда, в котором будут патроны.

Председатель правительства. Нет, все вагоны с британским снаряжением будут пропущены.

Генерал Кори заявляет, что, однакоже, у начальника бронированного поезда имеется такого рода распоряжение.

Председатель правительства отвечает, что в данном случае произошло какое-то недоразумение и что он сейчас же даст соответствующее распоряжение.

Генерал Кори продолжает, что он будет вынужден послать своему высшему командованию сообщение, что весь британский состав поезда не может двинуться согласно своего маршрута ввиду угрозы грузинского правительства, переданной ему начальником бронированного поезда, открыть огонь по поезду в случае его продвижения.

Председатель правительства просит генерала, прежде чем сделать подобного рода сообщение выяснить этот инцидент, так как генерал Кори должен прекрасно знать, что до настоящего момента все составы английских поездов свободно курсировали.

Генерал Кори спрашивает председателя правительства, что он предполагает сделать с офицером, утверждающим, что существует подобное распоряжение.

Председатель правительства категорически утверждает, что подобное распоряжение в отношении всего состава британского поезда правительством Грузии никогда не делалось.

Генерал Кори утверждает, что по всему, что происходит на станции железной дороги, он вынужден предположить о существовании такого распоряжения.

Председатель правительства. Генерал может мне верить или не верить — это его дело. Но раз я говорю, что подобного распоряжения правительством Грузии не делалось, то этого достаточно.

Генерал Кори просит председателя правительства принять к сведению, что, несмотря на подобного рода заявление, поезд стоит, и ни одного вагона не пропускают.

Председатель правительства. Я — не начальник бронированного поезда и не начальник станции, поэтому не в курсе дела, что делается на вокзале. Но я повторяю, что пошлю на вокзал своего секретаря, если вам угодно, в обществе вашего офицера, который на месте выяснит все обстоятельства дела и установит факт недоразумения.

Генерал Кори после некоторой паузы говорит, что в конце концов это такое незначительное дело, что он полагает, что не стоит посылать телеграммы генералу Мильн.

Председатель правительства высказывает свое сожаление, что подобные факты и недоразумения происходят теперь, в момент ухода англичан; тогда как правительство Грузии от души хотело бы, чтобы между англичанами и грузинами оставались всегда дружеские отношения.

Генерал Кори уверяет председателя правительства в своем неизменно доброжелательном отношении к Грузии, но он полагал, что бронированный поезд стоит у британского состава со специальной задачей помешать движению поезда с английским снаряжением.

Председатель правительства говорит, что все происшедшее будет исправлено, что же касается бронированного поезда, то постоянная стоянка его ст. «Тифлис».

Генерал Кори разъясняет председателю правительства, что вагоны с русским снаряжением посылались к туркменам, но не Добровольческой армии, так как Деникина нет в Баку.

Председатель правительства отвечает, что это снаряжение пока может быть передано Добровольческой армии через Баку в Петровск. Затем председатель правительства спрашивает генерала Кори, известно ли ему, что со вчерашнего дня добровольцы ведут наступление на речке Мехадырь.

Генерал Кори задает вопрос председателю правительства: хочет ли Грузия оставить себе задержанное снаряжение?

Председатель правительства. Нет. Но мы не хотим и не позволим, чтобы нашему противнику через нашу территорию посылалось бы подкрепление.

Генерал Кори спрашивает, почему не осведомились у него прежде нежели приступить к каким-либо решительным мерам.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что накануне исключительно по поводу вагонов с русским снаряжением беседовал с майором Кемпбель.

Генерал Кори интересуется узнать, чем объясняются подобные экстренные меры. Не было ли паники среди населения?

Председатель правительства уверяет, что паники никакой не было. Но генерал должен понять, что Грузия не может видеть для себя в настоящий момент абсолютно никакой выгоды в том, чтобы подкрепление Деникину пересылалось через грузинскую территорию.

Генерал Кори. Из личного уважения к вам, г. председатель, я оставлю спорные вагоны в Тифлисе, но остальные должны быть немедленно отправлены по назначению.

Генералу Брикз уже дано мною предписание оставить вагоны с русским снаряжением, а остальные двинуть, но ваши воинские чины их не пропустили.

Председатель правительства. Это недоразумение будет исправлено.

Генерал Кори просит во всех случаях извещать непосредственно его.

Председатель правительства замечает, что генерала не хотели беспокоить из-за пустяков.

Генерал Кори. Но это был не пустяк. Остановили весь британский поезд.

Председатель правительства. По этому вопросу говорили с Кемпбелем и тогда же ему указали на то, что вагоны не входили в состав поезда, так как стояли без паровоза.

Генерал Кори спрашивает, в первый ли раз задерживаются английские вагоны?

Председатель правительства. Да.

Генерал Кори: И последний?

Председатель правительства. Надеюсь.

Генерал Кори (с улыбкой). Не надеюсь, а наверное.

Председатель правительства. При условии, что вагоны не будут отправляться генералу Деникину.

Затем председатель правительства напоминает генералу Кори, что генерал Томсон обещался отдать грузинскому правительству часть патронов, оставшихся в Карсе.

Генерал Кори спрашивает: не этим ли обстоятельством объясняется задержка вагонов?

Председатель правительства. Нет, я только сегодня узнал об этом.

Генерал Кори просит председателя правительства не сомневаться, что все это снаряжение направлено к туркменам, борющимся с большевиками, и думает, что правительство Грузии не против военных действий с последними.

Председатель правительства говорит, что грузинское правительство против тех, кому это оружие, в действительности, посылается.

Генерал Кори спрашивает: сознает ли правительство Грузии, что Деникин действительно воюет с Грузией?

Председатель правительства отвечает, что это безусловно так, и в настоящий момент опасность грозит со стороны Баку. Правительство республики собирается о подобном факте широко оповестить правительства Англии и прочих европейских государств.

Генерал Кори выражает сомнение в действительности факта войны и высказывает опасение, что у правительства Грузии неверные сведения.

Председатель правительства задает генералу Кори вопрос: за что он считает боевую стрельбу между двумя различными по национальности военными частями, когда налицо имеются убитые и раненые?

Генерал Кори просит разрешения задать председателю правительства еще два вопроса: 1) когда можно будет получить сумму в 1.000.000, ассигнованную грузинским правительством семье убитого английского офицера (доктора)?

Председатель правительства. Когда угодно.

Генерал Кори. 2) Об Ардаганском вопросе. Генерал Кори уже говорил генералу Гедеванову о том, как происходит эвакуация грузинского войска из этого района; были, например, случаи, что войска, отходя, угоняли с собою и скот, — правда, генерал Гедеванов распорядился оставить скот на месте. Кроме того, генерал-губернатор Батумской обл. Кук-Коллис против оставления в Ардагане грузинского гарнизона численностью в 50 человек. Генерал Кори посылает туда британские силы, и с их приходом грузины должны покинуть Ардаган.

Председатель правительства высказывает свое недоумение по этому поводу, так как генерал Кори лично в беседе с военным министром решил, что гарнизон этот останется, ввиду необходимости иметь защиту на этом фронте. Раз таковое решение состоялось, то его следует выполнить. Последнее предложение генерала Кори ставит председателя правительства в необходимость вновь переговорить по этому вопросу с военным министром. Кроме того, председатель правительства имеет сведения, что в Ардагане появился офицер армянской части; из этого председатель правительства делает вывод, что английское командование, в лице генерала Кори, передало потустороннюю часть Ардаганского округа в распоряжение армян.

Генерал Кори. С приходом британских военных сил не будет надобности ни в грузинских, ни в армянских частях.

Председатель правительства сообщает генералу, что грузинское правительство не хотело бы ни в стратегическом, ни в географическом отношении отделить Поцховский округ от Ахалцыхского.

Генерал Кори заверяет, что это так не будет. Он уже послал по этому поводу телеграмму генералу Мильн, и когда оттуда прибудет британский офицер, обо всем будет сообщено председателю правительства. Генерал Кори рад, что все выяснилось, так как до этого он был «целый день недоволен председателем правительства,— может быть, вы, ваше превосходительство, тоже чем-нибудь недовольны?»

Председатель правительства говорит о гагринском вопросе и о том, что англичане не хотели употребить свое влияние для того, чтобы заставить Деникина признать нейтральную зону, которая явилась бы единственно справедливым решением создавшегося вопроса.

Генерал Кори. Значит, у вас идет сейчас спор?

Председатель правительства говорит, что там идет сейчас бой, и генерал Брикз, от которого правительство Грузии ждало, что он примирит воюющие стороны, занял такую позицию, являясь открытым сторонником генерала Деникина, что еще более рассорил их; все это производит дурное впечатление в народе и отнюдь не способствует укреплению его симпатий к англичанам. Народ думает, что это не личный взгляд генерала Брикз на создавшееся положение, но взгляд всей английской нации.

Генерал Кори. Да, генерал Брикз высказал здесь много своих личных взглядов.

Председатель правительства продолжает: «Генерал Брикз чуть не в виде угрозы говорил, что у Деникина имеются танки, крейсеры и т. п. У правительства Грузии создался взгляд, что все, чем добровольцы снабжались союзниками против большевиков, все это направлено против республики Грузии».

Генерал Кори. Это говорил Брикз?

Председатель правительства. Да он вообще не хотел говорить ни о чем ранее ухода грузинских войск за р. Бзыбь.

Генерал Кори спрашивает: не говорил ли ранее этого о чем-нибудь генерал Брикз.

Председатель правительства. Нет.

Генерал Кори. Если к нам сюда придут танки, я с удовольствием передам вам их в пользование.

Председатель правительства. Спасибо, вот собственно в чем заключаются наши неудовольствия.

Генерал Кори просит председателя правительства впредь не задерживать британских вагонов.

Председатель правительства повторяет, что не только не бывает задержки британских вагонов, но даже отдано специальное предписание оказать англичанам всемерное содействие в перевозках. К сожалению, происходит много эксцессов на почве обслуживания английских поездов, и виновниками является английская поездная прислуга. Бьют и самих агентов и довели служащих до того, что последние грозят забастовкой. Об этом правительство уже письменно сообщило британскому командованию.

Генерал Кори. Это, должно быть, единичные случаи и чересчур мелкие, «чтобы ваше превосходительство беспокоили себя по этому поводу».

Председатель правительства. Да, но я говорю об этом в связи с вашим удобством и желанием планомерной перевозки войск, снаряжения и снабжения.

Взаимные приветствия.

Разговор окончен в 6 час. 35 мин. вечера.

Беседа председателя правительства республики Грузии Н. Н. Жордания с английским генералом Бич.

Началась 6 июня 1919 года в 1 час 5 мин.

Присутствовали: *Ной Николаевич Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Бич. Я только что прибыл из Эрзерума, куда ездил с целью познакомиться с положением вещей в этом районе.

Сегодня я получил письмо и думаю, что можно будет вновь открыть переговоры с Добровольческой армией, и хотя это — частное сообщение, но я уверен, что оно вполне заслуживает доверия.

Председатель правительства. Мы тоже ждем возобновления переговоров, так как не можем вечно стоять на фронте. Либо война — либо мир. Известно ли вам, генерал, что четвертого дня добровольцы произвели наступление, были убитые и раненые?

Нами наступление было отбито, но грузинские войска не переходили в наступление.

Генерал Бич. Это были армяне.

Председатель правительства. Армяне у добровольцев в передовых частях.

Генерал Бич. Насколько мне известно, генерал Деникин в это время не переходил в наступление. Я хотел с вами переговорить о закрытии тифлисской газеты. Официально сообщается, что газета закрыта за напечатание сведений о наступлении Деникина.

Председатель правительства. И за то, что эта газета является деникинским органом, неоднократно писавшим и одобрявшим политику этого генерала.

Генерал Бич. А против английской части газеты вы ничего не имеете против?

Председатель правительства. Нет.

Генерал Бич. Я прошу вас указать статьи, за которые эта газета закрыта, так как редактором там состоит капитан Линдлей-Скотт, и было бы неприятно, если английская газета будет закрыта.

Председатель правительства. Английская газета может печататься сколько угодно; мы — против тех статей, которые помещаются в русской части «Тифлисского Листка».

Генерал Бич. Я прошу вас дать мне список этих статей.

Председатель правительства. Это дело министерства внутренних дел.

Генерал Бич. Может быть, вы распорядитесь...

Председатель правительства. Я не могу сделать подобных распоряжений, так как это будет иметь вид вмешательства англичан в наши личные дела. В частном порядке, из симпатии лично к вам, генерал Бич, я попрошу доставить интересующие вас статьи.

Генерал Бич. Тогда вы разрешите мне сейчас поехать к г. Рамишвили.

Председатель правительства. Я бы советовал вам поехать завтра, так как ему нужно будет распорядиться, чтобы приготовили все материалы по этому предмету. Ведь вы понимаете, генерал, что статьи эти у него не в портфеле, под рукой, а имеются в делах канцелярии.

Генерал Бич. Редактор «Тифлисского Листка» г. Франчески, высылаемый ныне из пределов Грузии, обратился за помощью к редактору английской части «Тифлисского Листка» — Линдлей-Скотт с просьбой о содействии, но он ничего не может сделать, и Франчески сердится.

Председатель правительства. При чем же редактор английской газеты? Разве он информировал г-на Франчески?

Генерал Бич (поспешно). Нет. Но они оба обратились ко мне с просьбой узнать, за что высылается г. Франчески.

Председатель правительства. Может быть, Линдлей-Скотт не знает причины, но Франчески знает очень хорошо.

Генерал Бич. А могу я частным образом узнать причину?

Председатель правительства. Пожалуйста, — за антиправительственное направление газеты, распространение вздорных слухов и сочувствие к генералу Деникину.

Генерал Бич. Не был ли он агентом генерала Деникина?

Председатель правительства. Не знаю.

Генерал Бич. Франчески мне казался умеренным.

Председатель правительства. Он был в нашей партии, и мы его все хорошо знали. Он был в свое время выслан, но затем вернулся. Повторяю, что мы его хорошо знали.

Генерал Бич. А ваше мнение?

Председатель правительства. Затрудняюсь сказать. Судя по газетным материалам, по высказываемым взглядам и т. п., он был определенным сторонником Деникина. Этот случай почти аналогичен с высылкой председателя Русского национального совета Лебедева, которому предложили покинуть пределы Грузии за доносы Деникину и Краснову.

Генерал Бич. Что же Лебедев и Франчески были в контакте?

Председатель правительства. Не знаю, но они были хорошими друзьями. Вообще русский национальный элемент здесь агитирует за Деникина, а местные русские жители, сжившиеся здесь, его не пере-

варивают. Лучшим доказательством служит последний съезд русских жителей Закавказья, когда все чиновники, сторонники Деникина, были удалены со съезда, а оставшиеся в громадном большинстве голосовали за нас. Настоящие русские коренные жители Грузии не переваривают генерала Деникина и его реакционную политику.

Генерал Бич. У меня к вам просьба частного характера. Один мой друг просил узнать, кто у вас в Грузии лучший адвокат по гражданским делам.

Председатель правительства. Лучшим не только в Тифлисе и Грузии, но и на всем Кавказе по гражданским делам считается Серг. Дав. Джапаридзе.

Генерал Бич. А криминалист?

Председатель правительства. Долуханов, Месхиев.

Генерал Бич. Очень благодарен.

Председатель правительства. Я очень прошу вас, если будут иметься какие-либо определенные сведения о Деникине, не отказать в любезности сообщить мне.

Генерал Бич. Всегда к вашим услугам.

Взаимные приветствия.

Беседа окончена в 1 час 10 мин.

Беседа заместителя председателя правительства министра иностранных дел Е. П. Гегечкори с чрезвычайным комиссаром Англии в Закавказьи сэром Уардроп.

4 сентября 1918 года [1]).

Начало 1 час 40 мин. дня; конец 2 часа 15 мин. дня.

Присутствовали: заместитель председателя правительства министр иностранных дел *Е. П. Гегечкори*, чрезвычайный комиссар Англии в Закавказьи сэр *Уардроп*, товарищ министра иностранных дел *К. Б. Сабахтаришвили*, интерпретер *Л. Г. Меликов*, секретарь *К. Г. Мачавариани*.

Е. П. Гегечкори. Я очень огорчен, сэр, что болезнь помешала мне в эти дни повидаться с вами.

Сэр Уардроп. Надеюсь, что теперь вы чувствуете себя лучше?

Е. П. Гегечкори. Благодарю вас. Как вы устроились и довольны ли своим помещением?

Сэр Уардроп. О, да, очень благодарен.

Е. П. Гегечкори. Мне хотелось бы, сэр, поговорить с вами по общим вопросам, и поэтому я прошу вас назначить время, когда вы сможете выслушать меня.

Сэр Уардроп. Хоть сейчас.

Е. П. Гегечкори. Одной из главнейших задач для себя я считаю необходимость правильно информировать вас обо всем происшедшем

[1]) Так в подлиннике; следует: «1919 года». (*Прим. ред.*).

в Грузии за последнее время. Делаю это с исключительной целью предостеречь вас от каких-либо ошибок как следствие недостоверных сведений, доставленных вам кем-либо со стороны. К нашему искреннему огорчению, правительство Грузии, несмотря на всяческие попытки, не смогло установить до сих пор желательного контакта с британским командованием в Закавказьи. Рассматривая внимательно указанный факт, я полагаю, что основной причиной этого явления была враждебная для нас информация представителей английского командования. Самым веским аргументом против Грузии приводилось пребывание в нашей стране германских войск, и это создавало чувство недоброжелательности. Когда же, наконец, после долгих усилий, мы рассеивали это настроение, командующий войсками уходил, и взамен их являлись новые; и снова приходилось повторять правительству ту же работу. За 6 месяцев пребывания англичан в нашей стране сменилось три генерала: генерала Уоккера сменил генерал Томсон, и на место последнего приехал сравнительно недавно генерал Кори. Этим людям, как военным лицам, при всем искреннем желании, трудно было ориентироваться в тех сложных и запутанных экономических, политических и национальных вопросах, которые переплетаются здесь. Прибавьте к этому предвзятое чувство раздражения, о котором я уже говорил. Должен оговориться: генерал Кори, ныне находящийся здесь, глубже своих коллег вник в сущность дела и взял более или менее правильный курс. Но в общем враждебная информация делала свое, и ваши генералы, возвращаясь в Англию, без сомнения, отзывались неблагоприятно о нашей стране.

Сэр Уардроп. Считаю нужным вам сказать, что перед отъездом из Англии я говорил с генералом Томсоном и вывел заключение из разговора с ним, что он очень тепло относится к Грузии и к Закавказью вообще.

Е. П. Гегечкори. Все же, я полагаю, что они могли это сделать. Как бы то ни было, факт остается фактом, и по существу дела мы поговорить с ними не могли. Все наши попытки в этом направлении разбивались о стереотипную фразу английских генералов: «Мы — простые солдаты, политика — вне нас. Наша задача сохранить порядок». Очевидно, это являлось следствием отсутствия у них соответствующих полномочий на ведение каких бы то ни было политических переговоров. Таково было положение дела до вашего прибытия сюда. Теперь я позволю себе развить перед вами точку зрения моего правительства: мы великолепно понимаем, что без могущественного союзника Грузии трудно будет добиться признания своей независимости, ибо не только мы, но и сравнительно большие государства Европы, более обеспеченные в финансовом отношении, не могут существовать в настоящий момент без поддержки извне. Правительство Грузии сознает, что оно должно опереться на какой-нибудь крепкий государственный организм, и это сознание продиктовало нам определенную ориентацию на Англию. Конечно, мы знаем, подобная помощь со стороны Соединен-

ного королевства должна быть компенсирована нами в том или ином направлении. К сожалению, до сих пор мы не можем получить ответа на этот столь существенный для нас вопрос. Я резюмирую все сказанное мною: при создавшейся конъюнктуре Грузия не может одна без поддержки пройти сквозь горнило испытаний, она просит помощи у Англии и хочет знать, чего захочет Англия взамен. Высказанное мною положение есть результат совещаний правительства, и нужно сказать, что по этому вопросу у нас не было никаких разногласий. Настоящий момент осложняется уходом британских вооруженных сил из Закавказья. И этот факт взволновал общественное мнение Грузии. Конечно, мы боимся не за себя, ибо Грузия собственными силами сможет сохранить порядок внутри страны и защитить себя, но, к счастью или к несчастью, мы слишком тесно связаны со своими соседями. Добавьте к этому, что турки стоят в Эрзеруме. Достаточно, чтобы англичане, являвшиеся сдерживающим элементом, ушли, как тотчас же создадутся осложнения с юга и севера. Исходя из этой точки зрения, мы официально просили мирную конференцию, Лондон и здешнее британское командование оставить хотя бы часть английских войск в Закавказьи. Нам обещали дать ответ, но до сих пор его нет. В настоящее время правительство Грузии обеспокоено, что ваша работа, сэр, будет парализована. Конечно, наши войска всегда будут к вашим услугам, но их может оказаться недостаточно. Такое положение затормозит вашу работу и одновременно подорвет престиж Англии в Закавказьи, то их можно было оставить хотя бы только в Армении [1]). Еще одно больное место в жизни нашего государства — это вопрос о Батумской области и городе Батуме; в связи с этим грузинское правительство своевременно послало соответствующий меморандум английскому командованию. Историческая сторона этого дела такова: я был председателем Закавказского комиссариата, когда мы потеряли Батум. Потеря его явилась следствием тогдашней нашей слабости. Мы объявили войну Турции, чтобы парализовать позорный Брест-Литовский договор, признать который народы Закавказья не хотели и не могли. Вы понимаете, конечно, что такое выступление со стороны Закавказского комиссариата навлекло на себя гнев Турции и Германии, — повторяю, мы были слабы, и этому была причиною семисоттысячная большевистская армия русских солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта и находившаяся у нас в тылу. Поддерживая порядок в этом направлении, нехватило сил отстоять Батум; он был взят, а за ним мы потеряли Озургеты. Только у реки Чолока мы могли остановить наступление турок, разбив их дивизию, причем турки оставили на поле сражения 1.500 трупов. Неизвестно, чем все могло кончиться, если бы не приход германцев, прекративших своим вмешательством войну. Мы думали, что, учтя все происшедшее, союзники, придя в Закавказье, передадут нам Батум, но, к сожале-

[1]) Так в подлиннике.

нию, они этого не сделали. Английские власти, заняв город, не доверяя нам и не зная, на кого опереться, поручили оставшимся русским чиновникам организовать управление Батумской областью. Кто были эти господа и какова их политическая физиономия, вы можете установить из того факта, что они первые приветствовали турок и явились в свое время их проводниками при взятии Батума. Созданный ими совет по управлению делами Батумской области вскоре был распущен английским военным командованием ввиду полнейшего бесправия, воцарившегося в этом крае. Сейчас там царит безвластье, и, очевидно, обоюдные наши интересы властно диктуют создать в Батумской области известный правопорядок.

Перехожу к вопросу финансовому. Вы знаете наше положение, мы до сих пор существуем собственными силами. Не имея возможности создать товарообмен, не получая продовольственной помощи, наши финансы так расшатались, что если в ближайший срок мы не будем поддержаны, то запоздавшая помощь может оказаться бесплодной. Мы не могли добиться товарообмена с Англией, так как она либо не хотела его, либо была слишком занята более сложными вопросами, но вы, конечно, поймете, как все это важно было для Грузии. Вот собственно комплекс всех положений, какие я имел сообщить вам от имени правительства. Все необходимые материалы по каждому вопросу, если вы захотели бы ознакомиться с ним подробнее, будут немедленно предоставлены в ваше распоряжение. Правительство Грузии твердо верит, что найдет точки соприкосновения и общий язык с Англией. Грузия, являющаяся дорогой в Переднюю Азию, должна заинтересовать Великобританию, и последняя безусловно протянет руку помощи грузинскому народу, который через ряды столетий пронес светоч культуры и цивилизации. Вы так основательно знаете историю нашего народа, что я считаю лишним указывать вам на эти факты.

Сэр Уардроп. Я не получал определенных инструкций от моего правительства, но обо всем сказанном вами сообщу немедленно в Лондон, и тогда по каждому вопросу я вам дам исчерпывающий ответ.

Е. П. Гегечкори. Что касается Батумской области и города Батума, то мы уже снеслись через представителя британского командования в Тифлисе с вашим правительством. Мой товарищ сообщит вам подробности наших предложений.

К. Б. Сабахтаришвили. Наши предложения таковы: Грузии передают Батумскую область, в которой она организует власть, опираясь на широкие народные массы. Муниципальное управление города организуется на выборных началах. Порт предоставляется англичанам как военная база и угольная станция на Черном море.

Е. П. Гегечкори. На эти предложения нам ответили, что они в принципе приемлемы, но определенного ответа мы до сих пор не имеем. Ваше доброжелательное отношение к нам является лучшей гарантией, так

что вы поддержите наше предложение для разрешения его в благоприятном смысле.

Сэр Уардроп. Я должен вам сказать, что телеграфировал в Лондон о прикомандировании ко мне финансового советника и жду в скором времени его приезда.

Е. П. Гегечкори. Мне сейчас сообщили, что вы не имеете с собой автомобиль, прошу вас, сэр, располагать любой из наших машин.

Сэр Уардроп. О, не беспокойтесь. Мой автомобиль остался в Батуме и на-днях будет доставлен сюда. Боюсь воспользоваться вашею любезностью, чтобы не обеспокоить вас.

Е. П. Гегечкори. Прошу вас. Сегодня же автомобиль будет в вашем распоряжении.

Взаимные приветствия.

Мемуар грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин [1]).

Угроза Грузии со стороны генерала Деникина и роль британских генералов.

Октябрьское перемирие с Турцией предусматривало, между прочим, увод турецких войск из пределов Закавказья и занятие этого края войсками Согласия, а именно британскими. До перемирия турки занимали всю Азербайджанскую республику, больше половины Армянской республики и несколько провинций Грузинской республики (Батумская область, половина Карской области, Ахалкалакский уезд, части Ахалцыхского и Борчалинского уездов Тифлисской губ.).

Приход британских войск в Грузию в январе 1919 года был встречен всеми слоями населения с чувством удовлетворения. На это были две причины: 1) грузины видели в англичанах, как в представителях старейшей демократии Европы, истинных защитников права на самоопределение маленьких угнетенных народов и 2) англичане вместе с союзниками освободили весь Кавказ от турецкой опасности. Внутри республики грузинский народ не нуждался, разумеется, в иностранной военной помощи, ибо в ней давно господствовал полный порядок, и правильно функционировали как парламент, так и другие государственные и общественные учреждения.

Надежды грузинского народа на Англию нашли как будто свое подтверждение в одной официальной ноте, которую британское министерство иностранных дел передало еще в ноябре 1918 года в Лондоне представителю грузинского правительства г. Авалишвили. В этой ноте от имени британского правительства выражалась симпатия к независимости Грузии, а также в ней было дано формальное обещание под-

---

[1]) Воспроизводится здесь с рукописи, найденной в делах личного архива А. Чхенкели, хранящегося в Тифлисе в Музее революции СС Грузии.

держать грузинскую делегацию в деле допущения ее на Парижскую мирную конференцию.

Но позиция, занятая британскими генералами в Тифлисе в вопросе о взаимоотношениях между Грузинской республикой и Добровольческой армией генерала Деникина, в сильной степени поколебала веру грузинского народа.

В том факте, что реакционер и поборник восстановления царской России генерал Деникин с ненавистью смотрит на независимость Грузии и на господство в ней демократии, ничего удивительного нет. Удивляться следует, наоборот, тому, что британские генералы на Кавказе оказывают этому черному генералу активную помощь в его стремлении уничтожить независимость и свободу как Грузинской, так и остальных кавказских республик.

В доказательство сказанного достаточно будет привести несколько наиболее ярких фактов:

1) Не довольствуясь тем, что союзники обильно снабжают Добровольческую армию Деникина деньгами, оружием и амуницией, британские генералы в Тифлисе не останавливаются перед тем, чтобы взять из города Карса его крепостную артиллерию и демонстративно провозить ее через грузинскую территорию для передачи генералу Деникину. Той же участи подвергся грузинский город Батум, откуда были взяты тяжелые орудия и переданы генералу Деникину. Мало того, британские генералы отобрали у грузинского правительства в другом грузинском городе Поти несколько истребителей и тем лишили Грузию возможности защищаться от Деникина со стороны моря.

2) Город Батум и вся Батумская область временно оккупированы британскими войсками на основании перемирия с Турцией. Известно, что подавляющее большинство населения всей Батумской области составляют грузины — магометане и христиане, причем сам город Батум в большинстве населен грузинами-христианами. Что делает британский генерал-губернатор там? Он передал управление батумским муниципалитетом так называемой временной комиссии девяти, состоящей поголовно из русских реакционеров, по собственному назначению. Когда грузины запротестовали против этой несправедливости, британский генерал лишь в ничтожном меньшинстве допустил их участие в городском самоуправлении. Что же касается устройства новых демократических выборов в городское самоуправление, которого потребовали грузины, британский генерал-губернатор наотрез отказал им в этом. Таким образом, население города лишено даже того элементарного права, которым оно пользовалось во время царизма, когда все самоуправление города, несмотря на националистическую политику русского правительства, находилось в большинстве в грузинских руках.

Еще хуже обстоит дело в провинции, где начальниками участков и округов, словом — чиновниками, британским генерал-губернатором назначаются исключительно русские реакционеры, перешедшие у него

на службу от генерала Деникина. Дело дошло до того, что старый царский губернатор Батумской области генерал Романовский-Романько восстановлен в своей прежней должности.

Но наиболее скандальным фактом является то, что, с ведома и разрешения британского командования, в пределах Батумской области собираются сотнями и тысячами враги Грузинской демократической республики, в особенности из стана Добровольческой армии Деникина, и образовывают, таким образом, грозную вооруженную силу на грузинской же территории.

3) В феврале 1919 года Добровольческая армия напала неожиданно на Грузинскую республику со стороны Черноморского побережья и заняла весь Сочинский округ и часть Сухумского округа. Это произошло при пассивном созерцании англичан, и, лишь когда грузинское правительство заявило энергичный протест, британское высшее командование в Константинополе, по предложению британского правительства, потребовало от генерала Деникина эвакуации занятой территории, чего, разумеется, последний не исполнил.

Очутившись, таким образом, в смертельной опасности, грузинское правительство, с ведома и согласия британского генерала в Тифлисе г. Томсона, нашло необходимым отобрать обратно у Деникина, по крайней мере, часть Сухумского округа, а именно Гагринский район, что и было выполнено грузинскими войсками почти без пролития крови. Дело в том, что Гагринский район до реки Мехадырь всегда составлял нераздельную часть Сухумского округа или Абхазии, входящей в качестве автономной области в Грузинскую республику и населенной в большинстве грузинами-мингрельцами. Генерал Деникин, зная хорошо, что занятие Гагринского дефиле отдавало ему в руки стратегический ключ всей Грузии, поставил грузинскому правительству ультиматум об очищении этого дефиле до реки Бзыбь, грозя в противном случае войной.

Какую роль сыграли в этом споре между Деникиным и грузинским правительством британские генералы? Вот факты, взятые из двух официальных протоколов о переговорах между британскими генералами и грузинским правительством от 23 и 24 мая 1919 года по этому поводу. Английские генералы Briggs и Beech, взяв демонстративно сторону Деникина, потребовали от грузинского правительства удовлетворить последнего, т.-е. отдать ему стратегический ключ Грузии. Они не захотели принять во внимание даже того факта, что Деникин, вопреки предложению британского правительства и командования, не эвакуировал Сочинского округа, и, напротив, предлагали, как бы в вознаграждение за это, отдать ему, Деникину, новую территорию.

Генерал Briggs открыто заявил во время переговоров: «Je parle en qualité du représentant de Dénicine et non du gouvernement anglais»[1]).

[1]) «Я говорю в качестве представителя Деникина, а не английского правительства».

Генерал Beech заявил с своей стороны: «Le général Briggs aime beaucoup Dénicine, et Dénicine aime beaucoup Briggs» [1]).

Генерал Briggs не скрывал своего отрицательного отношения к независимости Грузии, игнорируя тем самым официальную ноту британского правительства об его симпатии как раз к этой независимости. Вот его слова: «Ces petits États (т.-е. Грузинская демократическая республика и угнетенная Деникиным Кубанская область) sont en effet trop faibles, ils ne doivent pas se quereller, mais au contraire s'unir» [2]). Генерал приглашал маленькую Грузию поддержать Деникина в его борьбе против большевиков, что на самом деле является борьбой за восстановление царской России. «Une entente avec Dénicine ferait considérablement monter la Géorgie dans l'estime du monde civilisé en lutte contre la bolchéviste» [3]).

Грузинское правительство, оставаясь верным своему долгу перед народом, не могло принять предложение британских генералов и согласилось очистить Гагринский район лишь в том случае, если его займут, до разрешения этого спорного вопроса Парижской конференцией, войска союзников. В ответ на это генералы начали устрашать правительство... [4]) прямо заявил: «...».

Таким образом, британские генералы находили совершенно в порядке вещей, чтобы генерал Деникин полученное от союзников вооружение использовал против свободной и демократической Грузии.

4) Намерения генерала Деникина идут дальше Грузии, он стремится задушить и другие республики Кавказа. Весной этого года его банды, с известным кровожадным генералом Ляховым во главе, с тем самым Ляховым, который в 1908 году по приказу царя Николая II разогнал персидский парламент и расстрелял десятки депутатов, заняли насильственно Республику горцев Северного Кавказа и разогнали их парламент и правительство. Теперь банды Деникина стоят на границе с Азербайджанской республикой и готовят ту же участь как последней, так и Грузинской и Армянской республикам. И все это неслыханное попирание прав народов и их свобод происходит на глазах британских генералов, при их явном сочувствии и даже содействии.

5) 11 июня 1919 года J. Cory, major général, commandant des forces britanniques en Transcaucasie, сообщил от имени британского правительства председателю грузинского правительства новую демаркационную линию между генералом Деникиным и кавказскими государствами. На основании этой линии Гагринский район отходит к Деникину, стало быть, ему открывается свободный путь для его завоевательных целей в глубь Грузии. В ответ на это сообщение грузинское

---

[1]) «Генерал Брикз очень любит Деникина, а Деникин очень любит Брикз».

[2]) «Эти маленькие государства в действительности слишком слабы, они должны не враждовать между собой, а, напротив, быть в единении».

[3]) «Соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом».

[4]) Пропуск в подлиннике.

правительство обратилось с энергичной нотой непосредственно к г.... [1]), в которой оно требовало превратить Гагринский район в нейтральную зону, расставив там английские пикеты.

Приведенных фактов достаточно для характеристики роли британских генералов на Кавказе вообще и в Грузии в частности. Названные генералы ведут явно вредную политику не только для кавказских народов, но и для самого британского народа, ибо восстанавливают первых против второго.

Грузинский народ не может допустить, чтобы британские генералы в Тифлисе по прямому указанию из Лондона поддерживали Деникина против Грузии. Это противоречило бы как традициям британской демократии, так и самой элементарной справедливости. Грузинский народ явно выразил свою твердую волю к независимости; будучи противником большевистской анархии, он установил у себя демократический республиканский строй, созвал Учредительное собрание, ввел провинциальные selfgovernments и т. д.; он сильно рассчитывал на то, что британское правительство сдержит свое обещание и, согласно провозглашенным им во время войны принципам, поддержит молодую Грузинскую республику в ее стремлении быть признанной и введенной в союз народов.

Нашествие Деникина означает торжество анархии и гражданской войны в Грузии. В этом не может быть заинтересованным британское правительство.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Начало врангелевщины.

Октябрь 1919 года оказался переломным месяцем в истории гражданской войны. Войска Деникина («Вооруженные Силы Юга России»), заняв, было, Орел, остановились, дрогнули и с дружной стремительностью покатились снова на юг через всю Украину до Новороссийска.

Деникин был разгромлен. 25—27 марта эвакуировался Новороссийск, побивая все рекорды панических сумбурных эвакуаций. Деникинщине настал конец. Попав в Крым, Деникин еще пытался что-то предпринять, как-нибудь собрать силы. Он издал даже приказ о реконструкции своего правительства, распустив, «ввиду сокращения территории, занятой В. С. Ю. Р.», Совет Министров и поручив Бернацкому создать «упрощенное деловое учреждение».

Но все это было впустую. За Деникиным никто не шел, его имя было окончательно дискредитировано.

Руководители белой армии стали готовиться к смене командования. Было собственно два серьезных кандидата в преемники Деникину: Слащев и Врангель. Последний все время находился в оппозиции Деникину и только недавно был устранен от должности и выслан за границу. Неудивительно, что в момент полного дискредитирования Деникина Врангель получил наибольшие шансы на успех. Слащев учел положение и не стал тягаться за власть. «Дворцовый переворот» произошел безболезненно.

4/IV (22/III) 1920 г. на заседании высших чинов белой армии Врангель был избран главнокомандующим В. С. Ю. Р. Деникину оставалось лишь подписать приказ о назначении его своим преемником.

Южная контрреволюция вступила в новую и последнюю фазу своего существования.

В тяжелой обстановке начинал Врангель свое царствование.

Всю территорию его «государства» составлял Крымский полуостров. Сил было мало. Корпус Слащева, который, отступив в Крым с севера, задержал Красную армию у перешейков и в течение нескольких месяцев удерживал Крым, — был наиболее дисциплинированной и боеспособной единицей. Но он не превышал $7^1/_2$—8 т. человек. Остальная масса войск состояла из жалких остатков деникинской армии, бежавшей в Крым из Новороссийска. Это были совершенно расстроенные, недисциплинированные, плохо вооруженные казачьи части [1]), почти без лошадей, и сравнительно лучше сохранившийся корпус ген. Кутепова (около 30 тыс. чел.).

[1]) Главным образом остатки Донской армии, численностью около 15 тыс. чел. Меньшая часть Донской армии с Кубанской армией отступила из Новороссийска в направлении к Грузии и в Крым была перевезена позже.

Печально было и экономическое положение Крыма. Уже изнуренный гражданской войной полуостров был переполнен войсками и колоссальным количеством беженцев. С первых же дней стал осложняться продовольственный кризис.

Однако не в этом было самое страшное.

Хуже всего было то, что отношение союзников вызывало большие опасения.

Ряд причин заставил союзников усомниться в возможности продолжать старые способы борьбы с большевизмом. Вокруг «русского вопроса» сплетался сложный узел противоречивых интересов. Непримиримое отношение к русскому большевизму оставалось; к нему присоединялся все увеличивающийся страх, что р у с с к и й большевизм окончательно утратит свое местное значение и перекинется и в другие страны. Но на-ряду с тем учитывались все неудачи прежних попыток интервенции. Была также боязнь, — не во всех, правда, странах одинаковая, — что активная, явная борьба с Советской властью обострит внутреннюю классовую борьбу, вызовет резкое недовольство своего рабочего класса. Наконец, тяжелое экономическое положение властно диктовало необходимость так или иначе вовлечь Россию в международный товарооборот.

Здесь не место подробно разбираться во всех этих противоречивых столкновениях интересов. Важно лишь то, что появление Врангеля на сцену произошло тогда, когда союзники пересматривали «русский вопрос» и строили новые планы его разрешения. Укажем хотя бы на знаменитое постановление Верховного Союзного Совета, принятое 16 января 1920 г., по которому признавалось необходимым возобновить торговые сношения с Россией. Речь, правда, шла о сношениях не с Советским правительством, а «с населением Советской России», но по существу дело сводилось к прекращению блокады. Это половинчатое решение изобличало неопределенность во взглядах, неуверенность политики. Колебательное настроение союзников станет еще более наглядным, если мы вспомним, что в тот же день 16 января Верховный Союзный Совет постановил не возобновлять с Советской Россией сепаратных дипломатических сношений, а всего лишь через месяц, 23 февраля, было решено предоставить право каждой отдельной державе вести самостоятельную политику по отношению к Советской России.

Если к сказанному добавить, что, перед самой сменой командования, Англия, которая доселе была фактической распорядительницей «Вооруженных Сил Юга России», содержа их почти всецело на свой счет, выступила с требованием прекратить военные операции против большевиков, — картина неопределенности «международного положения» нового «государства» станет для нас еще более ясной.

Будущее показало, что опасения Врангеля насчет союзной поддержки были напрасны. Его снабжали, пожалуй, еще больше, чем раньше снабжали Деникина, но в момент прихода Врангеля к власти, а только этот момент нас сейчас и интересует, положение, повторяем, было далеко не твердым...

Такова обстановка апреля 1920 года.

Ниже мы печатаем журнал [1]) первого заседания врангелевского правительства, так называемого «Совета при главнокомандующем вооруженными силами Юга России» (от 9 апреля по старому стилю).

«Совет» был учрежден приказом Врангеля от 11/IV (29/III) в качестве «совещательного органа» при «правительстве и главнокомандующем вооруженными силами Юга

---

[1]) По копии, хранящейся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции.

России», который «обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений».

На первом заседании Врангель выступил перед своими министрами с общим докладом о международном, внутриполитическом и экономическом положении Крыма.

Это чуть ли не единственное заседание, на котором обсуждались общеполитические вопросы. В дальнейшем вся деятельность Совета, за очень редкими исключениями, сводилась к рассмотрению финансовых и хозяйственных вопросов. Сам Врангель появлялся на заседаниях «Совета» очень редко. Председательствовал на них сначала его помощник ген. Шатилов, а позже А. В. Кривошеин, назначенный на специально для него учрежденную должность «председательствующего Совета» (24/V 1920 г.).

На первом заседании прежде всего обсуждался вопрос о взаимоотношениях с Англией. Напомнив о мартовской ноте Деникину, требовавшей, под угрозой лишения В. С. Ю. Р. всякой помощи, прекращения военных операций против большевиков, Врангель указал, что в результате его протеста против этих угроз Англия обратилась с нотой к Чичерину, в которой и от большевиков требовалось прекратить войну. Очевидно, здесь речь идет о ноте лорда Керзона от 11 апреля 1920 года к Советскому правительству с предложением прекратить войну против Врангеля и обещать последнему амнистию. С этим предложением, между прочим, связывалась возможность начала торговых переговоров Англии с делегацией Центросоюза. Указание Врангеля на то, что Советское правительство приняло ультиматум о «прекращении военных действий и неприкосновенности территории, занятой В. С. Ю. Р.», — не совсем точно.

Ответное советское радио от 14 апреля говорило не о принятии ультиматума, а предлагало поставить на обсуждение между Англией и Россией всю сумму интересующих их вопросов. В части же, касающейся Врангеля, радио соглашалось, конечно, не на «мир» с Врангелем и не на признание неприкосновенности «территории, занятой В. С. Ю. Р.», а всего-навсего на помилование Врангеля, и то при условии обмена его на бывших венгерских народных комиссаров.

Значительный интерес представляет другое заявление, сделанное Врангелем на том же заседании. Врангель признал ошибочной прежнюю политику Деникина, который вел «под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими Россию народностями». Врангель заявил, что он «будет стремиться к объединению всех противобольшевистских сил, учитывая, что в будущем здоровая клетка поглотит больную».

Этот торжественный отказ Врангеля от старых добровольческих традиций обусловливался не столько действительным сознанием ошибочности старой политики, сколько необходимостью считаться с огромным недовольством самостийного казачества, которое численно являлось главной опорой врангелевской армии.

Впоследствии Врангель не прекращал заигрываний с казачеством. Он заключил даже специальное соглашение с атаманами, по которому за Доном, Кубанью, Астраханью и Тереком признавалась «независимость», но как это соглашение (4 августа), так точно и декларация, сделанная на первом заседании «Совета», показывают, что отказ от старого принципа «единой России» — не больше, чем политический маневр. Текст соглашения 4 августа, на-ряду с признанием «независимости», содержит столько оговорок, что от «независимости» ничего, в сущности, не остается; слова же о том, что в будущем «здоровая клетка поглотит больную», сказанные в приведенной выше декларации,

показывают, что Врангель собственно даже и не скрывал, что его «терпимость» — временная мера, от которой всегда легко будет отказаться.

Впрочем, свою готовность объединить все противобольшевистские силы Врангель применял не только к казакам. Лозунг «хоть с чортом, но против большевиков!», популярный в белом стане в период господства Врангеля, прекрасно отражает не только позицию его самого, но и всего белого движения того времени. Что же касается Врангеля, то он не брезговал даже объединением с Махно и долгое время спекулировал на его мнимом присоединении, широко рекламируя создание этого нового «единого фронта».

Из других вопросов первого заседания отметим вопрос об экономическом и, в частности, продовольственном положении Крыма. Характерны те мероприятия, к которым приходилось прибегать для смягчения продовольственных затруднений: воспрещение выпечки сдобных изделий, введение постных дней недели и т. д. Продовольственные затруднения в Крыму не прекращались все время. Смягчился хлебный голод лишь после занятия северной Таврии, откуда стали вывозить хлеб на юг.

Наконец, — последний вопрос, заслуживающий особого внимания, это — рабочий вопрос. Не случайно он попал в повестку первого заседания. Настроение рабочих было больше чем неблагоприятно, и правительство неоднократно возвращалось к этому вопросу. Врангель усвоил здесь двойственную тактику. С одной стороны, с рабочими заигрывали, суля им привилегированные условия снабжения, обещая развернуть кооперативную сеть лавок, широко снабженных и продовольствием и заграничными товарами, зачисляя их даже на пайковое довольствие. Все эти мероприятия не шли дальше бумажных постановлений и реально ничего не давали рабочим, но некоторое психологическое воздействие, — в особенности первое время, — они оказывали. С другой стороны, с рабочим движением расправлялись самым беспощадным образом, еще энергичнее, чем это имело место раньше при Деникине. Даже меньшевики не избегали арестов, и находившиеся в их руках профессиональные союзы вынуждены были поставить вопрос о самоликвидации своего легального существования.

Ал. Гуковский.

Журнал заседания Совета при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. 9 апреля 1920 г. № 1.

В заседании присутствовали: 1) главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант барон Врангель, 2) помощник главнокомандующего генерал-лейтенант Шатилов, 3) начальник штаба главнокомандующего генерал-майор Махров, 4) начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, 5) начальник морского управления вице-адмирал Герасимов, 6) и. д. начальника гражданского управления Д. П. Перлик, 7) и. об. начальника финансового управления д. с. с. Матусевич, 8) начальник управления иностранных сношений П. Б. Струве, 9) государственный контролер А. А. Васильев, 10) начальник управления снабжений генерал-майор Вильчевский, 11) управляющий делами Совета при главноко-

мандующем С. Л. Флок, 12) начальник Севастопольского завода генерал-майор Чорбо, 13) начальник военных снабжений полковник Флоро и 14) начальник отдела путей сообщения Ефремов.

Председательствовал главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель.

Заседание было открыто в 8 часов 5 минут вечера.

Во вступительной речи главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель осветил Совету политическое положение Крыма и настоящее отношение союзных держав к вооруженным силам Юга России. Упомянув о мартовской ноте англичан к генералу Деникину, в коей они предлагали свое посредничество с целью прекращения междоусобной брани под угрозой, в случае несогласия на это генерала Деникина, лишить вооруженные силы Юга России всякого рода помощи, главнокомандующий заявил, что, с согласия военного совета старших начальников, он ответил на указанную ноту заявлением, в коем, указывая на невозможность в случае прекращения помощи союзников продолжать борьбу совершенно и исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, возлагал на великобританское правительство всю нравственную ответственность за последствия предпринятого шага. Далее главнокомандующий сообщил, что в той же ноте он указал союзникам, что долг чести требует от тех, кто лишает помощи в самую тяжелую минуту армию, оставшуюся неизменно верной союзникам, обеспечить полную неприкосновенность всех чинов армии, всех жителей местностей, занятых вооруженными силами Юга России, всех беженцев, кои желали бы вернуться на родину, и, наконец, всех тех, кто, борясь за правое дело, ныне томится в тюрьмах Советской России. Результатом указанного заявления, по словам главнокомандующего, явилась нота английского правительства, адресованная народному комиссару иностранных дел Чичерину, в коей великобританское правительство требует от большевиков прекращения военных действий и неприкосновенности территории, занятой вооруженными силами Юга России, предупреждая, что в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск.

Главнокомандующий сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, Советское правительство приняло указанный выше ультиматум.

Вслед засим главнокомандующий поставил Совет в известность, что политику прежней власти, ведшей под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими Россию народностями, он считает ошибочной и будет стремиться к объединению всех противобольшевистских сил, учитывая, что в будущем здоровая клетка поглотит больную. В заключение главнокомандующий, приглашая всех к совместной и дружной работе, заявил, что на первую очередь он ставит вопрос об усилении боеспособности армии, для чего считает необходимым:

1) накопление запасов продовольствия, снаряжения, снарядов и т. п.;

2) переброску в Крым всех боеспособных войсковых единиц и

3) устройство тыла (удешевление предметов первой необходимости, увеличение запасов муки и т. п.).

После вступительной речи главнокомандующего начальник управления снабжений генерал-майор Вильчевский сделал подробный доклад Совету о продовольственном положении Крыма и о принятых мерах для устранения продовольственного кризиса, причем указал, что наличные запасы в Крыму муки позволяют предполагать, что муки хватит до нового урожая, при условии расходования до одного фунта в сутки на человека. По докладу начальника управления снабжения им с целью устранения продовольственного кризиса приняты следующие меры:

1. Воспрещена выпечка сдобных изделий.

2. Воспрещен вывоз хлебных злаков из пределов Крыма.

3. Уменьшение потребления мяса введением 3 постных дней в неделю.

4. Поднят вопрос о доставлении нескольких миллионов порций солонины и мясных консервов из Болгарии, о снабжении населения и армии предметами вещевого довольствия, углем и т. п.

Главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель поставил Совет в известность, что в Крыму имеются запасы сырья и минералов: готовой соли до 20.000 пудов, огромные залежи серы, значительное количество туфов, железа на Керченском полуострове, уголь в Бешуйских копях и небольшое количество нефти.

По выслушании объяснений генерал-майора Вильчевского и обмена мнений, в коем принимали участие начальник управления иностранных дел П. Б. Струве и государственный контролер А. А. Васильев, главнокомандующий указал Совету на необходимость напрячь все силы к возможной эксплоатации крымских богатств, привлекая к этому делу и частные капиталы и создавая таким путем экономическую независимость Крыма от чьей бы то ни было помощи.

Вслед за сим главнокомандующий возбудил вопрос о необходимости строгого отношения к выдаваемым казною городам и земствам денежным ссудам на продовольственные и иные надобности, указав, что весьма часто городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими иногда многомиллионные авансы не по прямому своему назначению, а на повышение оклада содержания служащих и т. п.

После обмена мнений, в коем принимали участие главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, и.д. начальника управления финансов д. с. с. Матусевич, государственный контролер А. А. Васильев, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, начальник морского управления вице-адмирал Герасимов, Совет, по предложению главно-

командующего, постановил: подчинить расходы земств и городов за счет ссуд, выдаваемых им из казны, ревизии государственного контроля на основаниях, предусмотренных общими правилами предварительной и фактической ревизии, утвержденными главнокомандующим вооруженными силами на Юге России 2 октября 1919 года (Узак. и расп. правительства № 44, 1919 г., ст. 410).

От ассигнуемых в распоряжение земств и городов денежных средств, выдаваемых из государственного казначейства, отчислить 0,6% в распоряжение государственного контролера на усиление средств означенного ведомства на покрытие расходов, связанных с организацией этой новой отрасли ревизионного наблюдения.

Далее государственный контролер А. А. Васильев указал на замеченное им резкое несоответствие окладов содержания служащим в различных ведомствах и, иллюстрируя это несоответствие примером: бухгалтер южных дорог по новым ставкам получает в месяц 39.000 рублей, тогда как государственный контролер — всего лишь 27.000 рублей, внес предложение о необходимости пересмотреть штаты всех ведомств с целью возможного сокращения их и установить строгое единообразие окладов содержания во всех ведомствах соответственно классам занимаемых должностей.

В прениях по затронутому вопросу принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, г. Васильев, генерал-лейтенант Вязьмитинов, г. Матусевич и др. члены Совета.

По предложению главнокомандующего Совет постановил: организовать под председательством помощника главнокомандующего генерал-лейтенанта Шатилова междуведомственную комиссию из представителей всех ведомств и с непременным участием представителя государственного контроля для тщательного пересмотра штатов всех учреждений, с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах соответственно классам занимаемых должностей.

Засим главнокомандующий предложил присутствовавшему на заседании начальнику Севастопольского завода ген.-майору Чорбо доложить Совету выработанные собранием рабочих положения о нормировке рабочих ставок. В подробном докладе генерал-майор Чорбо осветил Совету материальное положение рабочих Севастополя, указал на выработанные ими так называемые «прожиточные» и «голодные» минимумы содержания, далеко превышающие существующую оплату труда, и упомянул, что единственным выходом из создавшегося положения он считает не повышение вознаграждения за труд, так как такое повышение немедленно же вызовет поднятие рыночных цен на продукты первой необходимости и не достигнет цели, а натурализацию окладов содержания путем выдачи продовольственного пайка. Имея в виду, что рабочих в Севастополе до 12.000 человек и принимая средний состав семьи рабочего из 4 человек, генерал-майор Чорбо

считал, что рабочим ежемесячно пришлось бы выдавать до 48.000 пайков.

В возникших по докладу прениях принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель и члены Совета генерал-майор Вильчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-майор Махров, вице-адмирал Герасимов и П. Б. Струве. Прениями выяснилось, что выдачи продовольственных пайков, о которых ходатайствуют не только рабочие, но и все служащие учреждений вооруженных сил Юга России, представляются весьма желательными, но выдача пайков в таком большом количестве — до 48.000 пайков только рабочим Севастопольского завода — является невыполнимой за отсутствием соответствующих запасов.

По выслушании прений Совет, по предложению главнокомандующего, постановил: организовать под председательством генерал-майора Вильчевского особую комиссию, пригласив для участия в таковой и начальника Севастопольского завода, и поручить названной комиссии подробно разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и возможном переходе хотя бы к частной натурализации оплаты труда, для чего определить точное число требуемых пайков и размер их и наметить иные пути к облегчению рабочему классу борьбы за существование: устройство яслей, мастерских для шитья белья, широкого развития кооперативов «Добрармия — населению» и т. п.

В заключение Советом был заслушан доклад и. об. начальника управления финансов г. Матусевича о причинах падения русского рубля и о мерах, необходимых к устранению этого печального явления.

После обмена мнений, в котором принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, члены Совета генерал-майор Вильчевский, П. Б. Струве и др., Совет, по предложению главнокомандующего, признавая исключительную важность затронутого вопроса, постановил: организовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию для выработки мер к поднятию ценности русского рубля.

Заседание было закрыто в 11 часов 15 минут вечера.

Подлинный подписал: правитель и главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант барон Врангель и члены Совета.

С подлинным верно:

Управляющий делами Совета при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России Флок.

За начальника части общих дел канцелярии Совета (подпись)

С копией верно:

Помощник юрисконсульта (подпись неразборчива).

Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания.

Весной 1853 г. победоносное движение тайпинских войск по территории Срединного Китая достигло высшей точки успеха. Уже взяты города Чан-ша, Хан-ян, Учан, Ханькоу; 8/III 1853 г. со своей 100-тысячной армией тайпины стоят перед Нанкином, древней столицею Срединной империи.

Десять дней упорной осады, решительный штурм, — и священная столица династии минов попадает в руки восставших китайских крестьян.

Манчжурские правительственные круги, опиравшиеся на армию, которая день ото дня все более разлагалась, располагавшие казною, которая день ото дня все сильнее опустошалась, стоявшие перед угрозою кризиса продовольствия, которое вконец истощалось, — правящие круги северной столицы охватываются паникой.

Для их уныния и растерянности было тем более оснований, что они стояли не только под ударами восставшего класса, но и перед опасностью интервенции международного капитала, фактически начавшейся еще в 1842 г. Вслед за англичанами, пробившими себе тогда брешь в пяти портах, в китайскую стену начинают стучаться французские капиталисты, американские, а за ними к Китаю тянутся руки маломощных итальянцев, шведов, бельгийцев, голландцев, испанцев. Взимание податей с китайских владельцев побережного судоходства, разрешение китайским купцам провозить контрабанду под английским флагом — таковы образчики хозяйства «заморских братьев», отнюдь не удовлетворенных своими нанкинскими достижениями.

Несколько особняком от других стояла страна, имевшая самую большую сухопутную границу с Китаем: занятая вопросами Западного Туркестана, ограничиваясь в своей торговле с Китаем кяхтинской линией, она лишь медленно, путем цеплявшихся друг за друга пограничных конфликтов, подходила к дальневосточной проблеме, собираясь локализовать ее первоначально в районе устьев Амура.

Наиболее активная роль в концерте держав на берегах Тихого океана в ту пору выпадала бесспорно на долю Англии.

Тайпинское движение, направленное в первую голову против пекинского правительства, открывало английской агрессии новые перспективы.

«Из последних, приходящих из Китая известий, явствует, — писал лорд Кларендон аккредитованному при Петербургском дворе посланнику Гамильтону Сеймуру [1]), — что повстанческое движение, которое с некоторых пор нарастало в центральных провинциях, в последнее время приняло громадные размеры и что, хотя все силы китай-

[1]) Копия депеши лорда Кларендона сэру Гамильтону Сеймуру из Лондона от 17/V (н. ст.) 1853 г. за № 67. (Архив Революции и Внешней Политики).

ского правительства доведены до последнего напряжения, коммерческим интересам иностранных держав угрожает серьезная опасность».

Лондонский кабинет в ту пору был особенно озабочен приближением инсуррекционных войск к Шанхаю, главному нерву английских коммерческих интересов в Китае. Великобританский дипломатический представитель в Китае Бонгэм спешно покидает Гонгконг и едет в Шанхай. Официальной миссией его поездки являлась «защита жизни и имущества британских подданных».

«Равным образом в задачи его входит, — расшифровывал лорд Кларендон действительный смысл поездки, — воспользоваться обстоятельствами настоящего кризиса, дабы добиться возможно больших льгот в области сношений Китая с другими державами как лучшего средства развить иностранную торговлю на рынке, открывающем коммерческим предприятиям всех стран столь заманчивые перспективы».

Известно, что Англии в ту пору принадлежала никем не оспариваемая гегемония на китайских рынках: конкуренция других держав ей была не страшна, помощь же их далеко не безразлична. Отсюда понятна инструкция, даваемая Бонгэму,— «не искать никакой исключительной привилегии для британской торговли в Китае» и все те преимущества, которых удастся добиться, «разделить со всеми цивилизованными нациями мира». Это означало, по разъяснению того же Кларендона, что, «если представители иностранных правительств в этой стране проявили бы себя расположенными сотрудничать с ним (великобританским представителем) для достижения не менее выгодных для них целей — он должен без колебаний принять их содействие».

По своей заинтересованности в китайских делах и по своим возможностям оказывать влияние на ход китайских событий Россия была в рассматриваемое время второй после Англии державой.

Сэр Гамильтон Сеймур получал поэтому специальную директиву побудить Петербургский кабинет на «соучастие с другими державами в выгодах, которые представляет настоящий кризис, дающий возможность открыть Китайскую империю вообще для коммерческих операций цивилизованных наций всего мира».

«Потрясающая Стамбул и Тегеран десница» русского царя была еще слишком коротка, чтобы протянуться на далекий Восток. Известно, что переговоры, возникающие в это время между морским и дипломатическим ведомствами по поводу занятия о. Сахалина, приводят к передаче острова во владение Российско-американской компании. И хотя стоящий весною 1853 г. перед вооруженным конфликтом с Портою Петербургский кабинет преисполнен безграничным оптимизмом и уверенностью в своих силах, в китайском вопросе он не расположен к решительным действиям.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что, как уже сказано выше, торговые сношения России с Китаем исчерпывались в ту пору кяхтинской линией, игравшей роль главной чайной артерии, и относительно небольшой меновой торговлей в пограничном пункте Тарбагатае.

Высказываясь во всеподданнейшей записке по поводу предложения Сент-Джемского кабинета управляющий российским министерством ин. дел гр. Нессельроде писал [1]): «Министерство ин. дел по содержанию депеши лорда Кларендона полагает: что нам едва ли что-либо можно предпринять в смысле сделанного английским правительством предложения: англичане, по близости от Китая своих Ост-индских владений и за-

[1]) Всеподданн. докладная записка от 16/V 1853 г

нимая Гонгконг, располагая значительною морскою силою, имеют все средства, чтобы оказать действительную помощь китайскому правительству. Мы же, к сожалению, не имеем всех этих средств: от Китая (от китайских собственно областей. *А. П.*) отделяет нас огромная Монгольская степь, через которую войско, сколько-нибудь значительное, встретит в движении своем непреодолимые препятствия, поставляемые самою природою. Путь через Манчжурию, конечно, не соединен с такими неудобствами, но самые наши военные силы в Восточной Сибири — особенно при могущих произойти волнениях в сопредельной Монголии — не позволяют также помышлять об этой мере. Если бы камчатская наша флотилия имела более... [1]), то, без сомнения, всего удобнее было бы оказать некоторую помощь морским путем, отрядив с этою целью несколько военных судов, которые мы могли бы направить к Тянь-цзину или в Шанхай и явить, таким образом, участие к судьбам манчжурской династии. Но при теперешнем состоянии китайской флотилии и эта мера оказывается невозможною»... В соответствии с такой оценкою собственных сил министерство ин. дел дает свой ответ на ноту великобританского посла, ответ, составленный в благожелательных, но «общих», ни к чему не обязывающих выражениях [2]).

По поводу дававшихся английским правительством заверений в том, что оно не намерено искать для себя каких-либо исключительных привилегий в Китае и стремится распространить их на все «цивилизованные нации», Горчаков напоминал бар. Бруннову, что во время своей последней войны с Китаем англичане давали аналогичные заверения, в Нанкинский же договор была включена впоследствии статья, ограничивавшая пользование пятью портами только тем нациям, кои ранее имели коммерческие сношения с Кантоном — Россия, не принадлежавшая к этой категории, оказывалась, таким образом, исключенной из пользования добытыми привилегиями.

Министерство ин. дел напоминало еще Бруннову и о том, что в 1848 г. на основании этой статьи русскому судну было запрещено посещение шанхайской гавани [3]).

Русское дипломатическое ведомство не теряло при всем этом надежды, что особое положение России в Китае приведет к тому, что развивающиеся в стране события не отразятся на русско-китайских отношениях, и, в частности, на дальнейшем пребывании в Пекине русской духовной миссии.

Последняя успела к рассматриваемому времени неплохо обстроиться, приобрести движимую и недвижимую собственность [4]) и развить в известной степени пропагаторскую работу. «Поэтому министерство полагало бы... чтобы миссия наша оставалась на своем месте до последней крайности. Притом же, допуская даже возможность совершенного низвержения инсургентами нынешней манчжурской династии и овладения Пекином, трудно предположить, чтобы они решились на какие-либо насильственные поступки против нашей миссии. В лицах, ее составляющих, они будут видеть мирных иностранцев, русских, к которым китайцы не только не питают никакой вражды и ненависти, но даже являют некоторое расположение».

Отсюда вытекала директива, дававшаяся русской миссии из Петербурга: «Не иначе оставлять Пекин, как когда уже будут истощены ею все средства к отвращению опасности и когда гибель, при дальнейшем пребывании, будет для всех явною».

---

[1]) В копии пропуск.

[2]) Проект депеши бар. Бруннову в Лондон от 23/V 1853 г.

[3]) Проект депеши бар. Бруннову в Лондон от 23/V 1853 г.

[4]) Два храма и два подворья при них.

Однако не русские миссионерские интересы в Пекине были в центре внимания петербургского правительства.

Главный нерв русских интересов, как уже сказано, был сосредоточен в ту пору в районе кяхтинской чайной торговли. Еще до получения записки лорда Кларендона министерство ин. дел получило информацию из Кяхты о том, что «мятеж в Китае увеличивается» и что «торговцы китайские начинают тревожиться за безопасность пути через Монгольскую степь и что, в случае каких-либо в Монголии волнений, они заранее заявляют свое желание передать все товары, находящиеся у них в Маймачене, на нашу сторону, для большей их безопасности»...

«Что касается до положения дел в Монголии, — докладывал по этому поводу министр царю, — то вопрос этот, по мнению министерства, есть самый важный и более всего касающийся до существенных интересов России. При нерасположении, которое монголы питают к китайскому правительству, довольно вероподобно, что они при перевороте, который может постигнуть Китай, захотят отторгнуться от Китайской империи... Так как с спокойным положением Монголии тесно связаны пользы нашей кяхтинской торговли, то на беспорядки в Монгольской степи мы не можем взирать равнодушно, и искренно желаем сохранения в оной тишины и благоустройства».

Правительство знало, что русские купцы располагают значительным запасом закупленных ранее чаев и что у китайских купцов тоже заготовлены в Маймачене большие запасы для предстоящей расторжки — все это обеспечивало рынок на случай прекращения подвоза чаев в течение ближайшего года. Правительство вместе с тем признавало невозможность «остановить ход событий в Китае». Оно ограничивало поэтому себя задачей иметь тщательное наблюдение за всем, что будет происходить в соседственной Монголии, «и — особенно — за положением нашей границы», принимая «должные меры к ее ограждению, к предотвращению всяких к нам вторжений, хотя бы даже и не враждебных, со стороны монголов или же переходов на их сторону наших бурят — их единомышленников, которые, при восстании монголов, легко могут быть увлечены их примером и с ними соединиться».

В своем листе в китайский трибунал внешних сношений российский министр ин. дел писал в соответствии с сказанным следующее [1]): «До нас доходят также слухи, что якобы путь через Монголию, по которому следуют ваши купеческие караваны на Кяхту, делается уже не столь безопасным, как был прежде, и что при увеличивающихся беспорядках он может совсем пресечься. Надеемся и желаем искренно, чтобы эти опасения не сбылись. Но, в случае, если, действительно, в Монголии возникнут какие-либо замешательства, мы, конечно, по близости от нас сей страны, которая соприкасается с нами Сибирью, не можем взирать равнодушно на подобного рода происшествия, и желание наше еще более будет состоять в том, чтобы какими-либо благоразумными мерами сии беспорядки были предотвращены»...

Известно, что после временных неуспехов в течение летних месяцев 1853 года к осени тайпины снова переходят в наступление, в сентябре врываются в Чжилийскую провинцию и значительно (вплоть до Пекина) расширяют сферу своего влияния.

«По сведениям, имеющимся в министерстве ин. дел и частично полученным также от наших консулов в Кульдже и Чугучаке, — писал встревоженный министр к ген.-губернатору Западной Сибири [2]), — дух мятежа уже начинает проникать и в западные

[1]) Проект листа от 26/V 1853 г.

[2]) Проект отношения к ген.-губернатору Западной Сибири от 21/XI 1853 г.

китайские области: умы приходят там в сильное брожение, и по всему видно, что эта часть китайских владений также не избегнет смут и беспорядков, последствием коих не невозможно и отпадение от Китая не только Кашгарии, но и Илийской области (бывш. Джунгарии. *А. П.*) как страны, также завоеванной, и которая с негодованием сносит иго китайцев»...

Готовясь к тому, чтобы «события западного Китая не застали нас врасплох», русское правительство не упускало также из виду и тех перспектив, которые могли открыться для его морской торговли в портах восточного Китая. Учитывая возможность образования в ходе гражданской войны нового революционного правительства в Китае, министр ин. дел еще раньше давал ген. Путятину такие советы [1]): «...буде бы к тому времени, когда вы предполагаете вновь посетить китайские порты, произошел в Китае окончательный переворот и манчжурская династия была ниспровергнута, — то, по мнению нашему, не лишним было бы появиться вам в Тянь-цзинском заливе, яко ближайшем месте от столицы Китая, и откуда вы могли бы иметь удобнейшие сношения с Пекином. Цель же сего появления вашего в Тянь-цзин состояла бы в том, чтобы войти в некоторые переговоры с новым китайским правительством, показать оному, что мы желаем сохранять с ним те же добрые связи, которые всегда имели с Китаем и которых требуют соседство обеих империй и обоюдные интересы, а затем попытаться также сделать, что будет возможно, в торговых видах, т.-е. насчет выговорения каких-либо по торговой части новых прав, кроме тех, которые уже имеем, свободной морской торговли наравне с другими державами»...

В другой депеше, посланной министром незадолго перед тем на имя того же Путятина [2]), пожелания русского дипломатического ведомства уточнялись в следующих выражениях: «Если же к времени вашего возвращения в Россию дела в Китае примут уже окончательный оборот и произойдет в сем государстве перемена правления, — то в таком случае... еще полезнее будет... зайти в китайские порты, показать там наш флаг, и чтобы китайцы самым появлением оного уже считали нас, наравне с прочими европейцами, в праве заходить в их открытые порты и производить там торговлю. Конечно, вы тогда воспользуетесь также вашим временным пребыванием в шанхайском или ином китайском порте, дабы войти с местным китайским начальством в некоторые сношения и сделать оному те внушения, какие польза дел наших будет требовать, имея во всем этом в виду установление с Китаем правильной морской торговли»...

И дальше в той же инструкции читаем:

«Если же при вас будет какое-либо колониальное наше судно с товарами, то вы также воспользуетесь этим, чтобы тут же положить некоторое начало торговым оборотам, испросив, буде можно, письменное на сие разрешение, если не от высшего китайского правительства, то хотя бы от местного китайского начальства. Упрочение же и большее узаконение сей новой торговли может быть потом предметом дальнейших сношений с Китаем нашего правительства»...

Сохранить сухопутную торговлю с Китаем и положить начало торговле морской — таковы две основные задачи, которые ставило себе царское николаевское правительство, готовое использовать для того все обстоятельства, вплоть до фактического признания правительства восставших китайских крестьян.

---

[1]) Проект депеши к ген.-ад. Путятину от 30/VIII 1853 г.

[2]) Проект дополнительной шифрованной инструкции ген.-ад. Путятину от 9/VIII 1853 г.

Известно, что великобританский консул в Шанхае в вопросах вспыхнувшей в Китае гражданской войны держит в ту пору строгий нейтралитет и даже наносит визит вождю тайпинов Хунь Сю-цуань, провозгласившему себя в Нанкине «императором неба» [1]). Совершенно понятно, что русское правительство, располагавшее гораздо меньшими, чем англичане, ресурсами для какой-либо интервенции, было еще в большей степени расположено к невмешательству во внутренние дела Китая: и в упомянутой депеше, и в дополнительной к ней инструкции Путятину давалась строжайшая директива в этом духе.

Соблюдать фигуру невмешательства для русского правительства было тем более важно, что этим продемонстрировалась лишний раз его особо дружественная, отличная от английской, позиция в китайском вопросе. Характерно во всяком случае то, что, намечая Путятину тот образ действий, какого он должен держаться в условиях возможного крушения манчжурской династии, министр настоятельно подчеркивал, что «при настоящих обстоятельствах» он не должен ставить себе никакой «другой цели, как токмо собрание по возможности точнейших сведений обо всем... а также о действиях и всяких преднамерениях англичан и американцев и других там иностранцев, по поводу нынешних событий в Китае».

Не вмешиваясь во внутренние дела Китая и «поступая, вообще, с осторожностью», Путятин должен был особенно остерегаться «дружеских изъявлений англичан».

Революционное движение китайских крестьян, эта своего рода китайская пугачевщина, между тем продолжало расти и, казалось, было далеко от того, чтобы разделить участь пугачевщины русской.

Неудачи тайпинов на севере компенсировались их успехами в среднем и южном Китае. Оставив Шанхай (конец 1854 г.), они прочно утверждаются в Ханькоу и Учане (1855 г.) и дважды отражают (1855 и 1856 гг.) от Нанкина стремящиеся овладеть городом войска богдыхана.

«Из донесений..., полученных от нашей миссии из Пекина.., видно, — докладывал Горчаков царю летом 1856 г. [2]), — что положение дел на юге Китая весьма неблагоприятно для правительства. Главные инсургенты, известные под именем длинноволосых, владея попрежнему рекою Ян-Цзы-цаяном и распространившись в смежных губерниях до Кантонской, приобрели новые успехи. 24 марта с. г. они разбили правительственные войска и, бросившись на север, снова овладели Ян-Чжоу-фу. Итак, надежда на освобождение Императорского канала возвращением Гуа-чжоу, которого ждали с часу на час, не сбылась, напротив, сделана новая, чрезвычайно важная, потеря».

Отмечая оживленную деятельность инсургентов в Аньхое и Хенани, а также восстание горцев Мяо-цзы, известных под именем рыжеволосых (нянь-фэй), русский министр ин. дел к оставшимся спокойными провинциям мог причислить только Сы-чуань и Юнь-нань на западе и Чже-цзянь с Фу-цзянем на востоке.

«Вынужденное этими обстоятельствами, — продолжал Горчаков, — китайское правительство решилось прибегнуть к важным мерам. В марте месяце обнародован манифест о собрании в Монголии конного войска, которое должно вступить в Китай, чтобы осенью нынешнего года, соединившись с манчжурскими и китайскими войсками, от-

[1]) Шпильман. «Крестьянская революция в Китае», изд. «Московский Рабочий», 1925 г., стр. 40.

[2]) Всеподд. доклад от 7/VIII 1856 г. Докладная записка основывалась на донесениях миссии от апреля того же года. Кн. Горчаков вступил в должность министра ин. дел 15/IV 1856 г.

правиться в поход на юг. Но это предприятие не легко привести в исполнение при настоящем крайнем недостатке финансов. Правительство едва ли будет в состоянии обойтись временными средствами: пожертвованиями, ассигнациями и биллонной монетой [sic!]. Оно ясно видит это, и Верховный совет беспрестанно придумывает новые меры для поправления финансов. Более замечательная из них — обложение пошлиной тех привозных статей торговли, которые доселе не были означены в тарифах. Было также предположение взимать пошлины за опиум, формально дозволив ввоз его в Китай; но, по настоянию члена Верховного совета, Вэнь-цина, проект был отвергнут, и опиум попрежнему остался контрабандой в глазах правительства... Соображая ход событий в Китае, можно с достоверностью сказать, что пока еще не предвидится скорого водворения мира, столь желательного для империи».

Положение пекинского правительства становилось тем более тяжелым, что трения с англичанами и французами давали ему попрежнему себя остро чувствовать, а к концу 1856 г. вылились в формы вооруженной борьбы, загоревшейся вокруг старого опиумного вопроса. Операции союзников начинаются у Кантона, после взятия которого европейские войска двигаются на север, с целью овладения фортами Таку и открытия себе дороги на Пекин.

Повидимому, для европейцев настал тот момент использования создавшегося в Китае положения, который, как мы видели выше, имел в виду лорд Кларендон.

Россия ни в какой мере не участвовала в этом выступлении [1]) против Китая. Правда, китайский вопрос теперь, после неудач черноморской политики, был для нее далеко не безразличен: он выходил далеко из рамок вопроса о караванной торговле в пределах западного Китая и фиксировался преимущественно на областях северо-восточного Китая, территории которого, лежащие по левой стороне реки Амура вплоть до устья последнего, должны были, в полном соответствии со статьями старых трактатов, утешить утерявшее устья Дуная петербургское правительство.

Но это были все же чисто «пограничные» вопросы, которые должны были быть разрешены согласно букве и духу старых русско-китайских трактатов, и явиться продуктом свободного волеизъявления Пекинского двора. К каким-либо военным операциям теперь, в 1856 г., Петербург не мог питать ни малейшей склонности, и участие в выступлении держав, ничего, кроме вреда, принести ему не могло.

«Опытный чиновник и в особенности знакомый с духом правления Китая» [2]), ген.-майор Ковалевский в своей записке, представленной министру ин. дел, писал по этому поводу следующее: «...обстоятельства идут слишком быстро; эскадры западных держав уже отправились к китайским морям; разрушение Кантона возвестило начало неприятельских действий с Китаем, и можно ожидать появления европейских войск у самого Пекина. Присутствие их там и влияние, которое они могут иметь на китайское правительство, конечно, будут неблагоприятны для наших дел на Амуре, а потому неизбежно рождается вопрос, что должны мы предпринять в виду предстоящего кризиса в Китае? соединиться ли с другими европейскими державами и воспользоваться выгодами, которые приобретут они?» «Но интересы наши, — следовал ответ, — слишком отличны от интересов других европейских держав, и, конечно, мы не можем рассчитывать на их содей-

[1]) 27/X (н. ст.) 1856 г. Сеймур подвергает Кантон бомбардировке; официальное объявление военных действий относится только к марту 1857 г.

[2]) Так характеризовал Горчаков автора записки, которая была при докладе от 22/I 1857 г. препровождена Александру II.

ствие при определении наших границ на Амуре; кроме того, соединиться с врагами Китая нам, не имеющим никакого повода к вражде и скорее подавшим повод к неудовольствию на нас со стороны Китая, было бы даже и в политическом отношении несовместно. Остается — мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем».

Особые интересы России в Китае, существенно отличные от интересов западноевропейских держав, не позволяли ей принять участие в их вооруженной игре. Но пройти мимо этой игры Петербургскому кабинету также не представлялось возможным. «Взятие европейцами Пекина, как и взятие англичанами Герата, — замечал тот же Ковалевский, — будут для нас одинаково чувствительны и не дозволят нам ни в каком случае оставаться равнодушными зрителями; первое парализует все наши начинания на берегах Великого океана и Амура; второе ставит во власть англичан всю среднюю Азию».

Русские интересы на границах западного Китая удавалось в той или иной мере обеспечить. После сожжения в августе 1856 г. в Чугучаке китайской толпою русской фактории, причем были расхищены товары русских купцов, китайское правительство само спешит подвергнуть виновных наказанию, по словам Горчакова, «может быть, слишком строгому» [1]).

Гораздо большее беспокойство должно было вызывать у царского правительства положение дел на границах восточного Китая, где пока еще было меньше реальных интересов, но где были заложены возможности крупных достижений. Слагавшаяся конъюнктура грозила в дальнейшем расстроить дело реализации этих накопившихся возможностей; вместе с тем момент был таков, что требовалось спешить с решительными действиями.

В письме к ген.-губернатору Восточной Сибири от 9/II 1857 г. Горчаков писал [2]): «Новейшие сведения о действиях англичан в Кантоне и о дальнейших их намерениях в отношении к Китаю убеждали нас более и более, что терять времени для приведения к окончанию существующих у нас с Китаем вопросов нельзя и что, если трудно достигнуть сего окончания, то, по крайней мере, необходимо приступить к каким-либо для того решительным действиям».

В отличие от линии поведения прочих европейских держав действия русского правительства должны были быть облечены в дружественные формы дипломатических переговоров. Переговоры поручалось вести за отсутствием у России своего дипломатического представителя в Пекине особому уполномоченному ген.-ад. Путятину, который должен был немедленно отправиться в Пекин во главе чрезвычайного посольства; ему же предоставлялась «полная власть условиться и решить по всем делам, до России и Китая относящимся».

«В настоящее время, — сообщал в связи с тем Горчаков в китайский трибунал внешних сношений [3]), — когда Китайская империя взволнована внутренними беспокойствами и угрожаема извне неприятелем, который уже обнаружил свои враждебные действия в Кантоне, мы не хотим, чтобы достойно уважаемое китайское правительство могло предполагать и со стороны нашей какое-либо недружелюбие, и с тем вместе не желаем, чтобы эти беспокойства внутри и нападения извне отразились на наших границах как сухопутных, так особенно морских»...

---

[1]) Всеподд. доклад министра ин. дел от 15/XII 1856 г.

[2]) Письмо министра ин. дел к ген.-лейт. Муравьеву от 9/II 1857 г.

[3]) Проект листа в китайский трибунал внешних сношений от 2/II 1857 г.

Предполагая первоначально отправить посольство обычным (сухим) путем через Монголию и допуская в крайнем случае, в случае препятствий со стороны китайского правительства, продвижение посольства по Амуру и морем до Тянь-цзиньского порта, министерство ин. дел предписывало духовной миссии в Пекине употребить все средства, чтобы убедить китайское правительство в необходимости принять посольство.

Хотя миссия, в случае упорства китайцев, не должна была останавливаться и перед угрозами «вредных последствий», хотя ей внушалась мысль о необходимости «оставить прежнюю систему нерешительности при сношениях с китайскими властями», однако прежде всего ей вменялось в обязанность «главнейше настаивать на том, что посольство это не имеет ничего общего с требованиями предполагаемых посольств западных держав», ибо Россия «дорожит вековою дружбою с Китаем и не пожертвует ею из-за каких-либо мелочных интересов».

Поддержание дружественных отношений с Китаем и демонстративное отмежевание от политики прочих держав в китайском вопросе — таков был тот путь, который намечался царским правительством для достижения отнюдь не мелочных целей, выраставших для него на почве китайской проблемы.

«Наше утверждение на устьях Амура, — давал министр ин. дел официальную мотивировку позиции Петербургского кабинета [1]), — отнюдь не является завоеванием [2]). Согласно нашим прежним трактатам с китайским правительством мы уже имеем на устья этой реки давние права, и, если мы не считали необходимым до сего времени придавать им характер публичности, наше обладание ими не стало, по нашему мнению, вследствие того менее очевидным. Гр. Путятину, миссия коего носит совершенно мирный характер, поручено только договориться с китайским правительством относительно нескольких второстепенных пунктов, связанных с этим вопросом и требующих возможно лучшего разрешения. Открытие свободного плавания по Амуру является для нас тою крайнею необходимостью, которая не может быть оспариваема. Это единственный путь снабжения продовольствием наших поселений возле устьев реки. Приезд наших кораблей, предназначенных для обслуживания этой важной линии связи, требует некоторых уступок на левом берегу, относительно которых гр. Путятин уполномочен договориться. Что же касается нашей духовной миссии в Пекине, — она совершенно лишена всякого политического характера».

Желание «привести в ясность и определительность все наши трактаты и окончить все споры с китайцами» толкало Петербургский кабинет на действенное изъявление своей дружбы Китаю и вместе с тем на определенную ориентировку во внутренних китайских делах.

---

[1]) Проект депеши Стэклю в Вашингтоне от 12/II 1857 г.

[2]) Еще в 1855 г., в ответ на протест китайского правительства против самоуправных действий ген. Муравьева, Правительствующий Сенат подтверждал правомерность действий последнего. С того времени китайский трибунал молчал. «Этим молчанием, — писал Путятин в своей депеше от 25/IX 1857 г., — китайское правительство доказало, что не имеет никаких утвержденных прав на владение устьем Амура, где в продолжение семи лет, как Россия основала свои поселения, не появлялось ни одного китайского и манчжурского чиновника и где дикие племена никогда не были подчинены и не платили дани Китаю». Необходимо отметить, что Путятин мог при этом иметь в виду только нижнюю часть Амура, ибо пространства обоих берегов и среднего и верхнего Амура были заселены племенами, хотя и «дикими», но платившими дань Китаю.

«Представьте трибуналу, — инструктировалась пекинская духовная миссия в связи с вопросом о предстоящем посещении русским посольством Пекина [1]), — что в годину бедствий Китая западные державы, пользуясь его тяжелым положением, являются не только с угрозами, но с войною, которая уже разразилась в Кантоне. Одна Россия обращается к нему с посольством дружественным и даже готова оказать помощь, как нравственную, так отчасти и материальную, в оружии и артиллерийских снарядах состоящую и для внутренних врагов предназначаемую»...

Мысли, высказанные несколько более откровенно, но не расходившиеся, в общем и целом, с цитированною инструкциею, мы находим в министерском отношении на имя ген.-губернатора Восточной Сибири [2]): «Положение Китая, — значилось там, — так исключительно, подвержено таким неопределенным случайностям, что трудно заранее делать какие-нибудь предположения относительно этой империи. Вопрос о том, удержится ли настоящее правительство в Китае, будет ли низвергнуто инсургентами — находится в том же самом виде, в каком он был три года тому назад, и, по всем сведениям, которые мы получаем из Пекина через миссию и через иностранцев из Кантона, мы решительно не в состоянии вывести какого-либо заключения по сему предмету. А потому всякое суждение наше было бы преждевременно. Во всяком случае, по моему мнению, мы едва ли имеем право объявить Монголию и Манчжурию под русским покровительством. Не говорю уже о том, достаточно ли мы имеем сил и средств, чтобы защитить этот обширный край».

Весною 1857 г., после того как англичанам вооруженною рукою удалось доказать китайцам основательность своих притязаний, они собираются приступить к мирным переговорам с пекинским правительством, поручая ведение этих переговоров лорду Эльджину, выезжающему к устью реки Пей-хо. Возмещение за убытки, причиненные английским подданным во время беспорядков, полное соблюдение всех трактатов, согласие на учреждение в Пекине постоянного дипломатического представительства, уничтожение существовавших ограничений в деле торговли с Китаем, открытие для иностранной торговли портов, свободное сообщение с городами внутреннего Китая, обеспечение безопасности христианским миссионерам и свобода вероисповедания живущим в Китае христианам, в том числе и китайцам, принявшим христианскую веру,— таковы были главные пункты требований, выставлявшихся англичанами. Великобританский посланник в Петербурге по поручению своего правительства зондирует российское министерство ин. дел по вопросу о совместных действиях в течение мирных переговоров. Ответ министерства отличался попрежнему некоторой неопределенностью.

«Государь император, — инструктировал в связи с тем Горчаков гр. Путятина [3]), — разрешает вам оказывать зависящее от вас содействие тем домогательствам лорда Эльджина, кои относятся до интересов, общих всем просвещенным нациям, каковы: установление правильных дипломатических сношений с Пекинским двором, отстранение стеснительных мер, коим подчинена торговля иностранцев и обеспечение свободы вероисповедания для христиан. Но таковое содействие ваше... ни в каком случае не должно выходить из пределов дружелюбного домогательства... Относительно же вознаграждения за убытки, понесенные англичанами вследствие принятых ими самими враждебных

[1]) Отношение директора Азиатского департамента начальнику пекинской духовной миссии от 9/II 1857 г.

[2]) Доложенном царю 23/III 1857 г.

[3]) Отношение ген.-ад. гр. Путятину от 4/V 1857 г.

мер в Кантоне, — государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство воздержалось от всякого участия в требованиях лорда Эльджина. Поддержка с нашей стороны в этом вопросе означала бы некоторым образом признание правоты тех действий англичан в Кантоне, кои подали повод к разрыву: это было бы несовместно ни с убеждениями нашими, ни с желанием нашим не вмешиваться в интересы, вовсе для нас чуждые».

Уклончивая позиция России, разумеется, не останавливает энергии англичан. Взятие фортов как Таку, так и Тянь-цзиня, открывает им прямую дорогу к Пекину и делает китайское правительство еще более уступчивым.

Это в свою очередь побуждает Россию торопиться с делом продвижения своей миссии в Пекин. «Обнаруженные ныне намерения Англии попытаться достигнуть своих целей в самой столице Китайской империи, — отмечал министр ин. дел, обращаясь к Путятину [1]), — должны изменить характер возложенного на вас поручения и те условия, которым оно должно было быть подчинено»... Сущность возложенного на гр. Путятина поручения, основные цели его миссии оставались, разумеется, без изменения и должны были попрежнему сохраняться в строжайшей тайне. Устранялась лишь необходимость «связывать исполнение оного предосторожностями», которые прежде представлялись важными, и предписывалось, не считаясь ни «с щекотливостью китайцев», ни «с подозрительностью и недоброжелательством других правительств», — «употребить всевозможное старание к проезду в Пекин тем или другим способом».

«Вопрос об участи, ожидающей Китайскую империю, — писал тот же министр Путятину в одной из своих предыдущих инструкций [2]), — сделался еще сложнее действиями англичан в Кантоне и дальнейшими их замыслами в отношении к этой империи; обстоятельства сии, изменив до некоторой степени прежние предположения наши, убеждают в необходимости принять скорейшие меры к объяснению и решению спорных дел между нами и китайцами»...

В чем же заключались эти неоднократно отмечавшиеся «спорные дела», которые должны были явиться предметом переговоров едущего чрезвычайного посланника и полномочного министра с утесненным правительством богдыхана?

Мы видели, что русское правительство особенно высказывалось против поддержки требования англичан о возмещении им за убытки, понесенные от «смуты» в Китае. Оно само понесло немалые убытки во время беспорядков в Чугучаке и оценивало убытки эти (вызванные сожжением и разграблением русской фактории в 1855 г.) в 300.000 руб. серебром. Быть может, оно хотело добиться теперь их возмещения? Отнюдь нет — в той же инструкции, данной Путятину, предписывалось не требовать вознаграждения за эти убытки.

У русского правительства были давние споры с китайцами из-за права взимания податей с живущих в прилегающих к южной части Томской и Енисейской губерний местностях двоеданцев-урянхайцев. Русское правительство отказывается теперь от своих прав в пользу китайского правительства. Вместе с тем оно готово обеспечить последнему платеж ясака кочующими племенами.

Русское правительство, правда, не хочет уступить китайскому в вопросе о караванной торговле в западном Китае, но оно не слишком при этом настаивает на свободном

---

[1]) Проект отношения г.-ад. гр. Путятину от 11/V 1857 г.

[2]) Проект инструкции г.-ад. гр. Путятину от 19/II 1857 г.

пропуске своих караванов до Пекина и готово примириться даже с Ургою как конечным пунктом.

Оно заинтересовано в организации почтового сообщения и в открытии для русских факторий некоторых пунктов в западном Китае через Монголию. Оно вместе с прочими державами заинтересовано в учреждении в Пекине своей дипломатической миссии и в признании за ним права вести торговлю в пяти портах, открытых для других держав. Но самым главным, самым первым вопросом в предстоящих переговорах должен был явиться вопрос об определении прав России на реку Амур, где до сего времени не было произведено точного и ясного разграничения.

Русскому правительству было известно, что англичане, а за ними и французы, выставляют требование свободного плавания по всем рекам. Отнюдь не отказываясь от такой перспективы и для себя, русское правительство, предоставляя правый берег Амура китайцам, стремится прежде всего к тому, чтобы весь левый берег Амура был признан в его владении.

Мы отмечали не раз, что русское правительство считало особенно важным не вмешиваться во внутренние китайские дела. Но, ради успешного завершения своей исторической миссии на Амуре, оно готово поступиться теперь этим принципом. По этому поводу министр ин. дел писал гр. Путятину: «Восстание, имеющее, повидимому, целью низвержение ныне царствующей династии, хотя медленно, но подвигается вперед; нам невозможно составить себе полное и настоящее понятие о сочувствии китайского народонаселения к сему событию. Нет никакого, однако, сомнения, что приверженцы императорского дома должны видеть и понимать грозящую им опасность, а потому, конечно, они изыскивают всякие средства для усмирения возмущения. Но как доселе богдыханские войска почти всегда претерпевали поражения, то очень может статься, что правительство будет просить пособия России. Конечно, мы предпочитали бы воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Китайской империи, но, принимая в уважение — с одной стороны, важность приобретения для нас Амурского края, а с другой — замыслы англичан, которые будут, без сомнения, пользоваться всеми случайностями для достижения своих целей и в этих видах могут предложить свое содействие китайскому правительству для усмирения мятежа, — нам, может быть, не следует отказать сему правительству в пособии, если оно будет о том просить. Пособие это, однако, ни в каком случае не должно простираться далее защиты самой Манчжурии как более доступной для наших войск... и только под одним непременным условием: благоприятного для нас исхода по Амурскому и др. вопросам»...

Заметим, что в той же инструкции Путятину подчеркивалась необходимость выполнить данное ранее китайцам обещание — сформировать, вооружить и инструктировать ряд китайских военных частей.

Основные устремления царского правительства вырисовываются таким образом с достаточной ясностью. Ясными также становятся и пути, намечавшиеся им для достижения поставленных целей. Отклонение от этого пути допускалось только в одном случае: «Если ход переговоров ваших покажет, что на успех их решительно нельзя рассчитывать, — писал Горчаков, — тогда вы можете прибегнуть к совокупному участию с западными державами как мере крайней, действуя, однако, во всяком случае только нравственным влиянием своим, нисколько не обещая материальной поддержки»...

Русское дипломатическое ведомство так мало рассчитывало на выгоды от совместных с другими державами действий, что, когда, через несколько дней, ему стало из

вестно о данной лорду Эльджину из Лондона директиве подкреплять русские настояния в Пекине, Горчаков счел необходимым снова напомнить Путятину дававшиеся ему ранее тактические советы: «Лорд Вудгауз,—писал он [1]),—не говорил мне о сем ничего; но если бы он формально предложил мне содействие лорда Эльджина к подкреплению домогательств наших в делах, собственно до России относящихся, то, поблагодарив за предложение, я не преминул бы оное отклонить... Нужным считаю обратить внимание ваше на то, что совокупное действие ваше с английским уполномоченным должно иметь предметом лишь интересы, общие всем просвещенным государствам. Вопросы, относящиеся до частных переговоров России и Англии, должны быть предоставлены особому домогательству каждой из сих держав»...

Когда, после официального предложения лорда Вудгауза, последовало заявление в том же духе со стороны французского посла гр. Морни, ответ, данный русским дипломатическим ведомством, не изменился ни на иоту.

Интересно отметить, что в это же самое время, встречая уклончивость со стороны китайцев в деле приступа к переговорам, гр. Путятин принял решение «прибегнуть в случае упорства Пекинского кабинета к военной демонстрации против Сахалин-улы или Айгунта» [2]).

«Военная демонстрация против Сахалин-улы или Айгунта, — замечал по этому поводу министр [3]), — поставила бы нас в противоречие с нашим объявлением, а в отношении Китая мы явились бы участниками в военных действиях англичан»...

Министр выражал при этом уверенность в том, что к такой «понудительной» мере Путятин приступит лишь в таком случае, если «будет вынужден к тому самой крайнею необходимостью».

Министр выражал также надежду, что «крайность эта будет избегнута», ибо она «поставила бы нас в весьма неприятное и даже затруднительное положение не столько в отношении к Пекинскому кабинету, сколько в отношении к Англии и Северо-Американским Штатам».

И, однако, в той же депеше Путятин извещался и о том, что принятое им решение о военной демонстрации удостоилось высочайшего одобрения.

Не получая от китайского правительства официального согласия на проезд в Пекин, Путятин в июне 1857 года оставляет Кяхту, чтобы, спустившись по Амуру, проникнуть в столицу Китая. «Вы будете всегда исходить из того положения, — напутствовал его при этом министр, — что мы решили занять левый берег Амура и что наши старания должны быть направлены к тому, чтобы оформить это дело, получив на то согласие китайского правительства» [4]). Ориентируясь все же на мирный исход всего дела, русское правительство предписывало в то же время ген.-губернатору Восточной Сибири «ограничиться насколько возможно простою колонизациею» края, порученного его попечению, и «избегать всякого вооруженного столкновения и насильственного занятия территории, не прибегая к подобным мерам иначе, как в случае крайней необходимости».

Путятин двигался медленно: к августу месяцу он шлет депеши лишь со среднего течения Амура. Но и тогда, когда он подходил к самому устью, согласия от китайского правительства на принятие посольства в Пекине все еще не было.

---

[1]) Проект отношения г.-ад. гр. Путятину от 25/V 1857 г.
[2]) Депеша гр. Путятина от 25/V 1857 г., № 18.
[3]) Проект письма к гр. Путятину от 25/V 1857 г., № 242.
[4]) Проект депеши к гр. Путятину от 8/VI 1857 г.

«После многих опытов, — писал Горчаков Путятину [1]), — мы не полагаем, чтобы китайцы решились вступить с нами в переговоры с намерением привести их к окончанию».

«Так как звание посланника в Китае делалось уже бесполезным» — Путятин назначался начальником отдельной эскадры и императорским комиссаром в китайских морях, где сосредоточивались военные силы европейских держав. Надежды достигнуть намеченной цели путем миролюбивых переговоров иссякали. Русскому правительству ничего не оставалось более, как спешить поставить китайцев перед совершившимся фактом и для того усилить в районе Амура колонизаторскую работу, экстренно вызвав из Парижа ген.-ад. Муравьева для присутствия в Амурском комитете.

Так как китайцы работе этой никакого сопротивления оказывать не могли, она, естественно, должна была носить мирный характер. «Правительство наше, — разъяснялось министерством Путятину, — решилось не уклоняться от того пути, который оно первоначально избрало в сношениях своих с китайским правительством, т.-е., с одной стороны, продолжать занятие левого берега Амура и других известных вам местностей в том крае, с другой — не прерывать наших сношений с китайским правительством, возобновление которых было бы чрезвычайно трудно, может быть, даже невозможно на тех началах, на которых они существуют ныне, и, наконец, угрожало бы гибелью нашей миссии и уничтожением кяхтинской торговли»...

Поступавшие в министерство из пределов Китая сведения носили между тем, в общем и целом, благоприятный характер: «При сложных и неблагонадежных отношениях,— писал начальник пекинской духовной миссии архимандрит Палладий [2]), — в какие поставлено манчжурское правительство к иностранным державам, оно терпит неудачи и во внутренней борьбе с инсургентами. Недавно они имели новый успех, который может иметь последствия крайней важности. Инсургенты, простирая виды на Фу-цзянь, обложили западную границу этой губернии. В течение апреля нынешнего года они большою массою вторглись в пределы Фу-цзянь и в короткое время, сряду, заняли несколько городов этой промышленной и торговой области; с одной стороны, они овладели речным сообщением между Вуишаньскими горами и портом Фу-Чжоу-фу, с другой — городом Чун-Ань-сянем, расположенным близ самых Вуишаньских чайных плантаций»... Испытываемые пекинским правительством затруднения создавали, по мнению того же осведомителя, почву, благоприятствующую успехам русской политики. «Мне кажется, что здешнее правительство, внутренно сознавая невозможность удержать за собой спорную линию Амура, будет считать новую пограничную черту фактом, который, по духу китайской дипломатии, остается искусно избавить от огласки, прикрыв его благовидным молчанием с той и другой стороны, пока он, по праву давности, не сделается естественным и неоспоримым»... В международной обстановке того времени было еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее успешной колонизаторской работе того времени,— это связанность Англии вспыхнувшим в ту пору в Индии восстанием. «Нынешнее восстание в Индии, — доносил Путятин 25/IX 1857 г. из Шанхая, — замедляя ход событий в здешних краях, дает нам нужное время для достижения имеющейся в виду цели».

Министерством делалось попрежнему принципиальное различие между интересами России и других держав, ибо «для нас права и преимущества, которые последние могут

[1]) Проект инструкции гр. Путятину от 24/XII 1857 г.

[2]) Донесение не датировано, написание его относится к июню 1857 г.

вытребовать для себя на китайских морях, не достаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе». И попрежнему Путятину разрешалось входить в совместные действия лишь с представителем Вашингтонского кабинета, предписывалось держаться в благородном отдалении от своих воинственно настроенных коллег и наблюдать за тем, «чтобы ни одна из означенных держав не выговаривала себе права владения или временного занятия местностей, на которое мы имеем виды; чтобы, в случае, если им предоставлено будет свободное плавание по рекам Китая, не был включен Амур»... Отмежевываясь от политики западно-европейских держав, русская дипломатия непрочь была однако заимствовать кой-что из арсенала их империалистической практики. «Китайское правительство, — писал Путятин [1]), — не может сделать упрека России в занятии левого берега Амура от реки Горбицы до Хинганского хребта, где он проходит в Манчжурию; ибо хотя эта часть бесспорно принадлежала Китаю по трактату, но теперь возвращена под русское владение вследствие нарушения двух важных постановлений того же трактата. Относительно приобретения приморской страны Россия поступила так же, как и Китай, который, находя вблизи своих границ народы дикие и не имеющие никакого устроенного управления, всегда подчинял их своей власти и тем делал взаимную пользу как для себя, через распространение границ, так и для диких народов, вводя к ним образованность и устраивая всякого рода порядок, каковыми правилами руководствуются французы, англичане и другие европейские народы при занятии мест, прежде им не принадлежавших».

До мая месяца 1858 года в русско-китайских отношениях нельзя заметить существенных изменений. Плавающим в дальне-восточных водах Путятиным заключается этим временем соглашение с Японией в подтверждение трактата от 26/I 1855 г. [2]).

Военные успехи союзников все более склоняют министерство к мысли об общности интересов России с интересами великих морских держав.

Мысль эта была теперь тем более закономерной, что неизбежность понудительных мер становилась очевидной.

Даже в вопросах западного Китая, где недавно русское правительство хотело проявить особую мягкость, у него намечается теперь более твердая линия, и оно посылает туда специальный военный отряд «для окончательного разрешения дела о разграблении русской фактории в Чугучаке» [3]).

В пределах же восточного Китая действия русского правительства отличаются непреклонною твердостью.

«Вообще, не видя успеха в сношениях наших с китайским правительством касательно разграничения в Приамурском крае, — писал министр Путятину в апреле 1858 г. [4]), — мы решились продолжать занятие его, пока самые обстоятельства не дозволят обеспечить наши права формальным договором»...

Дело «колонизации» подвигалось успешно и быстро и компенсировало неудачи дипломатической миссии гр. Путятина.

16/V 1858 г. ген. Муравьев завершает это дело подписанием в г. Айгуне с командующим китайскими войсками, сосредоточенными на Амуре, кн. И-шанем соглашения,

---

[1]) Депеша Путятина от 25/IX 1857 г., за № 80, из Шанхая.

[2]) Трактат от 26/I 1855 г. был заключен в Симоде и касался вопросов торговых и пограничных.

[3]) Проект инструкции коллежскому советнику Захарову от 9/V 1858 г.

[4]) Проект шифров. депеши гр. Путятину от 26/IV 1858 г.

«утверждающего за нами весь левый берег Амура и предоставляющего нам другие в том крае выгоды» [1]).

Соглашение это косвенным образом получает дипломатическое подтверждение в Тянь-цзине (1 (13)/VI 1858 г.), где гр. Путятин старается не отставать от своих западноевропейских коллег.

«Оба акта,— пояснял Горчаков в своей докладной записке царю [2]) значение совершившегося,— завершают урегулирование наших дел с Китаем, т.-е., обогатив Россию необъятной территорией, ваше величество добилось также признания китайским правительством великих принципов европейской цивилизации, свободного исповедания христианской религии, допущения в Пекин нашего полномочного представителя всякий раз, когда нам это будет необходимо, открытия портов и т. д. Первым из договоров этого рода, заключенных Китаем, был договор с Россией, ибо, только заключив соглашение с гр. Путятиным, китайское правительство согласилось на заключение тождественных договоров с другими державами, представленными в Тянь-цзине. С чувством глубокого волнения и от всего сердца я позволю себе поздравить вас, ваше величество, по случаю того, что в историю вашего царствования вписана новая прекрасная и славная страница».

Вместе с тем кн. Горчаков мог обрадовать и энергичного ген.-губернатора Дальневосточной Сибири, поздравив его «с блестящим успехом» и заявив, что царь «вполне оценяет его подвиг», и что он «в скором времени увидит тому доказательства».

Доказательства заключались в резолюции Александра II на цитированной докладной записке Горчакова: «Я поблагодарил бога от всего моего сердца за блестящий результат, достигнутый в двух различных направлениях. После сего я не остановлюсь перед тем, чтобы ген. Муравьева именовать: гр. Муравьев-Амурский, с производством в генералы в день коронации».

От избытка переполнивших его чувств русское правительство готово теперь пойти снова на уступки в Чугучакском вопросе и согласиться на возмещение убытков лишь в размере $^2/_3$ и даже на уплату вознаграждения чаем.

Прикомандированному к пекинской духовной миссии чиновнику мин. ин. дел Перовскому, которому поручалось урегулировать вопросы сухопутной торговли в Китае, дается настоятельная директива: «так как главная цель требований наших уже достигнута», «употребить все старания свои, чтобы стремление министерства ин. дел к сохранению мирных и дружественных отношений наших к китайскому правительству не было нарушено» [3]).

Отправляемый в Кашгар в качестве правительственного агента Захаров должен действовать не менее осторожно, и, для прикрытия цели [4]) данного ему поручения, снаряжается особый караван, его сопровождающий.

---

[1]) Проект отношения ген.-губернатору Западной Сибири от 12/VII 1858 г.

[2]) Всеподд. записка Горчакова от 7/VIII 1858 г.

[3]) Проект отнош. ст. сов. Перовскому от 16/VII 1858 г.

[4]) Захарову поручалось собрать подробные сведения о крае, интересовавшем министерство ин. дел. «Распространение владений наших за реку Или, приблизившее нас к Кашгарскому ханству, — писал по этому поводу Горчаков в докладной записке от 12/VII 1858 г. — вассальному Китайской империи и соседственному с Тибетом, Кашмиром и Лагором, под владычеством Англии находящимся, и виды правительства нашего на этот важный в государственном отношении край, постоянно обращали на себя внимание министерства ин. дел».

Наконец, из переписки министра с тем же Перовским [1]) мы узнаем, что, по заключению договора, «государь император... в знак дружественного своего благорасположения к китайскому правительству всемилостивейше соизволил назначить в дар ему 10.000 нарезных ружей с принадлежностями и 50 пушек большого калибра со снарядами». Обещание снабжения Китая оружием, повидимому, первоначально было дано пекинскому правительству гр. Путятиным и поставило Петербургский кабинет даже в несколько затруднительное положение. Однако данное обещание приводится в исполнение: на всеподданнейшей записке Горчакова [2]), где говорилось о возможности доставки пушек в Китай на судах из г. Николаевска, царем была поставлена помета «исполнить».

Не безынтересно отметить, что к тому же времени относится ассигнование российским министерством ин. дел особой суммы в 500 тысяч рублей, «определенных к устройству военной силы Китая» [3]).

Посылая орудия и снаряды в дар правительству богдыхана, русское правительство отнюдь не имело в виду противопоставить их работе англо-французских снарядов, ни, как мы в том уже убедились, пренебречь плодами работы последних.

Своей ратификации и вместе с тем расширения [4]) договор Муравьева, заключенный с напуганными русской экспедицией местными китайскими властями [5]), дождался только через два года. «Поступательный» путь России на Крайнем Востоке [6]) прервется после того на некоторое время. Это будет вполне закономерно, поскольку руками Муравьева осуществлялись интересы русского крупно-капиталистического предпринимательства, получавшего новые перспективы в период «великих реформ». Тем не менее тот путь, какой определялся царизму историей в китайском вопросе для царского правительства, наметился в эпоху Тайпинского восстания с достаточной ясностью: при всех особенностях, при всем своеобразии самостоятельной, независимой от других великих держав тактики, это был путь объективного, фактического сотрудничества с ними в деле разрушения китайской стены.

Все труднее становилось ему соблюдать и фигуру невмешательства во внутренние китайские дела и оставаться бесстрастным зрителем борьбы царствующей манчжурской династии с бушевавшей в стране крестьянской стихией, борьбы, которая, после принятия богдыханским двором всех условий великих держав, должна была превратиться в кровавую расправу последних с восставшими китайскими крестьянами.

Получив от правительства богдыхана все, в чем пока ощущалась нужда, царское правительство в вопросах происходящей в Китае гражданской войны все свои симпатии отдает манчжурской династии.

Вопросам этим посвящена инструкция, даваемая министерством отправляющемуся в начале 1859 г. в Пекин во главе нового посольства Игнатьеву [7]). Положение дел в Китае в этот момент еще нельзя было считать определившимся, и министерство учитывало возможность падения дайцинов и распадения Китайской империи.

---

[1]) Проект отношения Перовскому от 5/XI 1858 г.
[2]) Всеподд. записка Горчакова от 17/I 1859 г.
[3]) Всеподд. записка Горчакова от того же числа.
[4]) Присоединение Уссурийского края.
[5]) М. Н. Покровский, «Войны царской России».
[6]) Мы не имеем в виду района западного Китая.
[7]) Проект инструкции ген.-майору Игнатьеву от 17/II 1859 г.

«Междоусобия, сила обстоятельств и требование всего народа, — читаем в инструкции, — могут восстановить туземную династию; тогда, если убедитесь, что это восстановление достаточно прочно, вы не колебайтесь и с своей стороны вступить с нею в сношения. Имейте однако в виду, что ни в каком случае мы не можем защищать интересы манчжуров в Китае вооруженною рукою. Этот предмет является совершенно в другом виде, если нынешний император Китая или кто-нибудь из членов его фамилии успеет спастись от общего истребления и утвердиться в своем отечестве как независимый от Китая владетель, тогда вопрос о признании его независимости уже выходит из среды ваших поручений... Во всяком же случае, вам, как и гр. Муравьеву, необходимо знать заранее намерение министерства как относительно Манчжурии, так и Монголии, а равным образом двух других соседственных с нами владений, которые, конечно, отпадут от Китая ранее всех других; а именно: Джунгарии и Кашгара; виды наши могут ясно обозначиться только тогда, когда мы вполне узнаем, при каких условиях совершится распадение Китайской империи; в настоящее же время мы можем высказать одни наши гадательные предположения. По нашему мнению, должно стараться приобрести сколь возможно более влияния на эти владения, и в случае добровольного желания самих владетелей, решиться принять их под наше покровительство»... Министр оговаривался при этом, что это лишь одна из учитываемых возможностей, и возможность «по убеждению министерства» далеко «не так близкая, как давно предполагают».

Точка зрения министерства обосновывалась в другой части той же инструкции. Обоснование это сводилось к следующему: «...Более десяти лет продолжается междоусобная война с переменным счастьем для воюющих, а Китайская империя все еще существует... В судьбе империи, существующей около 3.000 лет, при возможных потрясениях, внутри и вне ее происходивших, и сохранившейся во всей ее самобытности законов и даже нравов, трудно предусмотреть, какое действие произведут направленные на нее разнородные силы внутренних беспорядков и внешней цивилизации; но мы все еще не соглашаемся вполне с теми, которые полагают, что конец Срединной империи близок... Исторический ход событий в Китае показывает, что время от времени, и именно в период 200 лет, китайский престол силою войны или внутренних переворотов заменяется новою династиею. К этому так уже приучен народ, что в настоящее время он находится в ожидании подобной перемены, потому что манчжурская династия царствует в продолжение почти означенного периода. Это обстоятельство, по мнению нашему, всего легче может случиться во время вашего пребывания в Пекине, следовательно, оно и подлежит прежде всего к разрешению. Вопрос состоит в том, будет ли для нас выгоднее возведение на престол китайской династии, прежней (минской) или новой,— или полезнее, чтобы удержались манчжуры на престоле. Китайская династия всегда отличалась своею нетерпимостью к иностранцам, и в этом случае мы, конечно, ничего не выиграем с переменою. Сверх того, нынешней династии мы обязаны всеми трактатами и хотя некоторыми дипломатическими сношениями со времен Петра Великого до последних двух трактатов. Следовательно, при одинаковых условиях, было бы желательно удержать нынешних манчжуров на китайском престоле»... Кроме той помощи посылкою 50 орудий и созданием 500.000-го фонда, о которых упоминалось выше, царское правительство ничего не дало дайцинской династии в ее смертельной борьбе с тайпинами.

Честь действительного подавления национальной крестьянской революции выпала на долю артиллерии англичан и французов. Но субъективно царское правительство и в этом было всецело уже с ними.

А. Попов.

Общество „Священной Дружины".

(«Отчетная записка» за 1881—1882 гг.)

«Священная Дружина», как хорошо известно в исторической литературе, образовалась вслед за смертью Александра II (1 марта 1881 г.). Это тайное аристократическое общество, поставившее целью своей борьбу с «крамолою», давно уже привлекало к себе внимание интересующихся историей русской общественности и революционного движения. Против небольшой, полуразбитой кучки народовольцев выступала сложная, сильная материальными средствами и административными связями и влияниями организация. Тщательно и чрезвычайно хитроумно законспирированная, она, однако, не только не осталась тайной для своих противников, но и вообще не сделалась популярной даже в среде, социально ей близкой, вызвав у части того правительственного механизма, который она собиралась защищать, презрительное и враждебное отношение. О «Священной Дружине», повидимому, ходили анекдоты, а государственной полиции, наружной и тайной, она мешала, результатом чего и явилась борьба между «Дружиной» и министерством внутренних дел — и падение первой [1]).

«Священная Дружина», как только что было сказано выше, имеет большую литературу [2]). Долгое время последняя питалась, главным образом, показаниями извне «Дружины»; документы, на которые опирались исследователи, выходили из лагеря противников «Общества», а отсюда, естественно, вытекали и ошибки в гаданиях о том или ином факте и его значении, и, безусловно, недооценка «Дружины» в смысле достижения ею поставленных целей. Лишь теперь, отчасти, публикуются материалы непосредственно из архива «Священной Дружины», сохранившиеся (во фрагментах) в фамильных архивах ее участников и главарей. В печати имеются два очерка, основанных на подобном материале, — к сожалению, не полном и, так сказать, «местном» [3]). Предлагаемая «От-

[1]) Анекдотическая история «Священной Дружины» и отрицательное к ней отношение со стороны многих из современников хорошо отмечены в существующей литературе; из мемуаров следует отметить записки гр. П. А. Валуева, гр. С. Ю. Витте (т. III), А. С. Суворина. — Из участников «Священной Дружины» любопытные записки оставил ген. Смельский («Голос Минувшего», 1916, №№ 1—6).

[2]) Список статей, вызванных полемикой между В. Я. Богучарским и Б. А. Кистяковским, см. А. А. Шилов, «Что читать по истории русского революционного движения?» II. 1922, также в статье М. Е. Федоровой «Московский отдел Священной Дружины» («Голос Минувшего», 1918, №№ 1—3).

[3]) М. Е. Федорова, «Московский отдел Священной Дружины (по данным архива секретного отделения канцелярии московского ген.-губернатора) («Голос Минувшего», 1918, № 1—3); Д. О. Заславский, «Взволнованные лоботрясы» («Былое», 1925, №№ 23—24).

четная записка» является, без сомнения, одним из основных исторических источников, вышедших из недр общества, но, конечно, в силу своего происхождения, также не свободна от некоторых специфических, ей присущих недостатков.

Прежде всего необходимо помнить, что «Отчетная записка» есть действительно «отчет», но отчет, составленный после ликвидации «Священной Дружины», по всей видимости — в 1883 г., когда у участников нарастало уже, безусловно горькое чувство растерянных сил и средств и желание показать всю ценность закрытого и непризнанного верховною властью общества. Все недостатки, вся суетливая, часто комическая, повседневная деятельность, вызывавшая иронию и насмешки современников, в «Записке» не могли быть отражены. Составленная как официальная история, она, можно думать, предназначалась для того, чтобы быть представленной в самые высшие сферы общества, в тот неуловимый «Совет первых старшин», каковой нигде и ни разу не выявил себя в документах в качестве конкретных, исторических лиц и состоял, повидимому, из людей, занимавших столь высокое общественное положение, что их участие только и могло выразиться в подобной форме, — т.-е. непосредственно в великокняжескую среду и, может быть, самому Александру III. В подобного рода отчете можно было, конечно, говорить о несбывшихся мечтах, разбившихся «лучших» стремлениях, скорбеть об «инсинуациях» и «клевете» и стараться всячески их рассеять. Это — первый недостаток «Записки» как исторического источника. Второй недостаток вытекает из характера самой «Священной Дружины» как общества тайного: в «Записке» нет указаний на персональный состав общества. Так как подлинник «Записки», повидимому, был представлен в высшие органы общества, и в руках исследователя имеется лишь его, правда прекрасно исполненный, черновик, то и обозначенные в конце главы второй «приложения» (устав общества, инструкции, наказы и циркуляры — очевидно, п о л н ы й их подбор) не сохранились, отправившись по своему прямому назначению отдельно. «Списки членов уже представлены», читаем там же: и их лишается читатель. Наконец, третий недостаток «Записки» заключается в том, что она дает нам лишь схему, так сказать, идеологии, структуры и «достижений» общества. Подробности изменений организации самой «Дружины» и ее борьбы с революционным движением, знаменитые попытки дружинников войти в сношения с народовольцами — все это, всю непосредственную жизнь «Дружины», читатель принужден будет искать в других источниках: отдельных записках, письмах, журналах комитетов Дружины (центрального, исполнительного, организационного), отчетах по «Добровольной охране», заграничной и внутренней агентур и т. п.

Но если в публикуемой «Отчетной записке» имеется ряд дефектов, как в историческом источнике, то, в то же время, она дает и много ценнейших указаний. «Записка» именно в силу своего официального, так сказать, происхождения разрешает ряд спорных пунктов, до последней поры еще так и не получивших общего признания. Так, вопрос о роли «Вольного Слова», как «конституционной» газеты «Земского Союза» получает свое окончательное разрешение — газета преследовала определенные провокационные цели, и весь «Союз» был только «фикцией» «Священной Дружины». В связи с этим становится известным: во-1-х, целая, хорошо продуманная, система «подпольной литературной борьбы» «Дружины», с постановкой трех газет, преследующих одну общую скрытую цель и резко антагонистичных по своим программам: «Правда» — ультралевая, «Вольное Слово» — конституционная и украинофильская и «Московский Телеграф» — либерально-легальная. Как завершение такой системы — предполагалась (но не осуществилась) к выпуску газета в духе направления «Священной Дружины»:

вербовка членов на развалинах обанкротившихся миросозерцаний противников. Из этой «литературной» программы вытекает для исследователя необходимость заново поставить другой вопрос, именно — о «конституционализме» некоторых из членов «Священной Дружины» и их сношениях в «литературных» делах с настоящими либералами. Мы имеем в виду графа Павла Петровича Шувалова, с его «конституционной запиской» [1]), и связь его с Мих. П. Драгомановым, редактором «Вольного Слова» и безусловно искренним конституционалистом. Решение этой задачи, думается, может быть, следует искать в установлении: во-первых, «идеологии» «Дружины», хорошо выясняемой из «Отчетной записки», а во-вторых, характера самого гр. П. П. Шувалова, прекрасного практика-хозяина, умного и, повидимому, очень хитрого человека. С последней точки зрения следовало бы пересмотреть и настроения других заправил «Священной Дружины» — напр., гр. Алексея Александровича Бобринского, «брата № 126», члена исполнительного и центрального комитетов, впоследствии известного археолога, члена Госуд. Совета, министра земледелия и крайне правого политического деятеля, написавшего, однако, 10 марта 1881 г. «Несколько скоро набросанных слов по поводу общих толков, мнений и предположений», с требованием созыва Земского Собора для «уничтожения» «небольшой шайки злодеев» и заявлением, что из-за этой шайки «наказывать всю страну, стращать всех и каждого, терроризировать всю Россию за гнусное преступление наших отъявленнейших врагов — обидно и несправедливо, да и, наконец, не поведет никогда к добру» [2]).

Фактическая история общества из «Отчетной записки» также получает решительные и окончательные вехи. Мы узнаем из нее, что «Священная Дружина» приступила к работе уже 12 м а р т а 1881 г. [3]), а распущена была 26 н о я б р я 1882 г., с окончательной ликвидацией дел к 1 января 1883 г. Затем, совершенно ясной становится организация частей общества — С. П. С., центрального, исполнительного и организационного комитетов, их круга ведения, агентур и т. п.; ясно и взаимоотношение с «Дружиной» с а м о с т о я т е л ь н ы х вспомогательных обществ — «Добровольной охраны» и «Железнодорожной добровольной охраны». К сожалению, в «Записке» совершенно не упоминается любопытное с т у д е н ч е с к о е общество (повидимому — С.-Петербургского университета), устав которого приводится нами в приложении к «Записке» [4]): надо думать, что общество это, построенное по принципу также заговорщическому и преследующее откровенно шпионские цели, так и осталось неосуществленным ввиду малого числа охотников среди молодежи заняться полицейским сыском среди своих товарищей.

---

[1]) И. Д. Шишманов, «Конституционная записка гр. П. П. Шувалова (К истории русского освободительного движения в 80-х гг. XIX столетия)» — («Вестник Европы», 1913, № 8).

[2]) Ленингр. Центр. Исторический Архив, Архивохр. Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел, архив гр. Бобринских.

[3]) Поэтому явно неверны, думается, указания гр. С. Ю. Витте, что «Дружина» была организована по его проекту, хотя на это есть ссылка и в дневнике А. С. Суворина (ср. гр. С. Ю. Витте «Воспоминания», т. III, Л. 1924 г., гл. VIII; А. С. Суворин «Дневник», П. 1923 г., стр. 26): к 12 марта едва ли мог Витте уже дать в П е т е р б у р г сведения через Фадеева из Киева о своих замыслах, успеть съездить туда, повидаться с гр. Воронцовым-Дашковым и гр. Шуваловым и вернуться в Киев уполномоченным «Священной Дружины».

[4]) Лен. Ц. И. Архив, Архивохр. Нар. Хоз., Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел, архив гр. Бобринских.

Наконец, из «Отчетной записки» выясняется и точное количество членов «Священной Дружины», достигавшее к ликвидации общества 729 человек, и число «добровольцев» («постоянных» — значит не наемных филеров!) в «Охранах» («Добровольной» и «Добровольной Железнодорожной») — 14.672 человека.

«Отчетная записка» представляет собою рукопись в лист писчей бумаги, написанную прекрасным писарским почерком, на 15 л., на «слоновой» бумаге, переплетенную в темно-зеленый сафьян с золотым тиснением. Кое-где рукопись поправлена другим почерком, и тем же почерком сделаны вставки в оставленные в рукописи пустые места. Таковы — сведения о количестве членов «Дружины» и названия журналов и газет, издаваемых ею. Очевидно, сведения эти являлись тайной для лица, переписывавшего рукопись, и были вставлены после кем-либо из «высших братьев». Все эти вставки в тексте набраны курсивом. Разрядкою набраны все места, подчеркнутые в самой рукописи, повидимому, тем же лицом, которым произведены указанные вставки (насколько это можно судить по цвету чернил). Обращает на себя также внимание очень плохой, местами, русский язык «Записки». Рукопись хранится в Ленинградском Центральном Историческом Архиве, в Архивохранилище Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел (Фам. архив гр. Воронцовых).

П. А. Садиков.

«Отчетная записка».

Глава I.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА.

Злодейство 1 марта глубоко потрясло все слои русского народа, не исключая и тех, которые были не чужды политических метаний и увлечений. Благоразумная часть русского общества не могла не отнестись с ужасом и опасением к различным, ясно выразившимся, явлениям нашей жизни и не считать своим долгом принять в них какое-либо деятельное участие. Естественно явились тревога и страх за безопасность ныне царствующего государя императора и его августейшей семьи. Естественно порождалось недоверие к силам и действиям подлежащих властей, не успевших оградить в бозе почившего государя от ряда преступных покушений и мученической кончины в центре государственного управления. Эта часть общества не могла не видеть размеры политических брожений, охвативших в последнее время русскую жизнь, в особенности интеллигентные ее сферы. Начинались эти брожения с неопределенных и довольно бесформенных либеральных мечтаний разнообразных оттенков и кончались, однако, развитием революционной партии и уродливой кучки наших крайних террористов, убийц.

Верноподданные русского государя не могли также не сознавать, что каждая из означенных партий брожения отличается сплоченностью и солидарностью своих членов, пользуется безусловным — сознательным или бессознательным — содействием легальных органов нашей

печати, не говоря о подпольных. Совершенно иное усматривалось в противоположной им части русского общества.

Далеко не малочисленная, но бессильная против такой организации, при полном отсутствии связи внутренней и общей программы действий, эта часть общества чувствовала, в такой ужасный исторический момент, необходимость организации для образования твердого и решительного отпора всяким покушениям на государственный строй и его исторические основы.

Чувство это было искренно, глубоко и требовало только формы для осуществления.

Казалось, что такая организация, такой союз людей охранительного образа мыслей могли бы облегчить заботы администрации по охране государя императора и его августейшей семьи, а также этот охранительный союз, приняв на себя задачу постепенного рассеяния заблуждений и утопий, оказал бы тем деятельную помощь властям в борьбе с крайними партиями.

Проникнутые этим сознанием, с этою целью некоторые лица охранительных воззрений образовали частное общество, которое открыло свои действия 12 марта 1881 года.

Глава II.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА.

Первые месяцы своего существования общество почти исключительно было занято внутренними, организационными работами (выработка устава, привлечение членов общества, группировка их по специальностям и т. д.).

Делами руководил Совет из первых старших членов (С. П. С.) через особое делопроизводство.

Одним из главнейших оснований организации было сохранение самого образования общества и его деятельности в возможной тайне.

Признавалось это необходимым для более успешного противодействия различным группам политической оппозиционной партии. Нескромность некоторых лиц (узнавших по служебному своему положению об образовании общества) обнаружила его существование; хотя это обстоятельство и породило не мало невыгодных для него толков со стороны лиц, недостаточно знакомых с организацией и целями общества, но имело, однако, и ту хорошую сторону, что произвело удручающее впечатление на всю, без исключения, социально-революционную партию.

Революционеры увидели, что против них вооружается общественная сила, могущая действовать самыми разнообразными и неуловимыми орудиями. Они по собственному опыту знали, насколько для них может быть опасен скрытый враг, обладающий всеми средствами

не только проникнуть вглубь их организации (как они проникают в правительственные), но могущий начать с ними самую опасную борьбу — борьбу идеи.

Поэтому они заволновались в прессе как в своей подпольной и заграничной, так, значительной частью, и в нашей легальной, всеми средствами стараясь восстановить общественное мнение против возникающего учреждения. К сожалению, нельзя умолчать, что иногда и правительственные чиновники (не только полицейские, но и других ведомств) относились к обществу не с должным беспристрастием, чем нередко ставили делу серьезные затруднения.

На молодое, только что возникающее общество сыпались обвинения и нападки со всех сторон. Приходилось только отмалчиваться, так как организация союза не представляла никакой возможности защищаться от инсинуаций и открытой клеветы, направленных как против его целей и деятельности, так и против личного его состава.

В этом нравственно-тяжелом положении членов общества поддерживало только одно сознание, что они собрались для борьбы, для отстаивания своих глубоких убеждений и что эта борьба, что поднятие охранительного знамени не может обойтись без нравственных и материальных жертв.

В июне месяце 1881 г. общество настолько окрепло, что могло организовать народную охрану в городах: Москве, Нижнем-Новгороде, Ярославле и Рыбинске во время путешествий их величеств по России.

В октябре того же года закончился организационный период жизни общества, которое приняло нижеследующее устройство (форму):

1. Во главе общества остался Совет первых старших его членов (С. П. С.).

2. Всею деятельностью управлял центральный комитет (Ц. К.), члены которого были по назначению от С. П. С. — Ц. К. были подчинены все учреждения общества.

3. Исполнительная деятельность лежала на двух коллегиальных учреждениях: организационном комитете (О. К.), ведавшем общественную деятельность и личный состав, и исполнительном комитете (И. К.), направлявшем специальную службу подчиненных обществу разведывательных органов. В состав комитетов входили попечители, руководившие отдельные организации [sic!], а также принимали в них постоянное участие как члены: в центральном комитете — товарищ министра внутренних дел, в исполнительном комитете — С.-Петербургский обер-полицмейстер.

4. К этому же времени относится образование вспомогательного общества, принявшего название «Добровольной охраны».

Добровольная охрана была подчинена центральному комитету и имела специальную цель — наружную охрану священной особы

государя императора и членов августейшего семейства путем привлечения к этому делу, в качестве добровольцев, масс местных обывателей.

Добровольная охрана имела два постоянных отделения — одно в С.-Петербурге, другое в Москве, которые и действовали во время высочайших приездов с отделением своих сил и в загородные места пребывания государя императора.

5. В провинции учреждено было несколько местных комитетов (в Нижнем-Новгороде, Харькове, Киеве, Земле Войска Донского и др.), подчиненных, на общем основании, центральному комитету. Всем этим учреждениям выданы были наказы и инструкции, обусловливающие круг их деятельности.

В этом виде, не считая незначительных изменений, осталась организация общества до его закрытия.

В начале декабря 1881 г. состоялось распоряжение о приостановлении дальнейшего развития личного состава общества: предполагалось произвести органическую реформу, придав ему полуофициальный характер. Реформа эта произведена не была, и учреждение осталось, до своего закрытия, без увеличения личного состава. Всех членов в обществе было *729*. — В охране же постоянных добровольцев состояло *14.672 человека*.

В этот последний период могла развиться только внутренняя деятельность общества настолько, насколько это позволяла численность его членов. 26 ноября, по приказанию С. П. С., было приступлено к ликвидации дел, которая и была закончена 1 января 1883 г.

Приложения: устав общества, наказы, инструкции и циркуляры (списки членов уже представлены).

Глава III.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА.

Согласно условий, при которых возникла мысль об образовании общества, и той задачи, которая легла в его основание деятельности, общество имело охранительную цель, в широком смысле этого слова. Охранительную эту деятельность, по формам ее проявления, возможно разделить: на личную охрану государя императора и его августейшего семейства и общественную деятельность.

Первый вид деятельности (охранная) подразделился на охрану наружную и внутреннюю (деятельность секретно-агентурная). Внутренняя же охрана распалась на работу по чисто полицейскому сыску и на литературную борьбу с социально-революционными лжеучениями.

Наружная охрана.

Для содействия наружной охране священной особы государя императора и его августейшего семейства общество выставляло уличную (панельную) стражу из своих членов, добровольцев и оплачиваемых стражников.

При проезде же его величества по району постоянной деятельности охраны все дома и строения, расположенные по пути высочайшего следования, были также специально оберегаемы. Для успешного выполнения этой серьезной и ответственной обязанности образовано было [sic!] вспомогательная организация, принявшая название общества «Добровольной охраны».

Приводим главные основания организации Добровольной охраны:

1. Добровольная охрана действовала открыто, хотя и неофициально.

2. Обыкновенные маршруты государя императора составляли район постоянной деятельности охраны, т.-е. все дома и строения этого района, равно как и его народонаселение, были под постоянным бдительным надзором.

3. Панельная охрана в городах, в районе Добровольной охраны, производилась домовой стражей и летучими отрядами; вне района — одними летучими отрядами.

4. Для усиления внутреннего, домового надзора (в местах, где обстоятельства этого требовали) в распоряжении Добровольной охраны находились бригады из оплачиваемых агентов, составлявшие из себя отдельную организацию (искл. Добр. охр.).

Предполагалось, что при подобной организации район Добровольной охраны гарантирован от заблаговременно устроенных преступных покушений из домов и строений. Панельная же охрана его усилится до возможных пределов.

Добровольная охрана постоянно действовала в городах: С.-Петербурге и Москве, в местах пригородной резиденции их императорских величеств и по линиям железных дорог: Николаевской, С.-Петербурго-Варшавской, Балтийской и Царскосельской.

Кроме того, постоянно находился летучий отряд из оплачиваемых стражников Добровольной охраны в Царском Селе.

Внутренняя охрана или сыскная агентурная деятельность.

Опыт первых же месяцев указал, что деятельность наружной охраны крайне затрудняется без сведений и указаний из той среды, из которой можно ожидать преступных предприятий, так как эти сведения дают возможность наружной охране действовать спокойнее

и сознательнее, что более чем важно в таком трудном и ответственном деле.

Поэтому общество, желая добросовестно исполнить принятую на себя священную обязанность, не останавливалось перед образованием, из оплачиваемых лиц, нескольких полных секретно-агентурных организаций. Каждая из этих организаций была под высшим руководством одного из членов общества, которому присваивалось название попечителя этой организации.

Всех попечительств было 4 (местность № 1 и 2, Петербургская и Московская, заграничная и железнодорожная).

Каждое попечительство получило свои наказы.

Все агентурные организации были тесно друг с другом объединены в исполнительном комитете, где, в свою очередь, через заседающего в комитете обер-полицеймейстера, устанавливалась связь с местными организациями государственной полиции.

В центральном комитете присутствовал *с осени 1882 года* при докладах товарищ министра внутренних дел.

Деятельность внутренней охраны была направлена к проникновению в самую глубь социально-революционной партии для выяснения как личного состава ее деятелей, так и их преступной работы.

Предполагалось, что чем с большего числа сторон поведется всякая сыскная деятельность, чем шире ею охватят революционную среду с ее многоразличными разветвлениями, тем больше шансов будет и углубить разведывательную работу и предупредить всякое преступное начинание.

Общий порядок, общий тип деятельности был установлен следующий:

Старались разными путями добыть таких людей, которые или вращались, по какому-либо случаю, в революционной среде, или, через имеющиеся знакомства, могли туда проникнуть.

Эти люди (секретные агенты) сообщали в агентуры все, что делалось в этих кружках.

Сведения эти проверялись и дополнялись агентурной разработкой с помощью секретных справок и наблюдений, которые производили наружные агенты (филеры).

Агентурная организация строго отделяла секретных агентов от наружных, проверяя действия одних с помощью других.

Не входя в подробности изложения системы, принятой агентурной организацией, можно только сказать, что общество старалось обеспечить успех дела тайной его обстановки и хорошим выбором секретных агентов.

Последнее условие чрезвычайно важно, так как все искусство руководителя заключалось в умении избрать хорошего внутреннего сообщителя и в направлении его деятельности с таким расчетом, чтобы он не обнаружился, а приобретал все большее и большее доверие в революционной среде.

Драгоценным секретным агентом считался тот, который, оставаясь преданным обществу и его целям, добивался положения выдающегося деятеля в революционной партии. Это положение давало ему возможность знать многое, что делается в революционных сферах.

За некоторое время секретно-агентурные сведения не только познакомили членов общества с частью личного состава революционной партии, но и выяснили им характер самого движения с его опасными и слабыми сторонами.

Это более близкое знакомство с революционным движением указало на необходимость открыть борьбу с этим движением на поприще идеи, употребив для этого особые агентурные приемы.

Подпольная литературная борьба.

Ввиду преобладания в русском революционном движении террористической (народовольческой) партии и широкого развития ее деятельности и разветвлений (что явствует из приложенных к обзору сведений), общество признало недостаточной деятельность своих разведывательных, секретно-агентурных органов, направляемых рутинно-полицейским способом; потому что, если даже допустить, что этим путем удалось бы охватить бо́льшую часть опасного революционного движения (что на практике едва ли исполнимо), то все-таки на характер движения не могли бы иметь никакого влияния. Умаление же острого движения в революционных сферах, а этим и размера террористической деятельности, признавалось в охранном отношении крайне необходимым, так как при развитии террористического (народовольческого) фанатизма можно было ожидать самых непредвиденных и тяжелых случайностей. Для целей активного воздействия на крайние революционные фракции, общество успело открыть три печатных периодических органа, действующих каждый в разных революционных группах, питающих народовольческую (террористическую) партию.

Совокупное действие этих органов было рассчитано таким образом, чтобы дискредитировать в революционных сферах народовольческое (террористическое) учение; породить сомнения и споры в практической применимости этого учения; завести искусственные ссоры между членами партии и вообще всячески стараться произвести расколы в личном его составе. Кроме того, с помощью этих орудий надеялись значительно расширить сведения общества о революционном движении и проникнуть в высшие его слои,

недоступные для простого полицейского сыска.

Деятельность этих трех органов печати распределялась следующим образом:

В эмиграционных сферах были два подпольных органа: «*Вольное Слово*» и «*Правда*». «*Вол[ьное] Слово*» должно было поднять почвенные вопросы и стараться, путем анализа и критики русского революционного движения, обездомить [sic!] беспочвенных народовольцев. Кроме того, выкидывая флаг умеренно-революционного движения, оно должно было дать нужную аргументацию всем колеблющимся в народовольческой партии силам, для естественного их отделения от партии.

Дело это увенчалось полным успехом: борьба *вольнословческого* с народовольческим направлением лишила последнее значительного количества последователей и денежных средств *(отделение украинофилов)*.

Газета «*Правда*» действовала в диаметрально-противоположном направлении. Она утрировала народовольческую программу, доводила ее до очевидной нелепости даже для политически отуманенных лиц. Первоначально она увлекла даже народовольческих авторитетов, связала революционную репутацию многих из них своим существованием, а затем, с величайшим скандалом, провалилась вместе со своими покровителями. Карикатурность этого факта имела на крайнее движение отрезвляющее действие как доказательство от противного. Между «*Вольным Словом*» и «*Правдой*» была установлена ожесточенная полемика. Наконец, в либеральных политических сферах действовал легальный орган «*Московский Телеграф*», который нужен был для одной из фикций [sic!] «*Вольного Слова*» *(Земский Союз)* и должен был провалить политическо-либеральное движение, столкнув его с экономически-либеральным *движением*. Главное, чем предполагалось произвести потрясение, — это *обнаружением факта*, что «*Московский Телеграф*» служит агентурным целям Священной Дружины. Дело это ликвидировано было незаконченным.

Общественная деятельность.

Общественная деятельность имела целью по возможности тесно сплотить консервативные элементы русского общества, исследовать общественные движения, волнующие русскую жизнь, и бороться с этими движениями по мере сил и возможности. Для достижения этой цели принят был нижеследующий план действия.

Решено было привлекать в члены общества таких лиц, которые по своим знаниям и положению могли бы служить руководителями или сильными пособниками консервативного движения.

К подобным лицам принадлежат служащие по выборным учреждениям как городским, так и земским (предводители дворянства, председатели земских управ, влиятельные гласные и т. п.), литераторы, богатые собственники, пользующиеся влиянием в своей местности, выдающиеся лица торгового, промышленного и финансового мира, серьезно занимающиеся политическими и экономическими исследованиями и т. п. При оценке лиц, кроме вышеприведенных условий, принимались еще во внимание некоторые особенности их положения, увеличивающие их нравственный ценз: их консервативные семейные традиции, их политическая зрелость, некоторые экономические особенности и независимость их положения и др.

Обращено было особенное внимание на принадлежность доверенных членов общества к коренной национальности страны, заинтересованной в охранении политического преобладания этой национальности. Так, напр., общество мало доверяло польскому и еврейскому консерватизму, так как политические интересы этих национальностей расходятся с коренными русскими, а на экономическую связь, экономическое тяготение к России — еще мало можно рассчитывать. Прием же привлечения новых членов в общество через старых и под личную ответственность последних вполне обеспечивал возможность иметь хорошую оценку новопоступающих.

Решено было избранных членов общества заинтересовать разными общественными вопросами с тем, чтобы они занялись их разработкой.

При этом исключительно предпочиталась фактическая разработка данного предмета общим рассуждениям, имевшим значение только личного мнения.

К вопросам, подлежавшим разработке, относились:

Местные народные волнения, разные проявления общественного неудовольствия, экономические бедствия, беспорядки, хищения и т. д.

Рекомендовалось более знакомиться с вопросами административными, вопросами земского самоуправления и в особенности с крупными правительственными распоряжениями, как-то: сенаторскими ревизиями, специальными комиссиями по исследованию вопросов, затрудняющих центральное правительство, и т. п.

Работа эта должна была восстановить действительную картину общественной жизни и дать ей истинную окраску.

Результатом этой работы должна была быть выработка не только принципиальной, но и практической консервативной программы, — солидарность с этой программой всех членов общества и пропаганда этой программы членами общества, — каждым в кругу его естественной деятельности.

Кроме того, консервативная борьба должна была выразиться и высказаться и на земских выборах и на почве литературной, где

общество предполагало привести в исполнение одного [sic!] из самых могучих рычагов сплочения партии, именно: печатный орган. Имея своих членов подписчиками и через них его распространяя весьма обширно по России, все указанные вопросы могли бы разрабатывать подробно и в желаемом направлении. Общество не скрывало от себя трудности устройства такого дела, ввиду принадлежности массы пишущих лиц к либеральным и крайним кружкам. Оно уже имело некоторый план проекта такого дела, когда деятельность его была прекращена, а вместе с тем, конечно, и дальнейшая разработка сказанного плана.

В сравнительно короткое, для такового важного дела, время существования общество еще не могло успеть образовать настоящей связи партии. Но сношения со многими лицами были уже начаты, и получались весьма полезные сведения, характеризующие как настоящее положение нашего общества, так и политическое брожение, охватившее разные его слои.

Глава IV.

КРАТКИЙ СВОД СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА И ОТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ЕГО ОРГАНИЗАЦИЙ.

С первых дней своего образования общество старалось о выяснении русского революционного движения, революционной организации, личного состава и деятельности различных кружков, преимущественно кружков активных и крайних. Но, для большего освещения всей картины этого движения, общество не могло не интересоваться и другими слоями, не революционными, но лишь оппозиционными, так как исследование этих слоев могло указать частью на точки соприкасательства их с революционными партиями, частью же повести к разъяснению тех условий, которые дают возможность к пополнению рядов революционных партий, а, следовательно, если не прямо, то косвенно поддерживают революционное движение.

Поэтому в настоящий свод внесены главнейшие по означенным предметам указания, имевшиеся в поступивших от членов общества и от разведывательных организаций сведениях.

Революционное движение в России представляется развитым в сильной степени, и в нем преобладает народовольческое (террористическое) направление.

Теоретический созиализм [sic!] с его многообразными проявлениями уступил место систематическому террору: учение о народолюбстве, с хождением в народ, заменилось зажигательными воззваниями к борьбе с правительством, для насильственного его ниспровержения.

Аксиомами народовольческого учения сделались: обязательное и окончательное разрушение существующего правительственного и общественного строя и недопущение даже рассуждений о будущем, желательном для революции созидании, из опасения могущих поро-

диться вследствие того споров и несогласий, а следовательно — раскола и затем ослабления сил. Все же усилия и все внимание специализировались на борьбе с правительством.

Учение это принято не без увлечения революционною молодежью, отзывчивой на всякие новые партии: оно мало обременяло ее ум и давало богатую пищу страстям.

Большинство более серьезных революционных кружков (не исключая и эмиграционных) признало, что активная борьба с правительством с помощью политических убийств есть единственное быстрое средство для достижения государственного переворота.

Наконец, не малое число политических либеральных кружков, преимущественно преследующих специальные интересы своих национальностей, смотрело на народовольчество как на крайне действительное средство к ослаблению политической силы государства и тем самым к успешности всякого национального движения.

Таким образом это дикое революционное движение не только не встречало во многих оппозиционных сферах общества противодействия, но не подвергалось в них даже поверхностной критике.

Народовольческая пропаганда велась во всех землячествах, студенческих кружках и на многих фабриках; она вызывала охотников пожертвовать собой для революционного дела — для освобождения личности гражданина от политического и экономического гнета. Главным аргументом пропаганды было проводимое убеждение, что экономическое освобождение немыслимо без освобождения политического, а последнее может быть только завоевано у правительства и завоевано единственно силою.

Результатом преобладания народовольческого учения явилось обострение революционного движения в опасном для общественного спокойствия направлении; выразилось оно в объединении самых активных и энергических революционных сил в народовольческой партии, для систематического их направления против слабых сторон правительственного организма. Это объединение сил получило в революционных сферах название централизации революционной борьбы.

Хотя личный состав народовольческой партии в значительной части состоит из молодых людей, учащихся, а равно бросивших занятия, но руководство делами партии, повидимому, сосредоточено в руках старых профессиональных революционеров.

Есть основания предполагать, что часть денежных средств для народовольческого движения поступает из некоторых крайних фракций либеральной партии и что существует полная солидарность интернациональной партии анархистов-динамитчиков с русскими народовольцами.

Хотя влияние более горячих либералов-экономистов, так называемых «почвенников» и не безучастно [sic!] в революционном движении, но лица эти поддерживают революционное движение нередко

бессознательно, не имея в своих стремлениях ослабления политической силы отечества и потому менее вредны.

Прочие фракции революционного движения, как-то: народники, чернопередельцы, социал-общинники и другие не имеют серьезного государственного значения как по слабости своего личного состава, так и по незначительности их денежных средств; они послужили частию к усилению своим отделившимся континентам [sic!] народовольческой партии и частию к внесению в сельское население смешения экономических понятий.

Политическая и экономическая программа весьма многочисленных либеральных партий чрезвычайно разнообразное [sic!]. Общая черта всех либеральных стремлений отличается теоретичностью, отсутствием знакомства с условиями русской жизни, по крайней мере — жизни громадного большинства, их потребностями и даже с нравственными и умственными силами народа.

Вследствие этих отличительных явлений либеральное движение дает в России совершенно иные результаты, чем те, которые встречаются в государствах, глубоко освоивших возможность всякого поступательного движения политического и экономического лишь в порядке последовательно-постепенном: движение это в России не имеет р е ш и т е л ь н о н и к а к о г о в о с п и т а т е л ь н о г о з н а ч е н и я и даже влияет бесспорно разрушительно, революционно. Либеральное волнение проникло из интеллигентных сфер в низшие слои общества. В результате оно дает одно лишь смешение основных экономических понятий в сельском населении и порождает не мало аграрных недоразумений и затруднений. Крестьянское население во многих местностях стало в какое-то выжидательное положение, надеется нового наделения землею [sic!] и страшится, чтобы бары и чиновники не помешали осуществлению воли государя отдать крестьянам всю помещичью землю. Это явление, а также широкая смута, посеянная во многих слоях общества, представляются единственными почти результатами деятельности либеральной партии, п о л ь з у ю щ е й с я д л я п р о д л е н и я с в о и х д н е й п о ч т и о с о б ы м и , л и ш ь в р е м е н н ы м и у с л о в и я м и п р а в я щ и х с ф е р , н е у с п е в ш и х е щ е у с т а н о в и т ь с в о е й п о л н о й о р г а н и ч е с к о й п р о г р а м м ы.

Хотя учение либералов и не имеет твердой почвы, но представляет для интеллигентных групп большое обаяние: таким образом некоторые частные общества, разрешенные правительством для целей филантропических, литературных и ученых, не чужды политического брожения; некоторые лица, участвующие в городских и земских общественных учреждениях, сочувствуют либеральному движению и мечтают о политической роли для общественных представителей. Хотя законодательства об общественных учреждениях ясно обрисовывают их исключительно местный, хозяйственный характер, но представляется возможным, что эти отдельные либеральные мечтатели успеют

воспользоваться случайным составом некоторых отдельных представительных местных собраний, чтобы свести их с почвы строго хозяйственной на путь беспочвенных ходатайств о расширении круга представительной юрисдикции.

Некоторые члены судебного ведомства оказываются не чуждыми либерального движения; они не освоили строго охранительного духа законодательства 20 ноября 1864 г. и искали в нем одного лишь поклонения формам правомерности и правового порядка.

Грустный, тяжелый факт замечен при расследовании революционных сфер: значительный, почти преобладающий контингент в революционной фракции, не исключая и крайних, дают учебные заведения. Оказываются не безучастными в *политическом движении* и воспитатели и преподаватели заведений как высших, так средних и низших; их участие замечается преимущественно в либеральном лагере, дающем, однако, иногда исполняющие силы в партию революционеров.

Тяжелый упрек в поддержании и развитии в обществе революционных и либеральных брожений падает на весьма многие органы периодической печати. На страницах большей части изданий встречается умышленное искажение различных фактов общественной жизни, междустрочная, а иногда и открытая, пропаганда политических доктрин, начиная с республиканских и конституционных и кончая славянофильскими мечтаниями об общении царя с народом путем всесословной думы из народных ходебников. В целях чисто материальных печать старается, во вкусе многочисленной либеральной партии, различных оттенков, вести постоянную критику общественного строя и действий правительства. Ввиду почти полного отсутствия в печати серьезных консервативных органов, преобладающий в прессе характер имеет в результате серьезное влияние и, особенно в провинции, усугубляющее брожение умов.

Дворянство значительными массами удалилось от своих хозяйств, от местных провинциальных интересов. Это оскудение провинциальной жизни, между прочим, повлияло и на самое дворянство, выразившись постепенным уменьшением ее [sic!] практической компетентности в различных местных вопросах; этим [sic!] пробел нередко пополняется или газетными, не всегда точными, сведениями, или теориями модных экономистов и политиков, по большей части людей кабинетных. Явившаяся таким образом разрозненность сил дворянских отзывалась неблагоприятно и на остальные консервативные элементы [sic!], которые хотя и многочисленны, но находятся вне всякой внутренней связи и солидарности. Это явление, с одной стороны, лишает правительство поддержки надежной и значительной общественной силы, а с другой — открывает без боя поле действия для либерально-оппозиционной и революционных партий.

Остается затем масса, весьма многочисленная, спокойных [sic!] обывателей, незараженных никаким партиозным духом. Отличительной чертой этой массы являются п о л и т и ч е с к а я б л и з о р у-

кость, иногда увлечение громкими фразами и стадные свойства. Хотя эти [illegible] были только смущены волнением оппозиционных групп, хотя волна это не поколебало их верноподданнических чувств, но в них зародилось прискорбное недоверие к правящим сферам и пошатнулось нравственное их спокойствие, что не осталось без влияния на экономическую жизнь населения.

Ближайшее изучение всех имевшихся в виду общества указаний и сведений приводит к следующему заключению: точная определительность на основаниях коренных свойств русского самодержавия и строгая обязательность основной программы, данной для высших правящих сфер, должны, повидимому, повести к следующим крупным результатам. Явится успокоение в тех слоях общества, которые стоят вне всяких оппозиционных движений, и возможность сплотиться тому консервативному элементу, который так настоятельно необходим для верного урегулирования государственной и общественной жизни.

Либеральные партии, вероятно, потеряют настоящую свою нетвердую и временно случайную почву, свою страстность и вступят на тот путь, где будут безвредно служить покойным разъяснениям различных общественных потребностей; а с видоизменением характера либеральных партий партии революционные почувствуют, конечно, весьма скоро свою изолированность, отсутствие контингента для пополнения своих рядов, что независимо от нормального их ослабления путем полицейским, по всей вероятности, заставит их примкнуть к либеральным партиям, на почве безвредной для государственного строя и общественной безопасности.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОЕКТ УСТАВА «КОМИТЕТА БЛАГОНАДЕЖНОСТИ» В С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ [1]).

Для искоренения революционной, антиправительственной пропаганды в университете учреждается в среде студентов «Комитет благонадежности» с следующей организацией:

1. Ареопаг, или верховное судилище Комитета, состоящий из 4 членов (по одному от каждого факультета — юридического, филологического с восточным, математического, естественного).

2. Распорядительный совет на каждом из четырех факультетов, состоящий из четырех членов-распорядителей по одному от каждого курса (к юридическому факультету присоединяется пятый член —

[1]) Заглавия в подлиннике не имеется.

распорядитель от администр[illegible]тивного разряда, а к филологическому пятый от восточ[illegible]ультета).

3. Члены-исполнители, не менее одного на десять студентов. Члены-исполнители дают при вступлении в члены Комитета следующее обязательство:

«Верный данной мною церковной присяге, я (такой-то), вступая в члены «Комитета благонадежности», обязуюсь: противодействовать всеми силами антиправительственной пропаганде в университете и хранить неприкосновенно тайну существования «Комитета» как во время пребывания моего в нем, так и по выходе из него.

Число. Подпись».

Члены-исполнители принимаются в Комитет членами-распорядителями, причем члены-исполнители одного курса знают только имя своего распорядителя, которое, в свою очередь, не разглашают никому из членов-исполнителей других курсов и факультетов. Члены-исполнители сообщают своему распорядителю по мере возможности необходимые сведения о студентах, им указываемых. В случае университетского суда над студентами члены-исполнители обязаны давать чистосердечно все имеющиеся у них показания против обвиняемых.

Члены-распорядители, помимо всего этого, обязаны вести список всех студентов своего курса, причем благонадежных отмечают синим крестом, неблагонадежных — красным крестом и опасных или вредных — черным крестом. Причисление к той или другой категории делается распорядителями на их совете (из четырех распорядителей от одного факультета). Списки красных и черных с собранными против них уликами сообщаются членам Ареопага.

Ареопаг решает: 1) кто из студентов может быть принят в товарищество (только члены Комитета и благонадежные); 2) кто из них должен быть подвергнут университетскому суду или исключен из университета и затевает дело по этому поводу, и 3) дает различные предписания распорядительным советам.

Двое из членов Ареопага состоят братьями «Священной Дружины», хотя последняя остается тайною для «Комитета благонадежности». Все, что эти два члена найдут необходимым сообщить «Священной Дружине», будет передано по назначению через № 211 [1]).

Члены Ареопага и члены-распорядители обозначаются буквами алфавита, а члены-исполнители — цифрами при букве членов-распорядителей.

---

[1]) Т.-е. через «брата» «Священной Дружины» № 211, который, очевидно, получает в свое специальное введение студенческую организацию.

Из записной книжки архивиста.

Как буржуазия готовилась к Октябрю.

Ниже печатается приказ начальника штаба 2-ой гвардейской запасной бригады от 20 октября (по ст. ст.). Приказ говорит о тех мерах, какие намечались военным начальством «в случае выступления анархических элементов столицы», т.-е. в случае выступления рабочих и солдат. На войска возлагалась задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку «мятежа», во-вторых — не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, опять-таки — не допустить «погрома и мятежа». Войскам предлагалось, в случае этого выступления, преградить революционным рабочим и солдатам или — по терминологии приказа — мятежникам — доступ в центральную часть города. Посему город разбивался на отдельные районы, и каждый из этих районов поручался особой охране отдельных полков 2-ой гвардейской запасной бригады.

Применением оружия рекомендовалось «не стесняться». Любопытно то заявление, какое делалось в этом приказе,— о том, что все идущие от штаба округа распоряжения делаются по приказу Временного Правительства и с полного его ведома, а посему от полковых комитетов требовалось, чтобы и они содействовали проведению в жизнь указанных выше распоряжений.

Приказ предусматривал мельчайшие детали в отношении распределения постов и караулов и т. п.

Однако вся эта предусмотрительность оказалась напрасной: уже 21 октября собрание представителей от всех полков петроградского гарнизона призвало солдат не подчиняться тем приказаниям, какие не будут скреплены подписями представителей Военно-Революционного Комитета. Как показали события 25 октября и последующих за ним дней, выполняли волю и приказания Временного Правительства только юнкера и ударницы. Публикуемый ниже приказ является интересным именно потому, что он дает наглядное представление о полной неудаче буржуазии в ее попытке использовать армию против революции в самый решающий момент борьбы армии и рабочего класса против господства буржуазии и мелкобуржуазных социалистов-соглашателей.

О. Чаадаева.

Приказ начальник штаба 2-ой гвардейской запасной бригады командиру Финляндского резервного полка от 20 октября 1917 года № 1868.

Копия.

В. спешно.

Командиру гвардии Финляндского резервного полка.

По приказанию начальника бригады сообщаю для руководства следующие распоряжения главного начальника округа. В случае выступления анархических элементов населения столицы, на войска петроградского гарнизона

возлагается задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа; во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, не допустить погрома и мятежа.

В виду того, что главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, государственный банк, экспедиция заготовления государственных бумаг, почта-телеграф и центральная телефонная ст.,— все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы с одной стороны и линию Обводного канала и Фонтанки с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города, а кроме того принять меры к недопущению разгрома спиртохранилищ, винных складов и пр.

Для выполнения вышеизложенной задачи весь город разделяю на районы и поручаю их охране и ведению полков в лице их командиров и полковых комитетов:

Московский полк — река Большая Невка, река Большая Нева, проспект Петра Великого включительно.

Гренадерский полк — река Большая Невка, Архиерейская улица исключительно; Большой проспект исключительно, река Малая Нева, т.-е. полку поручается северная часть Петроградской стороны и острова.

Павловский полк — река Малая Нева; Большой проспект включительно. Архиерейская ул. включительно, река Большая Невка, река Большая Нева, Кронверкский пролив и канал кругом арсенала, т.-е. южная часть Петроградской стороны без крепости и арсенала.

Финляндский полк — река Малая Нева, река Большая Нева, т.-е. весь Васильевский Остров.

В своем районе каждый командир полка обязан: а) выставить заставы на мостах через Неву (Фонтанку и Обводный канал), чтобы никоим образом не пропустить вооруженной толпы мятежников в центральную часть города; б) решительно разгонять, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных групп к образованию групп; в) при прибытии заставы на мост немедленно выставить у телефона в будке моста часового и сообщать обо всем в штаб округа по телефонам 45-29, 22-64, 107-09 и, в особо важных случаях, по № 265-40; г) усилить караулы или выставить новые у важных правительственных и общественных учреждений; д) организовать наблюдение за своим районом, не допускать никаких погромов и иметь в своем резерве всегда учебную команду и роту в 250 человек при 5 офицерах, с 4-мя пулеметами, коих без разрешения из штаба округа никуда не высылать.

Распределение застав от полков:

От Павловского полка — на Биржевом и Самсониевском мостах по одному взводу при офицере.

От Гренадерского полка — на Гренадерском, Каменноостровском и Крестовских мостах — по одному взводу при офицере.

От Финляндского полка — на Тучковом мосту по одному взводу при офицере.

По городу будет производиться патрулирование солдат 9-го запасного кавалерийского полка и казаков, согласно особого расписания.

Все указанные выше распоряжения только тогда будут иметь результаты, если полковые комитеты своим авторитетом будут содействовать проведению их в жизнь, почему на комитеты возлагается обязанность проверять и поддерживать исполнение настоящих приказаний.

Все распоряжения, идущие от штаба округа, делаются по приказу Временного Правительства и с полного ведома, почему каждое распоряжение штаба будет скреплено.

Солдатам из казарм до особого на то распоряжения не выходить.

При выходе в парад иметь патронов на пехотную винтовку — 120, ручных бомб по 4 на гренадера; пулеметов по 4 на роту.

Во исполнение вышеизложенного начальник бригады приказал принять все необходимые подготовительные ме-

ры, дабы вверенный вам полк находился в полной готовности принять на себя охрану назначенного ему района.

Высылать заставы и т. п. следует лишь по особому распоряжению в каждом районе штаба округа.

О начале, а также о прекращении волнений, кроме донесений в штаб округа, неукоснительно доносить также и в штаб бригады (телефон № 689-96).

Генерального штаба капитан
Кондратьев.

С подлинным верно: полк. адъютант
(подпись).

21 окт[ября 1917 г.].

Письмо ген. Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину.

Вопрос о причинах ухода интервентов из России едва ли не больше других привлекал к себе внимание исследователей. Уже одно совпадение двух фактов — в сентябре ушли «союзники» с севера и на сентябрь же падают расцвет Деникина, попытка Юденича начать новый поход на Питер и приостановка отступления Колчака — приводило в недоумение изучающих этот момент гражданской войны. Помещаемый ниже документ несколько разрядит это недоумение, так как познакомит нас с одной из наиболее серьезных причин неудачи интервенции — с положением внутри империалистских стран, притом так, как оно отражалось в представлении заинтересованных генералов.

И. Минц.

Письмо ген. Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину 15 ноября 1919 г. [1]).

Милостивый государь
Антон Иванович.

Хочу охарактеризовать вам в нескольких словах наблюдающуюся сейчас картину политического состояния Франции, последнего неудачного выступления по русскому вопросу английского премьер-министра Ллойд-Джорджа — в Англии и политических последствий поездки президента Французской республики Пуанкаре в Англию.

В данную минуту Франция находится в самом остром периоде предвыборной агитации. Выборы вызывают живой интерес только среди масс, примыкающих к двум политическим флангам. Средние классы как бы охладели к прелестям парламентского режима, превращенного французскими политиканами, с одной стороны, в игру личных интересов, с другой — в источник благосостояния народных избранников.

Корыстная жажда власти явно и отвратительно сказалась в отчаянных попытках только что распущенной палаты депутатов продлить и так отсроченные из-за войны на 2 года депутатские полномочия: министерство внесло законопроект с расписанием первых выборов, начиная от 16 ноября, палата же, стремилась оттянуть их до марта и чуть-было не свалила на этом основании министерство Клемансо, поставившего по этому поводу в палате вопрос доверия. Клемансо был особенно в ударе, пристыдил блестящей речью себялюбивые элементы палаты и одержал победу, хотя, надо сказать, и весьма слабым вотумом.

«Отвратительно было смотреть, — писала одна из больших газет, — на алчность этих представителей страны, отчаянно хватавшихся за ускользавший пирог».

[1]) Московский Центральный Архив Октябрьской Революции. Фонд IV, инвентарь № 23. Арх. № 1—16 (л.л. 91—97). На печатаемой копии письма вверху слева: «Военный представитель верховного правителя при союзных правительствах и командовании». Ниже: «15 ноября 1919 г. № 11565 г. Париж». На поле слева: «Его превосходительству А. И. Деникину, главнокомандующему вооруженными силами на юге России».

Охлаждение средних классов к выборам и вытекает из этой эгоистической точки зрения на депутатов, точки зрения, блестяще доказанной во время войны бесчисленным количеством скандалов, разоблачений и процессов — от жанра Кайо и подобных ему до мелкого скандала с депутатом Curmel, обвиненным во взятке в 1.000 франков. Приходится слышать ходячее мнение, что кого ни выбери в депутаты, сейчас же станет казнокрадом и аферистом.

Предвыборная кампания явно разделила всех избирателей на два определенных лагеря: открытых большевиков, считающих переживаемый момент не «выборным», а «революционным периодом», и антибольшевиков, составивших один блок всех буржуазных и части умеренно-социалистической партии. К сожалению, блок антибольшевистский раскололся в Париже и некоторых крупных центрах, и такое же явление наблюдается и у большевистского блока, но как раз не в тех избирательных округах, как у правых.

Левое социалистическое крыло сперва включало в себе левых радикал-социалистов и социалистов всех толков, но на-днях произошел раскол на почве сочувствия и несочувствия большевизму, часть социалистов с А. Брианом и Марселем Самба во главе высказалась против совдепских начинаний и составляет отдельные выборные списки, другие же (Ренодель, Лонгэ, Кашен и пр.) категорически высказались за ленинские эксперименты и с особым списком собираются в отдельные митинги, проходящие под клики: «A bas la France! Vive Lenine! Vive Sadoul! Vive les Soviets!»

Они наиболее организованы и строят свою тактику на почве экономических неудовольствий толпы.

Поэтому все шансы большевиков ограничиваются только Парижем, который, несомненно, даст большевистское большинство, и несколькими фабричными центрами. Вся же провинция даст антибольшевиков, так что в результате, по уверению авторитетов, в палате будет большее преобладание партий порядка.

Исключительный и страстный интерес к выборам только политических флангов при дезорганизации центра создает весьма острое положение выборной кампании и придает выступлениям обоих крайних лагерей революционный характер. Между прочим, большевистская партия уже открыто и всенародно нербует адептов в Красную гвардию, пока не вооруженную, но организующуюся по русскому образцу и кадрам которой уже присвоено название «народных легионов» (légions populaires) с тем же хорошо знакомым нам лозунгом «защиты интересов пролетариата». В большевистских парижских газетах («Юманите», «Попюлэр» и «Журналь дю Пепль») публикуется приглашение рекрутов, с указанием адресов красных призывных участков, куда уже, как удалось выяснить, стекаются всякие подонки «апашского» типа и истерические подростки.

Правительство старается оказывать давление в пользу центра и правых партий и отводить кандидатов большевистского толка. Так, известный капитан Садуль, поставленный во главе нового списка по 4-му парижскому округу, предан был военно-полевому суду и приговорен к смертной казни.

Несмотря на все эти меры, как было сказано выше, не исключена возможность частичных успехов элементов, близких по духу русским большевикам.

Расчет и вся надежда Клемансо именно и зиждется на быстром проведении выборов, пока большевистская пропаганда не коснулась составляющих большинство солдатских демобилизованных масс. На дебатах о сроках выборов оппонировавший Клемансо Бриан, лидер левых, имел неосторожность поставить одним из аргументов за отсрочку — неподготовленность солдат к проявлению своей политической воли. В своем ответе Клемансо разразился громовой филиппикой за poilus, которые сумели спасти своей грудью Францию и которых подозревают в гражданской незрелости, и палата, заискивающая перед военным большинством выборщиков, должна была вотировать за сроки выборов, предложенные Клемансо. И войска, и демо-

билизованные до сих пор учитывались правительством как благоприятный ему и надежный в государственном смысле элемент. Таковым решительно показали себя солдаты в охране порядка в первомайской забастовке и в июньской попытке всеобщей забастовки и, наконец, в кровавом подавлении октябрьской забастовки в Бресте. Причиной такой стойкости солдат является их общее озлобление против рабочих за то, что последние во время войны были милитаризованы и оставлены для работ на милитаризованных фабриках, где зарабатывали колоссальные деньги, между тем как фронтовики гибли в окопах. Правительство не упускало ни одного случая сваливать задержки в снабжении во время войны и замедления в демобилизации всецело на забастовки этих фабричных.

Но сейчас приходится учитывать и то обстоятельство, что недочеты демобилизации, за которые явно было ответственно правительство, возбудили неудовольствие и оппозиционный дух в самой среде бойцов великой войны и что, вернувшись к частной жизни, бывшие poilus, вместо давно желанного отдыха, попали в ту же исключительно тяжелую обстановку жизни, в которой томились до сих пор их тыловые соотечественники. А обстановка не только не улучшилась, но с наступлением зимы грозит принять катастрофическую окраску. На первом плане стоит дороговизна, — сколько о ней ни писали и сколько ни обещал г. Нуланс (бывший посланник в Петрограде), назначенный министром продовольствия, — не только не устранена, но имеет повышательные тенденции, взаимно усиливаясь с забастовками, как в заколдованном кругу. Самое сердце Франции, по недосмотру министра продовольствия Лушера, не сегодня—завтра останется совершенно без угля и посему без освещения и перевозочных средств, а некоторые провинциальные центры уже закрыли часть фабрик. Уверяют, что виной недостатка угля является отказ Англии, после забастовки каменноугольщиков, снабжать Францию углем. Но народное неудовольствие, подогреваемое всей большевистской и оппозиционной печатью, ищет виновников только у себя дома. На самом деле правительство действительно проявило какую-то непонятную нераспорядительность. Однако одной из главных причин не только недостатка топлива, но и всего внутреннего французского кризиса, является полная разруха транспорта как последствие военной страды и ее ликвидации.

Переходя к отношению союзников к русскому вопросу, приходится сказать, что оно оставалось до самых последних дней все тем же неопределенным и расплывчатым с случайными и частичными декларациями отдельных министров. 8 же ноября н. ст. Ллойд-Джордж удивил всех заявлением о желательности скорейшего мирного разрешения русских внутренних конфликтов. Это заявление встревожило всех ввиду совпадения с новыми мирными предложениями Советского правительства. И в печати, и в парламентских кругах явилось опасение за возможность новой попытки в роде Принкипо. В тот же день я был уведомлен, что французское правительство категорически осуждает высказанное Ллойд-Джорджем предположение, а парламентские деятели отправились к уезжавшему вечером 8 ноября в Лондон Пуанкаре и поручили ему решительно противиться каким бы то ни было попыткам сближения или компромисса с большевиками. Аналогичные инструкции были даны Клемансо сопровождавшему Пуанкаре Пишону.

В результате в Лондоне состоялось международное совещание, на котором вынесено решение, в силу которого ни одно союзное правительство не приступит к переговорам с Россией, доколе не будут достигнуты следующие основные условия: 1) уничтожение Советов, 2) роспуск Красной армии, 3) созыв совещания земских организаций и Учредительного собрания.

Ллойд-Джордж на следующий же день, т.-е. 13 ноября, сделал в палате общин соответственное разъяснение, сказав, что не имел вовсе в виду никаких переговоров с большевиками,

а только лишь выразил надежду на быстрейшее прекращение кровопролития и решения русского вопроса. Русский вопрос, — добавил он, — будет обсуждаться на специальной конференции представителей союзников, в которую должны быть также внесены неразрешенные до сего времени мирным конгрессом вопросы, как турецкий и т. д.

Относительно помощи антибольшевистским правительствам Ллойд-Джордж прямо заявил, что новых против намеченной ранее программы каких бы то ни было пособий английское правительство ввиду трудного финансового положения дать не может.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Д. Щербачев.

Верно: Военный чиновник (подпись.)

Подкуп «Нового Времени» царским правительством.

Печатаемые ниже документы относятся ко второй половине 1916 г., т.-е. к последним месяцам существования царского правительства. Революция уже надвигалась, и при том очень быстро. Кризис власти для всех был очевиден, не исключая и самого правительства Николая II. Оно чувствовало нарастание враждебных себе сил и в борьбе с ними искало опоры и поддержки в реакционных кругах.

Публикуемые нами документы к этой общей картине настроения правительства «последних дней» Романовых прибавляют еще небольшую, но показательную черточку.

В поисках союзников правительство, в лице министра финансов Барка, решило в мае 1916 г. обратиться за помощью к известному органу реакционной прессы — газете «Новое Время». Не полагаясь, однако, на добровольность услуг ее издателя, М. А. Суворина, Барк счел более надежным купить его услуги за деньги. В наивной уверенности, что суворинский «парламент мнений» можно с успехом противопоставить поднимающейся все выше и выше волне народного движения, он предложил царю, для подчинения газеты «влиянию правительства», выдать М. А. Суворину ссуду в размере 880.000 рублей. Царь согласился. Сделка состоялась. Суворин даже успел получить около половины этих денег. Но разразилась Февральская революция, и дружественный союз рептилии с царским правительством лопнул, не успев принести ожидавшихся ими плодов. Ставшее у власти Временное Правительство аннулировало сделку в заседании 1 июня 1917 г., приостановило дальнейшее получение Сувориным денег, а полученные потребовало назад.

Дело, к сожалению, не кончено, и из него не видно, удалось ли Временному Правительству взыскать с Суворина полученную им сумму.

Документы извлечены нами из делопроизводства канцелярии министерства финансов по 2-му отделению — дело «№ 47 по переписке о выдаче из прибылей иностранного отдела кредитной канцелярии М. А. Суворину под пай газ. «Новое Время» ссуды в размере 880.000 рублей». Фонд хранится в Архиве Народного Хозяйства, Культуры и Быта в Москве.

В. Алексеев.

Доклад мин. финансов Барка Николаю II 16 мая 1916 г. [1]).

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне принять меры к тому, чтобы министерство

---

[1]) На подлиннике рукою Николая написано синим карандашом: «Согласен». Далее помета Барка: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Согласен». В Евпатории 16 мая 1916 г. *П. Барк*».

финансов могло располагать известным количеством паев газеты «Новое Время», в видах надлежащего влияния на направление этого распространенного печатного органа. Ныне представляется возможным выдать ссуду под 160 паев газеты, принадлежащих Михаилу Суворину, по 5.500 руб. за пай, и таким образом подойти к решению вопроса о подчинении газеты влиянию правительства. Предполагая осуществить эту операцию совершенно секретно, чтобы сохранить видимую независимость газеты «Новое Время», я признавал бы наиболее целесообразным выдать ссуду через посредство Волжско-Камского банка, который в свое время исполнял вполне конфиденциально подобные же поручения министерства финансов по выдаче негласной ссуды сербскому королю Милану, с ассигнованием на этот предмет восьмисот восьмидесяти тысяч (880.000) рублей из прибылей иностранного отделения министерства финансов.

На приведение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение.

Министр финансов *Петр Барк.*

Обязательство Волжско-Камского коммерческого банка [1]).

Правление Волжско-Камского коммерческого банка выдает общей канцелярии министра финансов настоящее обязательство в нижеследующем:

1. Волжско-Камский коммерческий банк получил от общей канцелярии министра финансов сумму руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей), каковые составляют собственность общей канцелярии министра финансов.

2. Означенные в пункте 1-м сего обязательства руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей) предназначаются общей канцелярией министра финансов, без ответственности Волжско-Камского коммерческого банка за возврат их, для выдачи г. Михаилу Алексеевичу Суворину под соло-векселя последнего, выписываемые приказу Волжско-Камского коммерческого банка, сроком по предъявлении, на сумму руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей), причем в обеспечение исправной уплаты по соло-векселям г. Михаилом Алексеевичем Суворинym должны быть представлены Волжско-Камскому банку 160 (сто шестьдесят) именных паев товарищества А. С. Суворина «Новое Время» на номинальную сумму 800.000 (восемьсот тысяч) рублей с передаточными на них надписями на имя Волжско-Камского коммерческого банка.

3. Проценты за пользование выданной Волжско-Камским коммерческим банком по поручению общей канцелярии министра финансов суммою в общем до руб. 880.000 (восьмисот восьмидесяти тысяч рублей) назначаются в размере $7^1/_2\%$ (семи с половиной процентов) годовых, причем по уплате г. Михаилом Алексеевичем Суворинym всего или части долга с причитающимися процентами на уплачиваемый капитальный долг Волжско-Камский коммерческий банк волен возвращать г. Михаилу Алексеевичу Суворину соответствующую по пропорциональному расчету задолженности г. Михаила Алексеевича Суворина часть обеспечения в соло-векселях и вышеупомянутых паях.

4. Волжско-Камский коммерческий банк уплачивает общей канцелярии министра финансов из средств банка проценты из расчета 5% (пять процентов) годовых за деньги, внесенные общей канцелярией министра финансов за все время до момента выдачи денег по поручению общей канцелярии министра финансов г. Михаилу Алексеевичу Суворину и, засим, обязуется передавать без задержки по принадлежности общей канцелярии министра финансов суммы, вносимые впоследствии банку за счет г. Михаила Алексеевича Суворина на уплату процентов и капитального долга, за удержанием из них комиссии в пользу банка в размере $^1/_2\%$ (полпроцента) годовых с суммы задолженности г. Михаила Алексееви-

[1]) На подлиннике помета карандашом: «Одобряю. *П. Барк.* 3. VI. 1916».

ча Суворина. Далее Волжско-Камский коммерческий банк обязуется во всякое время, когда того потребует общая канцелярия министра финансов, передать общей канцелярии министра финансов все долговые документы: соло-векселя с безоборотною надписью банка и паи с передаточными надписями, служащие в момент передачи обеспечением еще неуплаченной г. Михаилом Алексеевичем Сувориным суммы долга. Равным образом, Волжско-Камский коммерческий банк обязуется право голоса по вышеупомянутым паям в общих собраниях пайщиков передавать учреждению или лицу по указанию общей канцелярии министра финансов. Волжско-Камский коммерческий банк, кроме того, обязывается по требованию общей канцелярии министра финансов во всякое время предъявить г. Михаилу Алексеевичу Суворину требование об уплате полностью непогашенной части долга.

5. Все расходы по сему обязательству оплачиваются общей канцелярией министра финансов.

Волжско-Камский коммерческий банк

Член правления (подпись).

Г. Петроград. 3 июня 1916 года.

Отношение особенной канцелярии по кредитной части в общую канцелярию министра финансов 9 июня 1917 г. № 1597.

В. срочно.

В общую канцелярию министра финансов.

В виду постановления Временного Правительства, в заседании 1 июня 1917 года, о безотлагательном возвращении в казну ссуды 880.000 рублей, выданной в июне 1916 г. из прибылей иностранного отделения М. А. Суворину, особенная канцелярия по кредитной части покорнейше просит общую канцелярию препроводить в кредитную канцелярию в возможной скорости переписку по сему делу, находящуюся в общей канцелярии.

Директор *К. Замен.*

За нач. отделения *Соколовский* [1]).

Письмо директора особенной канцелярии по кредитной части К. Замена директору общей канцелярии министра финансов В. К. Скворцову 15 июня 1917 г. № 1852.

Спешно.

Секретно.

Милостивый государь Вадим Клавдиевич.

Г. министр выразил желание, чтобы документы по делу выдачи ссуды М. А. Суворину были опубликованы в возможно непродолжительном времени.

Сообщая вам о сем, считаю долгом высказать, с своей стороны, что я полагал бы, что в отношении опубликования договора общей канцелярии с Волжско-Камским банком представлялось бы необходимым предварительно снестись с правлением названного банка.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном почтении и искренней преданности.

К. Замен.

Отношение общей канцелярии министра финансов в правление Волжско-Камского коммерческого банка от 17 июля 1917 года № 5400.

Срочное.

В правление Волжско-Камского коммерческого банка.

Вследствие отношения от 11 сего июля за № 4192 общая канцелярия министра финансов, имея в виду неисполнение М. А. Сувориным требова-

[1]) На подлиннике пометка карандашом: «Спешно. Пок[орнейше] пр[ошу] исполнить сегодня. 11 ч. утра 10-го. *В. Скворцов*».

ния банка о взносе остатка его долга по счету под соло-векселя и паи товарищества «Новое Время» в сумме 427.403 руб. 17 к. с %% по день расчета, просит немедленно приступить к принятию мер по производству взыскания с М. А. Суворина долга его по представленным в обеспечение счета соло-векселям.

Директор *В. Скворцов.*

За делопроизводителя *В. Обнорский.*

«Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 года.

Дело 1 марта 1887 г. прошло в эпоху утвердившейся реакции, когда единственный орган вольного слова — нелегальная печать — замолкла. И потому-то у нас почти нет современных событию откликов на него. Лишь та среда, из которой вышли деятели 1 марта, — петербургское студенчество откликнулось на факт, и первый из этих откликов уже появился в печати. Это напечатанная впервые в «Красной Летописи», а теперь вторично в книге «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» [1]), прокламация «Союза объединенного петербургского студенчества» (не все экземпляры имеют эту подпись, — часть их была без всякой подписи) в ответ на составленный ректором адрес царю и созванное им собрание студентов университета с верноподданническими речами. Та же группа, которая выступила в начале марта тотчас после ареста первомайцев, решила, как увидим, выступить и вторично, в трагический момент казни привлекавшихся. Однако она была выслежена и арестована, заготовленные тексты проектов прокламаций были взяты еще неотпечатанными, и лишь архивы сохранили эти настроения эпохи для потомства. Агентурные сведения и показания привлекавшихся вскрыли недолгую жизнь создававшейся студенческой организации и историю составления интересующих нас документов. Так, по «негласным сведениям», после 1 марта в квартирах студентов Алексея Павловского, Евгения Яковенко [2]) и Болеслава Мотца происходили сходки, на которых вырабатывалась программа студенческого союза и обсуждался вопрос о выпуске воззвания по поводу событий 1 марта. В собраниях этих участвовали студенты Иван Эйсымонт, Павел Захаров, Александр Троицкий, Николай Евстифеев и слушательница Высших Женских Курсов Вера Козакевич. Опубликованное же воззвание, в начале заметки нами указанное, было, по тем же сведениям, составлено студентами Мих. Сосновским и Евгением Яковенко, а гектографировалось Н. Евстифеевым. Процесс вторично взволновал уже раз откликнувшихся лиц, и с 9 мая по 16 мая происходят опять студенческие собрания, для обсуждения процесса, причем, по показанию уже упоминавшегося выше Н. Евстифеева, «многие находили необходимым познакомить общество путем печатных и гектографированных воззваний с личностями, осужденными по этому процессу». Для обсуждения воззваний собралась 14 мая на взморье сходка, где присутствовали частью участники первых собраний, а также кое-кто новый, и где были предложены три проекта воззвания. Одно из них было тут же брошено в море, как непригодное, а два решено было отгектографировать. Одно из них («8 мая в сокровищницу...») было составлено Яковенко, второе же («По поводу драмы...») — Евстифеевым; гектографировать их взялся опять Евстифеев. Аресты погубили это дело, и 15 лиц оказались привлеченными к дознанию. С ними обошлись довольно сурово. Ссылаемые в административном по-

[1]) См. «Красная Летопись», 1924 г., № 2, стр. 200—201, и А. И. Елизарова: «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 363 — 365.

[2]) Когда настоящий текст уже был сдан в печать, в «Каторге и ссылке» 1927, № 3, появились воспоминания Е. И. Яковенко, одного из авторов печатаемых прокламаций.

рядке, они все получили наказания большие, чем предложенные прокуратурой: из них Николай Евстифеев был сослан на 8 лет в Восточную Сибирь (прокуратура предлагала пять лет), а Яковенко на 5 лет в Восточную Сибирь (в то время как прокуратура предлагала Западную Сибирь).

Если первая из публикуемых прокламаций представляет эмоциональный отклик на совершавшиеся события, то вторая пытается взглянуть на него с точки зрения его политического значения. Автор воззвания, Евстифеев, — по его же показанию, — бывал «в кругу товарищей, где читались издания социал-демократов и обсуждались, кроме научно-литературных вопросов, и вопросы политического характера, из которых наибольшее внимание возбуждал вопрос о необходимости в России политической свободы, в смысле свободы слова, печати и сходок», а по обыску у него был взят листок для сбора в пользу петербургских социал-демократов. Второй из состава кружка, Евгений Яковенко, показал, что принадлежал к организовавшемуся во второй половине 1885 г. кружку, где читали Успенского и Маркса. В то же время публикуемое ниже воззвание говорит исключительно о терроре. Это сочетание социал-демократизма и народовольческого терроризма, однако, обще нашим авторам и деятелям 1 марта — точно так же и «террористическая фракция Народной Воли», вышедшая с бомбами на Невский проспект, считала свои разногласия с социал-демократами «очень несущественными и лишь теоретическими» (см. программу А. И. Ульянова). Для изучения же эволюции терроризма представляет несомненный интерес то подчеркивание децентрализации террористической борьбы, которое имеется в программе А. И. Ульянова и в прокламации Евстифеева. Она имеет свою историю, восходящую еще к 1884 г., когда и разгром центра и дегаевщина поставили чрезвычайно остро вопрос о значении центра в террористической борьбе и вели отдельные кружки к протесту против создания новой центральной организации вместо погибшего Исполнительного Комитета. Однако, вопреки мнению Н. Евстифеева, попытка 1 марта не знаменовала собою наступления новой террористической эпохи, а явилась лишь заключительным эпизодом народовольческой борьбы: и в той новой форме, которую впервые выдвинули новаторы 1884 года и которую, теоретически вновь ее продумав, пытались осуществить деятели 1 марта, террор уже не мог стать тем, чем он был в единственную пору полноты своего политического значения, в эпоху Исполнительного Комитета, и в обстановке нового соотношения социальных и политических сил, он должен был смениться новыми формами политической борьбы.

Обе прокламации печатаются по копиям во «Всеподданнейших докладах деп. полиции» за 1887 г., ч. I, а объяснительные замечания заимствованы из заключения прокурора в соответствующем деле министерства юстиции за 1887 г.

С. Валк.

1. Проект прокламации.

8 мая с сокровищницу прекрасных деяний современного царствования прибавились новые перлы; еще пять повешенных борцов за свободу родной земли закачались на виселицах над опозоренной головой русского царя...

За шестилетний период, казалось, смолкла террористическая борьба русских революционеров: так утешало себя правительство и, ничем не сдерживаемое, довело свою реакционную политику до отсутствия всякой политики. Всякий, кто не разучился чувствовать и думать, как хочет, сам знает безумную вакханалию разнузданного своеволия современного режима, именующегося «внутренней политикой».

И под этот «Гатчинский концерт» слилось когда-то копошившееся и протестовавшее общественное самосознание; либеральные общественные элементы, приподнятые когда-то успехами борьбы партии «Народной Воли», не нашли сами в себе сил, чтобы вступить в борьбу с реакционным правительством, и спрятались по своим углам. Самой

партии пришлось понести тяжелые потери, и для пополнения своих рядов нужно было время. Но прошло шесть лет, и мы едва не были свидетелями нового торжества террористической борьбы. Да, история не берет своих требований назад; всякая новая эпоха в ее течении, прежде чем выйти на сцену жизни и пройти весь цикл своего развития, высылает вперед способных, понявших, самоотверженных людей. Они не склоняют своих честных голов пред насилиями отжившей рутины, они трусливо не мирятся с нею. Народное страдание — их личное страдание; задачи, выдвигаемые процессом народного прогресса, — их личные задачи; борьба за удовлетворение назревших народных требований — их нравственный долг, их символ веры. Вот тот святой очаг, откуда вышли так честно погибнувшие 8 мая, откуда столько выходило раньше — и выйдет вновь. И русскому правительству не затушить этот святой очаг. Он вспоит и вскормит лучших своих детей, — и пойдут они на великую борьбу, и принесут свои жизни в жертву за «великое дело любви». К их рядам примкнут все те, которым стыдно сидеть в настоящую минуту сложа руки и наслаждаться личным довольством и счастьем, и каждый принесет свои силы, какие бы они ни были, на общее дело. Вперед же, друзья, без страха и сомнения, — и борьба, борьба до тех пор, пока правительство не положит оружия, не выпустит из своих дряблых рук непосильную ему власть в руки самого народа! Пусть оно свирепеет в своем отчаянии, — мы будем бороться еще упорнее, еще сильнее, и с каждым часом методы нашей борьбы становятся: выполнения — легче, борцов — больше, сам террор — популярнее.

Мы же, товарищи погибнувших, понесем [1]) на их могилы гордое сознание своей [2]) правоты и в самой их смерти найдем свое торжество. Мы скажем всем: преклонитесь пред этими виселицами — это современная Голгофа России: здесь — ее честь, краса, гордость; здесь — самоотвержение до смерти, во имя великого долга; здесь — залог будущего счастья родной страны. Мы скажем всей России: смотри, как умеют бороться и умирать твои революционеры! Мы глубоко запечатлеем их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей родной земли. Мир вашему праху, дорогие братья! Вы честно исполнили свой долг, вы твердой рукой поддержали знамя борьбы за свободу и правду! — Глубокое спасибо вам — и вечная память!

[1]) Пометка на проекте: «Мне кажется, союз не имеет нравственного права сказать это по отношению к себе».

[2]) Пометка на проекте: «Могли бы сказать это их сотоварищи по этому самому делу, за которое погибли мученики 8 мая».

2. По поводу драмы 1 марта — 8 мая 1887 г. Зрителям.

1 марта этого года жизнь опять поднесла нам сильный нравственный толчок, вопреки самому искреннему и настойчивому желанию многих из нас забыться сном праведников.

1 марта этого года таинственный призрак «красного» террора опять вырисовался на политическом небосклоне рядом с хроническим «белым» террором, который сделался не «явлением» жизни, а стал ее «условием» постоянным.

Опять жертвы... жертвы, не подумайте «красного» террора! Нет! у нас «красный» террор красен больше от собственной крови.

Так и на этот раз попытка — обуху ответить обухом, желание, хотя отчасти, удовлетворить требование возмездия, которое мы все слышим, если не затыкаем ушей, в стонах исповедников прогрессивной идеи — залиты кровью, — кровью молодой интеллигенции; это тоже в порядке вещей на Руси — молодость и интеллигентность, эти драгоценнейшие блага человека, гибельны для русского.

Мы остановились на этом не за тем, чтобы обсуждать событие с точки зрения возможности успеха, целесообразности таких попыток, их желательности или необходимости; в нем есть нечто гораздо более близкое всем нам — зрителям.

Нам, зрителям, людям, не участвующим ни духом, ни тем паче телом в подобных предприятиях, — должно

быть тем тяжелее, что мы, как говорится, не «исключительно односторонни», мы не относимся ни с готовым предубеждением, ни с предвзятым сочувствием к таким событиям — мы просто «смотрим», и нам чуется, что это явление есть симптом болезни, что здесь много мучительного для всех участвующих, что здесь страдание и мука начинаются не с того момента, когда падает жертва «белого» или «красного» террора, а что сама жизнь, со всеми ее струпами, может быть, далекими по времени и месту, является какой-то застарелой (хронической) болезнью, какой-то ложью и нелепицей, которая ломает людей и физически, и духовно, толкая раньше расцвета жизни на путь убийства и смерти.

Читатель, вы, наверное, слышали эти слова, или такие же, еще в 70-х годах, когда более умные или догадливые люди говорили вам таким образом о тех гнусных злодеяниях, которых неожиданным свидетелем вам привелось быть? Наверное — и мы вам напоминаем эти слова не потому, чтобы считали их для вас новостью, а потому, что, может быть, последнее событие нагляднее покажет вам то, что тогда вы считали утопией, выводом, сделанным из мнений предвзятых и даже «напрокат взятых», как у нас остроумно выражались.

В 70-х годах вы, может быть, сомневались в словах «провидцев», потому что считали их мнение построенным на аналогии с Западом, и были убеждены, что это основание недостаточно прочно; вы, может быть, говорили себе: «посмотрим, что скажет ход событий, может быть, и правы те, которые считают это «поветрие», «заразу», по тем или другим причинам, явлением временным и преходящим, т.-е. не вытекающим из самих условий нашей реальной жизни.

В 81-м году прокурор, требуя смерти для цареубийц, обвинял их в шарлатанстве, в том, что они выдают себя за орудие и часть партии, между тем как, по его словам, они все тут и есть — эта отверженная злодейская шайка сброда из всяких проходимцев! Вас, вероятно, коробило от этого размашистого хлестания лежачих, от плевания человеку в душу накануне уже смерти, но что касается фактической стороны слов прокурора, вы в ней подозревали если не всю, то значительную долю истины.

Следующие годы, повидимому, оправдали слова прокурора и ваше предположение, — «этим последним напряжением (говорится о 1 марте 1881 г.) наши революционеры исчерпали все свои силы», решали вы. Вы верили, что революция обнаружила перед всеми и собою, что ее сила химерична и фиктивна, что у нее нет связи с жизнью, нет корней в народной почве; вместо революционного взрыва народных масс, каковой, по мнению профанов, ожидался партией, последовало «избиение студентов», — вместо систематической и прогрессирующей деятельности, главным образом террористической, последовало какое-то забвение, застой, исчезновение самых слухов. «Неумолимая борьба» стала «делом давно минувших дней, преданьем старины глубокой».

Вы слышали вокруг себя свист нагаек деспотизма, но... вы это принимали за «торжество победителей», за роковое vae victis! Вы указывали на это людям, идущим жить, и говорили: «Страшитесь гнева владык больше всего! не пробил еще час! они еще всесильны!» Сказали и совершилось, присмотрелись к делу и увидели, что стоит им деятельно захотеть, и они своими силами, без всякой помощи, сотрут всякого супостата! Просить и ждать — можно, требовать и добиваться — значит только ожесточать сердца владык, а все в их воле!

Итак, в 1881 г. партия «истощила себя на бесплодный пуфф» и «умерла отчасти естественною смертью» от сознания своей одинокости и бессилия, отчасти от немыслимости борьбы с вернувшимся правительством, решившимся «не робеть»

Проходило несколько лет, «белый» террор свирепствовал, но о серьезном революционном предприятии не было и помину; правительство стало упражняться в терроризации самых умеренных, невинных, иногда даже чуть не жалких лиц, учреждений, предприятий. Несоразмерность между силами реакции и революции явилась даже для вас неожиданной; вы увидели, что реакция имеет, повидимому, возможность, не рискуя истощить свои силы, «палить

по каждому (революционному) воробью из пушки».

Убийство Судейкина мало изменило общую картину, потому что оно являлось изолированным — делом одного лица, — и, кроме того, это был как бы последний отголосок старого, последний вздох умирающего и затем — хоть шаром покати!

Можно, конечно, начать говорить о том, что затишье было гораздо более официальное, чем действительное, но это неважно, — вы, читатель, в праве ответить, что шила в мешке не утаишь, если оно достаточно крупно, как, напр., последнее событие, и что будь силы революции велики, ее известность не разбилась бы о цензурные запоры.

Да, за это время много схоронено,— много людей, живых и мертвых, много затей и предприятий, много мнений и направлений, но вы, читатель, конечно, говорили не о такой «частичной» смерти, скорее напоминающей обмен вещества в живом организме. Вы говорили о смерти террористических идей и тенденций, о смене их политикой благоразумия, но теперь вы видите, что это не совсем так, что тощие коровы террора не поедены мирными коровами благоразумия, и вы, вероятно, недоумеваете— что же означал 5-летний перерыв? Если это не был отказ от террористической теории, — отчего мы не видели соответственной практики? Оттого ли, что террористы, при всем своем желании и готовности, не находили случая? Оттого ли, что они после 81-го года отказались от своих приемов? Оттого ли, что их вырвали с корнем из общественного организма, как вырезают пораженное гангреной место?

Последний вопрос, и самый важный для нас в данную минуту, таков: следует ли смотреть на это недавнее событие, как на новое воплощение все той же идеи для новой жизни, или как на возрождение забытой на время идеи, или как на случайное явление, истекающее из личных стремлений отдельных людей?

Имея в виду ответ на этот вопрос, вернемся к предыдущему. Да, за это время произошел крупный факт во внутренней жизни партии «действия», известной под именем «Народная Воля»: единая, централизованная, революционная организация умерла в борьбе за свое существование и уступает место федерации отдельных кружков для успешности борьбы.

Реакция сделала свое дело, централизованная организация «Народной Воли» оказалась слишком слабою для беспрерывной борьбы с деспотизмом, и сознание этого зародило мысль у приверженцев ее принципов о несвоевременности такой организации. — Процесс перехода от прежней организации к новой, по необходимости, продолжителен и тягостен для партии и настолько важен, что нельзя удивляться его сильному влиянию на боевую ее деятельность. Мы не имеем возможности изобразить читателю этот процесс документально и в деталях, в настоящем обращении, где мы ограничены в пользовании временем и местом; но, зная более или менее внутреннюю историю партии за последнее время, мы советуем читателю не упускать из виду этого факта внутренней жизни революционной партии при желании объяснить себе такой продолжительный и поразительный застой в ее внешней жизни. Перерыв в деятельной борьбе, по нашему мнению, вызывался тем, что традиции единой, централизованной, боевой организации и инициатива центра в террористических предприятиях пережили эту организацию и тем связывали инициативу отдельных, самостоятельных групп; но жизнь и практика в конце концов обнаружили, что прежняя центральная организация перестала de facto быть центром и, таким образом, дали право инициативы отдельным группам, которые теперь не опасаются помешать планам «центра».

1 марта 1887 г. мы видим первый случай выступления на путь террора не от имени Исполнительного Комитета, а в качестве какого-то «тайного преступного сообщества».

Целью настоящего обращения было объяснить причины предшествовавшего затишья и указать, какое, по нашему мнению, значение должно придавать последнему событию, в смысле указания дальнейшего хода событий русской жи-

зни. О, если бы жертвы последнего события могли найти какой-нибудь другой путь для водворения «на земле мира, в человецех благоволения» кроме сурового требования: si vis pacem, para bellum!

Л. Н. Толстой и Н. М. Романов.

Печатаемые ниже материалы относятся к первым годам знакомства вел. кн. Николая Михайловича с Л. Н. Толстым и дают нам объяснение их дальнейших взаимных отношений. Начавшееся по инициативе Н. М. Романова осенью 1901 г. в Крыму, это знакомство продолжалось, повидимому, до самой смерти писателя. По крайней мере, из изданной уже переписки Л. Н. Толстого видно, что оба корреспондента интересовались друг другом и в 1907 году *). Последнее не представляется затруднительным объяснить, если принять во внимание свойственную обоим и научно-литературную устремленность в прошлое и живой интерес к современной русской действительности; это обстоятельство было, конечно, не последним побудительным мотивом и для их первой личной встречи. Нельзя также исключить при этом и некоторой доли любопытства со стороны великого князя, много слышавшего о Л. Толстом и желавшего лично проверить составившиеся о нем характеристики наиболее близких ему придворных кругов. В этом отношении не малый интерес представляют те места приводимого ниже дневника, где Н. М. Романов останавливается на внешности Толстого и вполне серьезно отмечает, что его собеседник «вполне опрятен, хорошо вымыт, руки чистые и ногти в полной исправности; большая, окладистая, седая борода его, хотя и находится как бы в поэтическом беспорядке, но расчесана», что его оппонент не обнаруживает никакого беспокойства в обращении, и хотя «спорит упорно, но без всякого повышения голоса» и «свободно допускает возражения».

В обстоятельствах, сопровождавших эти встречи в Крыму осенью 1901 года, следует, повидимому, искать и причину возникновения у Л. Н. Толстого мысли обратиться к Николаю II с письмом *), о котором говорится в переписке обоих корреспондентов. В центре этого письма, как и всей нижеприводимой переписки, стоит земельный вопрос, к разрешению которого Л. Н. Толстой подходит с теорией Генри Джорджа, кажущейся ему в особенности приемлемой для России.

Не входя здесь в принципиальное разрешение вопроса о том, насколько справедлива вообще теория Генри Джорджа в приложении к вопросу о раскрепощении труда от капитала, приходится признать, что в той постановке, в какой она дается у Л. Толстого, она никогда не могла рассчитывать на успех даже в отношении разрешения одной только аграрной проблемы. И в этой части спора прав, конечно, Н. М. Романов, делающий вполне верное заключение: «насколько ваша мысль идеальна и симпатична, настолько же она на практике не осуществима». Но, с другой стороны, не много практического смысла заключается и в тех мероприятиях, которые, как предварительные условия возможного в будущем земельного переустройства, выдвигаются самим Н. М. Романовым; они к тому же достаточно выпукло обнаруживают и собственную политическую и социальную ограниченность их автора. Окончание этого интересного во всех отношениях спора следует видеть в напечатанном уже ранее письме Л. Н. Толстого от 20 авг. 1902 г., где последний, между прочим, пишет Н. М. Романову: «Что

*) Последнее письмо Л. Н. Толстого, к Н. М. Романову по сообщению Н. Н. Гусева, было написано 2 сентября 1907 г.

*) Напечатано в журнале «Былое», 1917, № 1, стр. 16—21.

же касается до вопроса об уничтожении земельной собственности, то я в последнее время написал об этом — насколько умел — обстоятельное сочинение, которое, само собою разумеется, будет напечатано не в России, а в Англии. Заглавие сочинения: «Рабочему народу». Всякое сочинение est une lettre de l'auteur à ses amis inconnus. Оно может служить и ответом на ваши возражения. И если предмет этот интересует вас — вы прочтете его» *). Очевидно, острота спора начала уже для одной стороны терять свою силу, заслоняясь другими интересами. Но Толстого эта тема продолжала занимать и в дальнейшем, и он еще раз возвращается к ней в письме своем к председателю Совета Министров П. А. Столыпину 26 июля 1907 г. **). Некоторые нерусские и неправильные обороты речи и выражения в письмах Н. М. Романова («не только... и даже», «казалось заметить», «внаружу», «не на иоту» и т. д.) в точности воспроизводят текст подлинников, хранящихся в Библиотеке им. Ленина ***).

А. Чулошников.

Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым. 26, 31/X и 3/XI ****).

Желая давно видеть и познакомиться с Л. Н. Толстым, мне представился удобный случай в Крыму, осенью 1901 года. Я гостил две недели у брата Александра [1]), а Толстой жил почти рядом, в Гаспре, на даче графини Паниной [2]). Приехав в Крым 22 октября, я тщетно делал прогулки, чтобы встретить графа Льва Николаевича, который, как мне говорили, ежедневно совершал большие экскурсии в окрестностях пешком и верхом. Видя, что на счастливый случай рассчитывать не стоит, я решился прямо написать графу записку, могу ли я к нему зайти, прося откровенного ответа. Сказано — сделано. Послав утром 26-го мою записку, я получил немедленно ответ от графа прийти к нему в час дня. Меня встретила гр-ня Софья Андреевна весьма приветливо, сказав, что муж сейчас спустится с верхнего этажа, где его комната. Действительно, через минуты две, Л. Н. явился и очень ласково со мной поздоровался, говоря, что извиняется, что ответил по телефону, а не запиской, но что у него сильно болит рука от ревматизма. После этого мы сели очень близко друг к другу и началась беседа вдвоем, так как графиня удалилась. Физически, на первый взгляд, Л. Н. делает впечатление дряхлого старика, но во время разговора с ним это впечатление сглаживается быстро, и, наоборот, старик этот обращается в здорового и бодрого мужичка. Одет он просто: в серую блузу с ремневым поясом, шаровары такого же цвета и сапоги небольшие, голенищами поверх шганов. Когда вам будут говорить, что граф грязно одевается, что он не мыт — не верьте; напротив того, он вполне опрятен, хорошо вымыт, руки чистые и ногти в полной исправности. Большая, окладистая, седая борода его хотя и находится как бы в поэтическом беспорядке, но расчесана. Особенно вас поражают его светло-голубые глаза с весьма проницательным взглядом, который вас пронизывает и как бы хочет проникнуть в самую душу, а так как глаза помещаются глубоко, а скулы очень выдвинуты, то впечатление делается еще сильнее. Выражение глаз доброе, с оттенком грусти, но умное, сосредоточенное, показывающее характер и силу воли, — вовсе нет блуждающего взгляда, как многие рассказывают, ни беспокойства в обращении, а все величаво, просто и достойно.

---

*) Письма Л. Н. Толстого под ред. П. А. Сергеенко, 1910 г., т. I, № 215, стр. 274.

**) Ibid. № 253, стр. 314—319.

***) Труд сличения текста с подлинниками любезно выполнен, по просьбе редакции, Н. Н. Гусевым.

****) Печатаются по автографу Н. М. Романова, извлеченному из архива б. Ново-Михайловского дворца, хранится в помещении б. Дворцового архива (1 отделение экономической секции Л. Ц. И. А., V отделение).

Правда, он во время разговора не сводит с вас глаз, а когда увлечется разговором, его особенно интересующим, то смотрит прямо в глаза. Мне лично это очень понравилось. Тема нашей беседы была самая разнообразная. Я желал с ним поговорить о трех вопросах: 1) о духоборцах на Кавказе [3]), 2) об Александре I и старце Феодоре Кузьмиче [4]) и 3) о лично касающегося меня дела. Вот этот последний вопрос его особенно заинтересовал, даже поразил, и он как-то любовно на меня глядел, повторяя: «странный вопрос и еще более странный случай». Но о сем я не буду и не хочу распространяться. Насчет духоборцев, роли бывшего тифлис[ского] губернатора кн. Шервашидзе [5]) и личного вмешательства в это дело графа Л. Н. — мы остались противоположных мнений. При этом замечу, что граф свободно допускает возражения, спорит упорно, но без всякого повышения голоса, и дает вам полную возможность высказать ваше суждение. Относительно роли кн. Шервашидзе в [духоб]орческом деле, Л. Н., хотя и вполне убедился, что князь человек добрый и благонамеренный, но продолжает его считать плохим администратором, не сумевшим обставить дела после их расселения по уездам Тифлис[ской] губернии. Я уверял графа, что князю Ш[ервашидзе] было трудно бороться, имея, с одной стороны, полное равнодушие и бессилие всех правительственных органов, а с другой — его, Л. Н., пропаганду, которая принесла духоборцам много вреда.

Граф же хотел меня убедить, что он все делал, чтобы удержать их в пределах России, но, увидав равнодушие правительства, действительно советовал им выселиться за границу для их же блага. Теперь, по мнению Л. Н., духоборцы блаженствуют в Канаде, а по моим сведениям они пока там бедствуют. Когда я заявил графу, что духоборцы до сего времени остались в прекрасных отношениях с кн. Шервашидзе и даже ему пишут из Канады, то это явление его, видимо, озадачило. Я же особенно настаивал на вреде влияния Хилкова [6]) и Бирюкова [7]), учеников Л. Н., которые наверное пересолили и не действовали умиротворяюще на духоборцев. Л. Н. как будто сдал и готов был согласиться, что часто ученики его не вполне его понимают, но все же лучше, чем администрация и чиновники.

Насчет импер. Александра I толковали мы много, и гр. Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и, напротив того, много данных против нее, но Л. Н. интересует душа Ал[ександра] I, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Ал[ександр] I действительно кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская.

После этого разговор пошел на тему личного характера, о которой должен умолчать. Потом говорили об общих наших знакомых, напр., о графине Елене Ив. Шуваловой [8]), Елис. Ив. Чертковой [9]), которые следуют учению лорда Редстока [10]) и Пашкова [11]). Об этом учении Л. Н. выразился, что оно в основании неверно и никакого удовлетворения не дает, хотя побуждения толкования их считает хорошими. Просидев у Л. Н. более часа, я встал, чтобы проститься, не желая на первый раз засиживаться. Он меня проводил до выхода и очень любезно сказал, прощаясь, что был рад со мной познакомиться. _____

Второй раз я был у Л. Н. под вечер до его обеда.

Меня просили наверх, в его кабинет. Граф встретил меня словами: «Очень рад вас видеть, я поджидал вас, меня мучила совесть, хочу спросить вас, подумали ли вы, что сделали, когда первый раз пришли ко мне. Ведь я — скарлатина, я отлучен от церкви, меня боятся, а вы приходите ко мне; повторяю, я — скарлатина, зараза, и у вас могут выйти неприятности ради меня, будут на вас косо смотреть, как это

вы посещаете политически неблагонадежного человека». На сие неожиданное вступление я ответил, что, мол, мне 42 года, что я холост, что меня знают и что для себя безусловно не боюсь ни неприятностей, ни гонений, и что все же лучшего мнения о нашем правительстве, чем граф.

Потом снова зашла речь о духоборцах и Шервашидзе, но Л. Н. не удалось меня переубедить. Я продолжал настаивать, что нельзя графу на-слово верить всем своим разнокалиберным ученикам и последователям, что именно они его подводят, не понимая его и делая на практике вовсе не то, что Л. Н. желал бы. Черткова [12]) Л. Н. признает за умного и самого толкового из своих толстовцев, а также Бирюкова.

Первого я лично знаю и считаю за крайне ограниченного парня, хотя он прямой, честный и симпатичный малый. Говорили и о герое дня, о Мише Стаховиче (орловск. предв. двор.) [13]) и о его звонкой речи по поводу свободы совести. Хотя Толстой находит, что давно пора в России прийти к убеждению, что свобода совести необходима, но Стахович забил тревогу ради собственной популярности, что он, Ст[ахович], не серьезный, ко всему относится поверхностно и, к сожалению, и наш и ваш. Меня очень порадовало это услыхать от Л. Н., так как и мое мнение об этом герое нашего времени, что он только бьет на популярность и без всяких твердых убеждений.

После этого разговор перешел на современное состояние России, о полном безвластии, об отсутствии всякой определ[енной] системы, о произволе и бесцеремонности г-д министров, о бездарности Сипягина, о нахальстве Витте (отдавая справедливость его способности), о всеобщем безверии и т. д. Относительно безверия Толстой подробно распространился, упрекая, главным образом, наше духовенство в результатах этого печального явления. Когда я ему заметил, что многие, читая его произведения, полагают, что он сам ели-ели верит в бессмертие души, граф, видимо, смутился и сказал мне: «Неужели это так некоторые понимают и объясняют? Ну, что же, очень жаль, если это так — да я и сам чувствую, что сильно старею, вдохновение уже не то, а часто и совсем нет, но, я уверяю вас, только и жажду помочь больному человечеству».

«Теперь я усиленно работаю над моим предсмертным трудом «О религии», и если только мне удастся окончить это произведение до моей смерти, то я буду счастлив. Готово уже около $^2/_3$ работы, но последняя $^1/_3$ мне как-то не дается, редко чувствую вдохновение, часто болею — вот где беда!» Вообще Толстой очень часто в разговорах со мной упоминал о смерти, так что этот вопрос, видимо, его тревожит, хотя он в этом и не сознается, но сомнения, овладевающие им, чувствуются в самой его речи.

В этот раз я засиделся у графа почти целых два часа, беседуя с ним наедине. Л. Н. был также очень интересен, говоря об эпохе Ал[ександра] I, о тогдашних людях и о его романе «Война и Мир». Что меня поразило во время этого tête-à tête, это, что Т. был совсем натурален, вовсе не думал рисоваться передо мной, а просто говорил о всем и очаровал меня, как приятнейший из собеседников.

Наконец, последний раз я зашел к Л. Н. накануне отъезда, чтобы проститься с почтеннейшим старцем. Опять просидел у него более часа. На сей раз он мне подробно рассказывал свои севастопольские воспоминания, которые так свежи в его памяти, что повествование графа выходит живым рассказом, картина сменяется картиной, эпизод идет за эпизодом и слушать одно наслаждение.

Потом Толстой начал говорить о нынешнем государе Николае II. Очень его жалеет, так бы хотелось ему помочь, он, видимо, добрый, отзывчивый и благонамеренный человек, но окружающие его люди — вот где беда! Помянул Л. Н. и покойного государя Александра III хорошим словом, сказав, что «будь он жив, меня смиренные отцы не отлучили бы от церкви».

Далее расспрашивал о моем батюшке, которому был представлен, будучи офицером артиллерии, в 1854 году в Севастополе; осведомился о его здравии, все так мило и просто, что, право, нельзя выставлять Л. Н. анархистом.

В заключение скажу одно. Л. Н. Толстой как писатель — одна личность, а как человек — другая; и я очень рад, что мне удалось видеть близко, с глаза на глаз, именно человека, тогда можно многое простить увлекающемуся старцу-писателю.

Н. М.

Аа-Тодор. 4-XI 1901 г.

Переписка *) Л. Н. Толстого и вел. кн. Николая Михайловича [14]).

1.

Дорогой Николай Михайлович.

Хотел писать вам тотчас же по получении вашей телеграммы, но тут же слег и два месяца не мог сидеть и взять пера в руки. Хотелось же мне писать вам для того, чтобы от всего сердца благодарить вас. Я почувствовал к вам особенную благодарность за то, что вы исполнили мою просьбу, несмотря на то, что исполнение ее могло повредить вам, и что самое письмо [15]), которое вы передали — и вероятно читали, о чем я просил вас — должно быть несогласно с вашими взглядами и скорее неприятно вам. Если я ошибаюсь, то я очень рад и прошу вас простить мне мои сомнения. Во всяком случае, теперь, когда я первый день в состоянии писать, я пользуюсь им, чтобы горячо благодарить вас. Мне передано было через Черткова, что письмо принято благосклонно (это очень приятно) и дано обещание никому не показывать. Я об этом не просил, но если вы нашли нужным это сделать, то, вероятно, вы имели свои причины, и я ничего не имею против этого.

Хотелось мне еще разъяснить вам некоторые изложенные мною мысли, чего я не мог сделать в письме, надеясь, что если вы и не разделяете моих взглядов, вы поймете меня и посмотрите на мои предположения не как на плод фантазии непрактического человека — как я уверен, в лучшем случае, смотрят на меня в правительственных кругах, а как на результат серьезной и продолжительной работы мысли, пришедшей к убеждению, что для спасения самодержавия от полного крушения есть только одно средство: усвоение правительством тех передовых целей, к которым стремится человечество, и ведение с помощью своей власти к этим целям своего народа. Передовая же цель, к которой всегда стремился и стремится русский народ, по моему убеждению, есть освобождение земли от права частной собственности. Об этом предмете было много писано и теперь пишется, но разработан этот вопрос самым основательным образом Henry George'ем в его большом сочинении «Progress and poverty» и в более сжатом «Social problems» [16]). Вопрос этот, по моему мнению, стоит на той же самой точке необходимости разрешения его, на которой стоял в первой половине прошлого столетия вопрос крепостного права и рабства. Но не только разрешение, но разъяснение этого вопроса в наше время задерживается тем, что богатые и вообще частные землевладельцы в Европе и Америке, составляющие правительство, старательно замалчивают его и не дают ему хода в правительственных сферах. Так что разрешение вопроса возможно только в России при самодержавной власти, и в России же особенно нужно и важно, так как большая часть русского народа занята земледельческим трудом, главной помехой для которого служит отсутствие земли или неравномерное распределение ее. План Henry George'a, называемый single tax system, как вы,

*) Приводимые письма Л. Н. Толстого и Н. М. Романова печатаются с копий, переписанных неизвестным лицом; извлечены они из архива б. Ново-Михайловского дворца и хранятся в помещении б. Дворцового архива 1 отделение экономической секции Л. Ц. И. А., V отделение). Текст сверен Н. Н. Гусевым с подлинниками, хранящимися в библиотеке имени Ленина в Москве.

вероятно, знаете, очень прост и удобоисполним, состоя в том, что вся земля оценивается по приносимой ею ренте, и рента эта уплачивается владельцами земли правительству и составляет все доходы государства, заменяя этим все другие подати.

Так что я очень легко могу себе представить, как по высочайшему повелению учреждается главное учреждение уничтожения земельной собственности и по губерниям — комитеты, которым поручена оценка земли и другие подробности. А какое бы величайшее благо сделал не только своему народу, но и всему миру тот русский царь, который предпринял бы такое дело! И как обеспечен бы был такой царь от всяких социалистических волнений и революционных козней! Как бы твердо он чувствовал себя, опираясь на лучших людей своего народа и на народные массы, которые ожидали бы от него осуществления своих заветных и самых законных желаний: права каждого человека кормиться с земли, данной богом не некоторым, а всем людям без исключения.

Таковы мои убеждения, но, как я и писал, очень может быть, что я ошибаюсь, и есть другие передовые цели, к достижению которых стремится человечество, и они должны стать целью, преследуемой правительством. Это может быть, но одно никак не может быть — это то, чтобы правительство, продолжая теперешнюю систему — поддерживать отжившее и, не став впереди своего народа, указывая ему цели, достижение которых даст ему истинное благо, чтобы такое правительство могло существовать еще долго.

Вчера пришло известие об убийстве Сипягина. Событие это ужасно, главное, той злобой, ненавистью, мстительностью, которые оно неизбежно вызовет в людях, но оно было неизбежно и обещает только еще худшие бедствия, если правительство не изменит совершенно свой курс. Добрый порядок может быть основан только на разумном согласии и любви, а на насилии, казнях, мести, ничего не может быть основано, кроме таких же насилий, жестокостей, мести, которые могут быть отсрочены, но неизбежно придут в свое время.

Простите, что утрудил вас таким длинным письмом, но мне хотелось, чтобы вы понимали мои мотивы, и, кроме того, я взволнован и своей слабостью — пишу лежа — и, главное, ужасным событием убийства Сипягина, предвещающим все большее и большее озлобление и зверство с обеих сторон, тогда как так легко избежать этого.

Прощайте. От всей души желаю вам всего хорошего в вашей личной и, главное, духовной жизни.

Любящий вас

Лев Толстой.

5 апреля 1902 г.

2.

15 апреля 1902 г. Тифлис.

Милейший

Лев Николаевич.

Ваше письмо, полученное мною вчера, вызвало во мне живейшую радость, во-первых, потому, что я вижу, что вы настолько поправились, что можете писать, а во-вторых, — я давно ждал от вас весточки, и весточка пришла в дни светлых праздников. Я же, зорко следя за бюллетенями о вашем здоровьи, намеревался на-днях прервать мое молчание и обеспокоить вас моей болтовней, после двух с половиной месяцев, что я прокатался и нравственно отдохнул *)...

Теперь отвечу на ваше письмо. Приехав в Петербург 22 января, я получил на другой день ваше послание, которое, конечно, прочел, оставив себе копию, и нашел, что смело могу оное вручить тому, кому оно адресовано.

Когда я спросил, могу ли я передать ему это послание, то государь сказал: «Да, конечно», и через три дня, после

*) Начала письма до этого места в копии нет; оно приводится по подлиннику и внесено Н. Н. Гусевым. Далее идет за этим речь о занятиях Н. М. Романова и личных делах, что опускается.

одного семейного обеда, я ему из рук в руки передал письмо ваше. Но, передавая, прибавил от себя: «Прошу из уважения ко Льву Николаевичу мне сделать удовольствие — не давать читать это письмо никому из ваших министров. Вот моя личная просьба». Государь обещал никому не показывать и сказал, что прочтет оное с интересом. После этого мне не пришлось с ним говорить об этом письме, а сам начинать разговор я не считал себя в праве.

Благосклонность я вижу в самом факте разрешения передачи письма и в дальнейшем дружеском отношении ко мне. Ведь государь наш очень добрый и отзывчивый человек, а все горе в окружающих. Если я позволил себе просить не показывать это письмо министрам, то исключительно из уважения к вашей личности и нежелания излишних толков и объяснений господ министров, которые только бы постарались вас очернить в глазах государя. Надеюсь, что вы меня одобрите.

Что касается средств, которые вы излагаете в письме 5 апреля, для спасения самодержавия и безотрадного положения нашей родины, то, не сердитесь, но вы слишком большой идеалист. Идеалист уже потому, что считаете возможным сделать в России то, что не только в Европе, и даже в Америке е щ е н е п о м ы ш л я ю т.

Ведь всякий крестьянин очень и очень ц е н и т свою крохотную собственность, а, насколько я вас понимаю, вы желаете, чтобы общая собственность с доходами от нее поступала государству, т.-е., другими словами, казне. Я полагаю, что если на эту меру, конечно, при соблюдении с т р о г о й пропорции подоходности, даже согласились бы имущие классы, т.-е. владельцы всех сортов и сословий, то самую ярую оппозицию вы встретили бы в самих же крестьянах. Кроме того, для осуществления этой грандиозной идеи нужен был бы царь богатырь, вроде Петра Великого, и, конечно, другие сотрудники, чем те, которыми может располагать Николай II. Нужно переформировать и оживить существующие более 100 лет высшие учреждения, как Госуд. Совет, Сенат и машину министерств.

Так что я прихожу к заключению, что насколько ваша мысль идеальна и симпатична, настолько же она на практике не осуществима. Ясно, что переживаемое поистине ужасное и удручающее время требует реформ, и реформ практических, не скороспелых, но с чего начать, that is the question. Вопрос образования, воспитания, учителя, профессора, рабочий вопрос, зловредное чиновничество и бюрократия, страсть всеобщая к наживе, всякие панамы, непосильный милитаризм, распущенность нравов и т. д. А тут вы думаете возможным еще возбудить поземельный вопрос!? Ведь один в стане не воин, а вы рискуете остаться на этой почве одиноким, потому даже те, которые вам симпатизировали, остановятся, когда придется идеальную теорию вводить в жизнь. Я считаю наше общество до того падшим, что выздоровление возможно только при дружной и постепенной работе правительственных сфер, и то при полной их солидарности. По-моему, можно спасти самодержавие, если ограничить его ответственность перед 130-миллионным населением и увеличить ответственность министров. В устарелости всего этого — корень зла. Жизнь и ее требования ушли за XIX столетие далеко вперед, а учреждения остались почти на той же точке. Вот, когда все это будет переформировано и обновлено, тогда только можно будет подумать о возбуждаемом вами весьма сложном вопросе и тогда, может быть, найдутся и дельные исполнители этой грандиозной идеи.

Что вы смотрите черно на будущее и что убийство Сипягина может вызвать нежелаемые мести и возбуждения, — возможно, и вот почему меня интересует, как поведет дело Плеве. Мне казалось заметить, что есть уже поворот к лучшему относительно Финляндии и Кавказа, дай-то бог, чтобы я не ошибся. А что сказать про уход Ванновского? Если это сделано для личной популярности и по его собственной инициативе, то неужели возможно

покидать своего государя в такое время и затруднять его положение? Но я увлекся, боюсь вас утомить и прошу не взыскать за это длинное письмо. Если у вас будет свободное время, пишите мне, я перлюстрации не боюсь, а мне так приятно с вами беседовать.

Самое сердечное спасибо за ваши милые строки от 5 апреля, которые меня тронули и убедили, что и вы меня немного любите. От души желаю вам скорее окрепнуть и поправиться. Берегите себя и не делайте неосторожных прогулок ни верхом, ни пешком.

Передайте, прошу вас, мой искренний поклон графине.

Крепко жму вашу руку.

Весь ваш искренно любящий

Николай М.

3.

Тифлис. 11 мая 1902 г.

Милейший
Лев Николаевич.

Весьма жалею, что вы опять чувствуете слабость вследствие приступа малярии, но надеюсь, что с летними днями вернутся и силы ваши. Письмо, которое вы так любезно мне написали, затрогивая столько важных, существенных и интересных вопросов, я перечитал несколько раз, но, к сожалению, не могу согласиться с вами во многом.

Первая тому причина мое незнакомство с книгой Henry George'a, проект которого я действительно не читал и имею лишь смутное понятие. Будьте так милы мне прислать русский или французский перевод этой книги, потому по-английски хотя я и читаю, но многие слова мне не достают для бойкого чтения. Вторая причина — моя некомпетентность по земельным вопросам, так что на этой почве все мои аргументации будут слабы, особенно в беседе с вами, который много и неутомимо работает над этими вопросами. За вами и опыт и знание дела, а за мной лишь противные тому свойства.

Хотя меня все вопросы дня интересуют, но, по складу моего характера, я только тогда «реагирую», когда несу какую-либо ответственность. Между тем вы хорошо знаете, как я далек от дел и как держу себя в отдалении от правящих петербургских сфер. А потому польза или вред, который я мог бы принести в делах общественных, пока отпадает, и я могу только академически рассуждать на бумаге, и то благодаря вашей снисходительности желать со мной говорить в переписке. Конечно, я глубоко тронут такому ко мне отношению, после того что вы меня видели несколько часов прошлой осенью и что я вселил вам некоторое к себе доверие: но переписка по таким сложным вопросам куда затруднительнее, чем живой обмен мысли в разговорах. А, к сожалению, я, право, не знаю, скоро ли мне снова представится случай вас увидеть и побеседовать всласть. Я убежден, что некоторые мои недоумения или сомнения по многим возбужденным вами вопросам тогда быстро бы отпали, а на бумаге многое выходит так, да не так.

Тем не менее сердце не камень, и я не могу удержаться, чтобы не ответить на кое-что из вашего письма. 1) Если самодержавие вы признаете такой формой правления, которая могла бы заняться проведением в жизнь проекта поземельной реформы (типа Джорджа), то неужели в своей настоящей оболочке? Вы же сами говорите, что нынешние сотрудники невозможны и один неподходящее другого. Вывод из этого простой. Надо их заменить. Откуда? Неужели Николай II может разом обновить весь правительственный персонал! Вы считаете, что формы высших учреждений устарели, но не желаете делать «заплаток» на «старом рубище». Тогда я становлюсь в тупик, потому, как же новые элементы будут работать с «отжившими» формами? 2) Ну положим, что вы сумеете найти новых людей, способных работать и знающих Россию (прибавлю я). Вы думаете, что ими «полна Россия». Вряд ли. Этот пункт я ставлю под большое сомнение. Но, тем не менее, вот вы нашли людей, и неужели вы допускаете возможность, что все эти 10, 20 новых сотрудников могут быть солидарными и все проникнуты идеей

пользы применения поземельной реформы! Я даже скажу следующее. Вдруг Николай II признал бы пользу вашего проекта и пожелал бы привести оный в исполнение. Вот первый и самый существенный камень преткновения очутился бы в подборе сотрудников, и на деле вышла бы басня щуки, лебедя и рака. 3) Потому я вам и писал, что мне представляется исполнителем такой грандиозной реформы (если она не утопия) — царь богатырь, вроде Петра Великого. Т.-е. царь энергичный, самостоятельный, упорный в своих затеях и умеющий выбирать людей. А с одной добротой и благостью намерений нельзя совершить и сотую долю того, что вы желали бы. Этому я твердо верю, потому эти качества для монарха суть основные для поддержания самодержавия. 4) На деле, т.-е. на практике, надо считаться с тем, что есть. Нельзя требовать от него неисполнимого, а необходимо ему помочь, и это есть святая обязанность каждого русского, любящего свою родину и его. Вот я и набрел на мысли о переформировании высших учреждений. Необходимо установить ответственность министров. Вы спрашиваете перед кем? Да просто перед общественным мнением. Отчего бы не печатать в «Правительственном Вестнике» подробных отчетов заседаний Государственного Совета и его департаментов?! Всякий бы министр или член Государственного Совета не раз задумался бы, что сказать, если знал, что все его слова сделаются общим достоянием. Болтовни было меньше, а дела больше. Вот уже начало нравственной ответственности. Одна перед царем — другая перед публикой.

Отчего бы не ограничить число департаментов, переписку, принявшую ужасающие размеры, установить более строгий надзор за бесшабашным чиновничеством, которое, как червь, понемногу съедает все строение и дискредитирует власть, где только хочет и может.

Тогда бы и многое, что теперь царю неизвестно, стало бы выходить внаружу, у него открылись бы очи, и он легче мог бы подобрать себе добросовестных деятелей и исполнителей его воли.

А тогда бы, т.-е. при полном обновлении всех высших государственных учреждений, новые люди сами бы явились и, может быть, и ваш проект мог бы осуществиться. Ведь даже за истекшее XIX столетие были люди, которые хотели влить живую струю. Неужели вы не признаете пользы, принесенной такими личностями, как Сперанский, Н. С. Мордвинов, гр. Канкрин, Н. А. Милютин, сам император Александр II? А покойный государь Александр III, как русский человек, положил основу всему русскому и старался стать на твердые начала добра во внутренней политике, а во внешней придал такое положение России за 13-летнее царствование, как она дотоле не имела. Следовательно и личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси. Но опять повторяю — с одной добротой далеко не уйдешь.

Вот я и увлекся за пределы должного приличия и выдержки! Боюсь, что не на иоту вас не убедил, но повторяю, что пишу, как разумею. Во всяком случае в одном мы с вами согласны. Что так, как теперь, дела не могут итти дальше и что все это кончится плачевно, если еще продолжится по теперешнему курсу. Средства лечения — вот где рознь наша. И то для меня утешительно, что я могу откровенно и по душе с вами говорить и что вы имеете терпение слушать меня.

Еще раз прошу вас, берегите себя, не насилуйте себя, когда вам станет лучше, а я думаю, что воздух Крыма и лето будут иметь на вас хорошее влияние.

Крепко жму вашу руку.
Сердечно вас любящий

Весь ваш *Николай М.*

Примечания.

[1]) Александр Михайлович Романов (род. в 1866 г.), б. великий князь, брат Николая Михайловича, женат на сестре Николая II Ксении Александровне.

[2]) Панина, София Владимировна, графиня, крупная благотворительница и бывшая владелица известного имения «Марфино» гр. Паниных.

[3]) Духоборы (или духоборцы) — русская секта рационалистического направления, сложившаяся во второй половине XVIII в. и отличавшаяся непримиримым отношением к государству и ко всякому принуждению в общественной жизни. В 1895 г. духоборы, выселенные еще в 1840 г. по указу Николая I в Закавказье, подверглись особенно жестоким преследованиям со стороны правительства вследствие своего отказа от присяги и от военной службы. В 1898—1899 гг., по приглашению американских сектантов-квакеров и при содействии толстовцев, в количестве 7.400 человек перебрались в Канаду. О пребывании духоборов в России в 1890-х гг. и о влиянии на них толстовства см. в книге П. Бирюкова, «Духоборы. Сборник статей, воспоминаний», М., 1908 г.

[4]) Федор Кузьмич — сибирский старец, умерший в г. Томске 20 января 1864 г. Легенда связывала с его именем конечную судьбу императора Александра I. Оба корреспондента живо интересовались личностью Федора Кузьмича — см. вел. кн. Николай Михайлович, «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича», СПБ., 1907 г., и Л. Н. Толстой, «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

[5]) Шервашидзе, Георгий Дмитриевич, кн., род. в 1847 г., тифлисский губ. с 1888 по 1897 г., позднее обер-гофмаршал двора и состоящий при императрице Марии Федоровне.

[6]) Хилков, Дмитрий Александрович, кн. (1858—1914), участник русско-турецкой войны (1877—78); в 1890-х гг. за близость к духоборам и толстовству и за ряд резких выступлений против духовенства был выслан в Закавказье; впоследствии отошел от толстовства и примкнул к соц.-революционерам; после 1905 г. превратился в убежденного церковника. Убит на войне в начале октября 1914 г. в Карпатах. О нем см. «Вера и разум». 1914 г., «Богословский Вестник», 1915, «Письма кн. Д. А. Хилкова», Сергиев Посад, в. I—II, 1909—1916 гг.

[7]) Бирюков, Павел Иванович (род. 1860 г.), писатель, последователь и друг Л. Н. Толстого, автор известной четырехтомной его биографии.

[8]) Шувалова, Елена Ивановна, рожденная Черткова (род. 1830 г.), графиня, деятельная последовательница учения пашковцев.

[9]) Черткова, Елисавета Ивановна, рожденная графиня Чернышева-Кругликова (род. 1832 г.), мать известного толстовца Владимира Григорьевича Черткова, деятельная последовательница учения пашковцев.

[10]) Редсток, Гренвиль Вальдигрен, лорд, английский пропагандист, под влиянием которого и образовалась в России секта пашковцев. В Петербурге появился в 1874 году, где проповедывал в аристократических домах и скоро собрал вокруг себя большое количество последователей.

[11]) Пашков, Василий Александрович (ум. в 1902 г.), отставной полковник гвардии, последователь протестантских идей лорда Редстока и основатель «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Учение пашковцев, очень близкое к баптизму, распространялось первоначально среди петербургской аристократии, а затем перешло и в другие слои населения. После не совсем удавшегося съезда русских сектантов в 1884 г. и под влиянием правительственных репрессий, Василий Александрович Пашков эмигрировал за границу. Дело его в России продолжали многочисленные друзья, в их числе: гр. А. П. Бобринский, Е. И. Черткова, кн. В. Ф. Гагарина, светлейшая княгиня Ливен и гр. Е. И. Шувалова.

[12]) Чертков, Владимир Григорьевич, ближайший друг и последователь Л. Н. Толстого, основатель издательства «Посредник» и заграничного изд-ва «Свободное Слово».

[13]) Стахович, Михаил Александрович (1861—1923), орловский предводитель

дворянства с 1896 по 1908 г., председатель совета общества Толстовского музея, член Государственной Думы и член Государственного Совета по выборам.

[14]) О свиданиях Н. М. Романова с Л. Н. Толстым в 1902 г. и об их переписке в связи с письмом Л. Н. Толстого к Николаю II — см. П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. IV, Гиз, 1923, стр. 53 и сл.

[15]) Речь идет об известном письме Л. Н. Толстого к Николаю II, напечатанном в «Былом», 1917, № 1, стр. 16—21.

[16]) Джордж Генри (1839—1897 гг.) — американский экономист и политический деятель, автор известной книги «Прогресс и бедность». Об увлечении Л. Толстого его идеями см. Т. Л. Сухотина-Толстая, «Толстой и о Толстом». Новые материалы, ред. Н. Гусева, М., 1924 г.

Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

В 1868 г. в Вюрцбурге вышла книга Пауля Гримма «Тайны царского двора времен Николая I» [1]). В романе дана фантастическая картина последних дней царствования Николая I [2]). События в «Тайнах» происходят в 1855 году, и Достоевский изображен проживающим в Петербурге. Он участвует в каком-то тайном обществе, к которому примкнул после возвращения из Сибири, куда был сослан по делу «Петрашевского-Петрушевича». Члены тайного общества, в том числе и Достоевский, собираются в подвале. Их выслеживают. Достоевский арестован. На допросе у Орлова в III отделении собств. е. в. канцелярии он не желает открыть своих соучастников. Его подвергают тут же «секуции» (выражение автора) и отправляют в Петропавловскую крепость. Жена Достоевского пытается его спасти. Она вымаливает у императора Николая прощение для мужа. Она является в крепость, но Достоевского там уже нет. В III отделении Орлов объявляет ей, что Достоевский был уже выслан в Сибирь и по дороге умер в Шлюссельбурге (?). Почти одновременно с Достоевским кончает самоубийством и Николай I.

Достоевский прочел эту книгу раньше, чем о ней написал ему А. Н. Майков. Последнему Достоевский по поводу ее в письме из Милана 7 ноября (26 октября) [1]) 1868 г. ответил: «Я читал книжку. ...и, признаюсь, был взбешен ужасно. Наглее ничего представить нельзя. Конечно, наплевать, я так, было, и хотел сначала; но меня сму-

[1]) Книга вышла на французском языке и полное ее заглавие такое: «Les mystères du Palais de Tzars (sous l'Empereur Nicolas I) par Paul Grimm, propriété de l'éditeur. Vurzbourg. F A. Julien libraire-éditeur. 1868».

[2]) С этой книгой нам лично не удалось ознакомиться, так как ее в Москве нет. Благодаря любезному содействию Б. Л. Модзалевского, мы получили краткое изложение содержания книги, составленное Е. Б. Покровской-Гиппиус, которой выражаем свою признательность. Экземпляр книги в Ленинграде имеется только в Публичной библиотеке.

[1]) В издании писем Страхова (1883 г.) письмо датировано: «7 октября (26 ноября).» Это, конечно, ошибка. В автографе письма (хранящемся в Пушкинском Доме) та же ошибочная дата (см. сообщение Е. Б. Покровской «Переписка Достоевского с Майковым», в сборнике «Достоевский». Статьи и материалы под редакцией А. С. Долинина, т. 2, Л. 1925, стр. 334). По предположению Е. Б. Покровской и А. С. Долинина, здесь путаница в месяцах: надо переставить ноябрь на место октября, так как обычная датировка заграничных писем первую дату имеет по новому стилю, а второй датой обозначается русский стиль. Разница в стилях в 12 дней предполагает здесь обязательно два месяца; тогда как в пределах одного месяца выходит разница в 21 день. Поскольку в октябре 31 день, вычисление получается верное для прошлого века. С соображениями А. С. Долинина и Е. Б. Покровской мы вполне согласны и выше датируем письмо, исправив месяцы.

щает и то, что если я не протестую, то тем самым как бы дам мое оправдание подлой книжонке. Но где протестовать? В «Nord»? Но я по-французски не умею хорошо написать и, кроме того, желал бы поступить с тактом. Думаю перебраться во Флоренцию и посоветоваться в русском консульстве, спросить наставления, как поступить». (Биография. Письма, 1883 г., стр. 198).

В нашем распоряжении имеется черновик письма Достоевского на русском языке к неизвестному пока для нас редактору швейцарского журнала, в котором Достоевский опровергает ложь этой вздорной книги, приписывая появление подобных сочинений незнакомству с Россией лиц, пишущих о ней. Это письмо говорит за то, что Достоевский сделал попытку разоблачить книгу. Появилось ли и где именно в печати это письмо Достоевского, нам неизвестно. Текст его следующий:

«Господин редактор. Позвольте иностранцу прибегнуть к бл. госклонной помощи вашего уважаемого журнала для ниспровержения лжи и восстановления истины.

Вот уже год, как я живу в Швейцарии. Выезжая прежде из России за границу, я только [ездил] [1]) проезжал мимо, путешествовал. Теперь же в первый раз поселился на месте, не езжу как путешественник, а живу в чужой земле, на одном месте. Таким образом в первый раз в моей жизни заметил во всей силе многое из того, чего бы мне и в голову не пришло, если б я только проезжал путешественником.

Между прочим, меня чрезвычайно поразило необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычайным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, например, географии. Не буду распространяться об этой неприятной и щекотливой теме. [Скаж.] Замечу только, что самые дикие и необычайные известия из современной жизни России находят в публике полную [вы] и самую наивную веру. Нельзя не заметить, что масса этих известий увеличивается как в газетах, так и в отдельных изданиях, [что кон] что, конечно, составляет признак все большего и большего интереса, который возбуждает мое отечество в массах европейской публики.

Всем известно, что есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России. Не прекращается тоже в разных [концах] краях Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. Эти книжки имеют большею частью вид обнаружения тайн и ужасных секретов России. Человек, европеец или русский, долго страдавший и негодовавший в России, сбиравший сведения, случайно поставленный так, что мог [обнаружить] добраться до истины и до обнаружения чрезвычайных фактов, успевает наконец, покинуть несчастную страну, в которой он задыхался от негодования, и где-нибудь за границей, где уже русское правительство над ним бессильно, издает, наконец, книгу, — свои наблюдения, записки, секреты. Его издатель спешит надписать на заглавной странице «собственность издателя» — и вот масса публики, в чем я твердо убедился в этот год жизни за границей, с самой наивной добросовестностью верит, что все это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя, не продажа на фунты или на лиры благородного негодования, отлично фабрикованного [1]) для двух целей — для вреда России и для собственной выгоды, потому что благородное негодование все-таки продается и продается с выгодой. Книжка издателю окупается, «труд» сочинителя тоже.

Таких книжек я видел много, некоторые из них читал. Фабрикованы они или иностранцами или даже рус-

[1]) Слова, зачеркнутые самим Достоевским в тексте, ставим в прямые скобки.

[1]) Первоначально: «подделанного», заменено и зачеркнуто.

скими, — во всяком случае — людьми, необходимо бывшими в России. В них называются известные имена, сообщается история известных лиц, описываются события, действительно бывшие, — но все это описано неверно, с искажением — для известной цели. И чем более автор лжет, тем становится он наглее. [Нужны] Промахи против истины и умышленные клеветы до такой степени иногда наглы и бесстыдны, что становятся даже забавны. Я часто смеялся, читая эти сочинения. Тем не менее [эти] они вредны, так, как и всякая клевета, всякое искажение истины. От всякой клеветы, как бы она ни была безобразна, всетаки что-нибудь остается. Кроме того, в мас[с]ах европейской публики распространяются ложные [искажения] искаженные мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь, а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково, по крайней мере, мое убеждение.

И, однако, признаюсь, я никогда [1] не взял бы на себя труда обнаруживать в этом случае ложь и восстановлять истину; труд слишком был бы уж унизителен. По прочтении [многих] некоторых из этих сочинений мне становится всегда почему-то чрезвычайно стыдно: или за автора, или за себя, что я взял на себя труд читать такую наглую нелепость [2]).

Но вот на-днях, случайно, попалась мне на глаза книжонка: «Les mystères du Palais des Czars (sous l'Empereur Nicolas I) par Paul Grimm, propriété de l'éditeur. Vurzbourg. F. A. Julien libraire-éditeur. 1868».

В этой книжке описывается собственная моя история, и я занимаю место одного из главнейших действующих лиц. Действие происходит в Петербурге, в последний год царствования императора Николая, т.-е. в 1855 году. И хоть бы написано было: роман, сказка; нет, все объявляется действительно бывшим, воистину происшедшим [и обнаруживаются будто бы секреты и тайны], с наглостью, почти непостижимою. [Упоминает] Выставляются лица, существующие действительно, упоминается о происшествиях не фантастических, но все до такой степени искажено и исковеркано, что [не в] читаешь и не веришь [подо] такому бесстыдству. Я, например, назван моим полным именем «Théodore Dostoiewsky, писатель, женат, председатель тайного общества»...

На этом обрывается письмо. Письмо не дописано и не датировано. Каким временем его датировать? Пока, за отсутствием определенных данных, возможно точно указать год: 1868, и приблизительно месяцы: август — октябрь [1]).

---

[1]) Первоначально: «всетаки», потом зачеркнуто и заменено: «никогда».

[2]) Первоначально: «мерзость», но зачеркнуто и заменено: «нелепость».

[1]) Достоевские Ф. М. и А. Г. приехали в Женеву из России через Баден 14—25 августа 1867 г. В этом письме Ф. М. указывает на год (почти) своего пребывания в Швейцарии. Таким образом датой письма надо считать июль — август 1868 г.; разумеется, датировка эта условна. Письмо обнаружено в тетради № 3, хранящейся в личном фонде писателя в Центрархиве. Письмо находится на стр. 89, 88 и 90 тетради; после письма на одной из ближайших страниц стоит дата 9 сентября нового стиля 1868 г. — по старому стилю это 28 августа. Попутно заметим, что на последней странице тетради есть дата. («Петербург 7 августа 1877 г. я еще не начинал продолжения романа», — пишет Достоевский; роман — «Бесы».) Первая дата позволяет думать, что письмо писано приблизительно в августе 1868 г. — Майкову в октябре 1868 г. Достоевский пишет о книге, как уже известной ему.

Но возможно сделать и другое предположение. Именно, после ответа Майкова Достоевский посоветовался с русским консульством в Женеве и набросал черновой набросок письма, который мы и привели выше. Рассуждая так, надо допустить, что датой письма является время после посылки письма Майкову, т.-е. время после 7 октября 1868 г. Придавать значение месту записи письма в тетради особенно не следует: ведь До-

В перспективе литературно-общественных настроений Достоевского в 70-е годы письмо это представляет интерес. За год перед тем появился в свет роман Тургенева «Дым», герой которого Потугин вызвал крайне резкое осуждение со стороны Достоевского, — Достоевский, встретясь с Тургеневым вскоре в Баден-Бадене, поссорился с ним из-за романа. В известном письме к А. Н. Майкову 16(28) августа 1867 г. Достоевский взволнованно рассказал последнему о причинах размолвки с автором романа «Дым». «Главное, — писал Достоевский Майкову, — книга «Дым» раздражала». И тут же ссылается на смысл, на «главную мысль» романа, которая собственно и раздражала его: «Тургенев сам говорил мне, — добавляет Достоевский, — что главная мысль, основная точка его книги, состоит в фразе: «Если бы провалилась Россия, не было бы никакого убытка, ни волнения в человечестве». Близкой разновидностью этого «убеждения» Тургенева, так сильно оскорбившего Достоевского, мог Достоевский считать и «Тайны двора времен Николая I», — вот почему он так был задет этой книгой.

Н. Бельчиков.

стоевский записывал не в порядке страниц. Он часто писал вперемежку, торопливо записывая пришедшую в голову мысль там, где свободно. И в тетрадях его можно встретить не раз случаи записывания материалов об одном и том же сюжете в двух-трех местах, из которых (материалов) одна часть бывает записана в начале тетради, другая в конце и в обратном порядке. Посредине эти записи бывают разделены другими, совсем неоднородными с первыми записями. Так и в данном случае, черновик этого письма очутился между записями материалов к роману «Вечный муж» (1869 и 1879 гг.). Самая запись письма шла в необычном порядке; начатая на 89 стр. запись перекинулась на 88 и закончилась на 90 стр. Словом, наше наблюдение говорит о том, что по месту записи датировка письма не может быть точно определена; скорее данные другого порядка (если только они найдутся; напр., тот журнал, где появилось письмо) — подскажут решение, — но таковых пока у нас нет. Письмо осталось в черновом, не отделанном и незаконченном виде. Никаких следов того, что Достоевский беседовал или советовался с консульством, нет. Поэтому вероятнее всего, что дело ограничилось вспышкой настроения Достоевского после того, как он прочел книгу, — и черновым наброском предполагаемого ответа. Затем все осталось забытым

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Февральская революция 1917 года	3—78
Дневник Николая Романова (продолжение)	79—96
Союз земельных собственников в 1917 г. С предисловием *О. Н. Чаадаевой*	97—121
«Демократическое» правительство Грузии и английское командование. С предисловием *С. Е. Сефо*	122—123
Начало врангелевщины. С предисловием *А. Гуковского*	174—181
Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. С предисловием *А. Л. Попова*	182—199
Общество «Священной Дружины». С предисловием *П. А. Садикова*	200—217

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Как буржуазия готовилась к Октябрю. Сообщила *О. Н. Чаадаева*	218—220
Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. Сообщил *И. И. Минц*	220—223
Подкуп «Нового Времени» царским правительством. Сообщил *В. П. Алексеев*	223—226
«Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. Сообщил *С. Н. Валк*	226—231
Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. Сообщил *А. Чулошников*	231—241
Ф. М. Достоевский—«член тайного общества». Сообщил *Н. Ф. Бельчиков*	241—244

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАРХИВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. НЕВСКОГО
Вступительная статья В. Н. ФИГНЕР

Стр. 515. Ц. 5 р.

„Главная ценность дневников Тихомирова в том, что они — иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, которую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и наконец самый факт измены своей партии ее бывшего вождя, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения „героя безвременья",—все это заставляет внимательно прочесть эту книгу".

Из предисловия В. Невского.

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены. Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов. Идеология Общества Соединенных Славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над Славянами. Заключение.

Приложения. Список Общества Соединенных Славян. Примечания. Указатели: географический и именной. Таблицы символических знаков славян. Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.